

*Всероссийская студенческая научно-практическая конференция
«Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации»*

АНО ВО «МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ОТКРЫТЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ»

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ
И ИННОВАЦИИ

Сборник статей по материалам
V Всероссийской студенческой научно-практической конференции
27 марта 2026 года

Под редакцией канд.пед.наук, доцента И.А.Загайнова

Йошкар-Ола
2026

УДК 378
ББК 72.5
М 75

Печатается по решению Ученого Совета
АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт»

Рецензенты:

Баланчук О. Е., канд. филол. наук, доцент, АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт» (разделы 4, 5, 6)

Белоусова В. И., канд. экон. наук, АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт» (раздел 2)

Пушкарёв С. В., канд. юрид. наук, АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт» (разделы 1, 3, 5)

М 75 Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей по материалам V Всероссийской студенческой научно-практической конференции (27 марта 2026 года) / под ред. И.А. Загайнова. – Йошкар-Ола: АНО ВО МОСИ, 2026. – 208 с.

ISBN 978-5-6053776-6-5

Сборник статей «Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации» издан по материалам V Всероссийской студенческой научно-практической конференции, организованной на базе Межрегионального открытого социального института 27 марта 2026 г.

Статьи отражают актуальные проблемы психологии, педагогики, юриспруденции и экономики, основаны на оригинальном исследовательском опыте авторов.

Мнения, высказанные в материалах сборника, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Статьи печатаются в авторской редакции

УДК 378
ББК 72.5

© Межрегиональный открытый
социальный институт, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

<i>Аверченко А.Д., Вайнилович Ю.В.</i>	7
Сравнительный анализ нейросетевых методов для задач автоматизированной оценки музыкального исполнения	
<i>Астапчик Д.А.</i>	15
Эволюция подходов к определению правосубъектности искусственного интеллекта	
<i>Прошкина А.Ю., Гриценко Т.В.</i>	18
Трансформация института доказывания в уголовном процессе под влиянием цифровизации и технологий искусственного интеллекта	
<i>Швец В.А., Швец А.В.</i>	25
Влияние цифровизации и развития систем искусственного интеллекта на трудовое право	

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ И НАЛОГОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Ахмадеева М. А.</i>	30
Экономическая эффективность сервисного обслуживания в условиях модернизации нефтеперерабатывающих заводов	
<i>Зайченкова В.С., Запасник Е.Ю.</i>	34
Цифровая трансформация закупочной логистики как фактор повышения экономической эффективности промышленных предприятий	
<i>Мартынова М.О.</i>	40
Цифровые платформы как фактор трансформации молодёжного рынка труда	
<i>Тоголин В.С., Ниязбекова Ш.У.</i>	44
Управление налоговыми рисками в системе экономической безопасности организации	

РАЗДЕЛ 3. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (ГРАЖДАНСКОЕ, УГОЛОВНОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО)

<i>Гриценко М.А.</i>	49
Теория бюрократии как общественно-правового явления	

<i>Песоцкая А.А., Блохин Ю.И.</i>	56
Общая характеристика преступлений, совершаемых государственными служащими против государственной власти и интересов государственной службы	
<i>Смышляев С.М.</i>	60
Конституционно-правовые гарантии этнокультурного многообразия в субъектах Российской Федерации	
<i>Соколова Я.Г.</i>	68
Гражданско-правовая защита информации о частной жизни	
<i>Сухов А. А.</i>	73
Преемственность и реформы: работа с обращениями граждан в СССР и современной России	
<i>Щенка И. В., Швец А. В.</i>	79
От ОФЛАЙНА к ОНЛАЙНУ: адаптация законодательства для защиты гражданских прав	
РАЗДЕЛ 4. ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА, МЕДИЦИНА И ЗДОРОВЬЕ	
<i>Афанасьев Е. В.</i>	85
Жертвовать репрезентативностью ради достоверности? Когнитивный аутсорс ответов на обязательные и необязательные вопросы анкет	
<i>Батяева А.С., Бобченко Т.Г.</i>	89
Ценностные ориентации учащихся подросткового возраста как фактор социальной адаптированности	
<i>Беськаева В. А., Захарова Е. А., Гагарин А. Н.</i>	95
Преодоление правового нигилизма в молодежной среде средствами образования	
<i>Гармидер Э.И., Романов А.Д., Стукалова А.С.</i>	99
Роль профессионально значимой личности в воспитании студентов медицинского вуза	
<i>Гончарова М. Р., Домнина О. В.</i>	104
Психология допроса в цифровой среде: эффективность новых методов и защита от манипуляций (с учетом применения ИИ)	

Всероссийская студенческая научно-практическая конференция

«Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации»

<i>Карамасова М.А.</i>	<i>111</i>
Персонализированный выбор средств гигиены полости рта у детей с аллергической патологией	
<i>Кубашичева А.А., Кучеренко А.С.</i>	<i>116</i>
Психологические предикторы отказа от профилактических стоматологических осмотров у взрослых пациентов	
<i>Кудрявцев Г.М.</i>	<i>122</i>
Перфекционизм как фактор риска психических расстройств: от адаптивного к патологическому	
<i>Наумова А.С., Свириденко И.А.</i>	<i>126</i>
Фонематический слух как основополагающий блок в «пирамиде» фонематических процессов	
<i>Никулина К.А.</i>	<i>132</i>
Теоретические основы физиологии жевания: история изучения, методы исследования и влияние пищевых факторов на развитие зубочелюстной системы	
<i>Обмачевская Р.А., Тюльпарова А.А.</i>	<i>139</i>
Оценка функционального состояния и вегетативного баланса у студентов-медиков младших курсов	
<i>Тенигина А.А.</i>	<i>144</i>
Педагогические условия развития мышления как компонента иноязычных способностей в процессе обучения рецептивным видам речевой деятельности на уроке иностранного языка	
<i>Хайбрахманова Р.Р.</i>	<i>148</i>
Методическое сопровождение деятельности педагогов ДОО по формированию социального интеллекта старших дошкольников	
РАЗДЕЛ 5. ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО	
<i>Безрукавая У.Б., Воробьева Ю.С.</i>	<i>153</i>
Арктическая зона в Российской Федерации: практика и перспективы развития	
<i>Беркалиев А.А.</i>	<i>159</i>
Социальные, экономические и политические факторы, обусловившие необходимость преобразований в российской образовательной системе в пореформенный период (1861- 1917 гг.)	

Всероссийская студенческая научно-практическая конференция

«Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации»

<i>Брит А.А.</i>	163
Изучение проблемы взаимодействия системы «человек – общество – природа» в отечественной и зарубежной историографии	
<i>Володин В.А.</i>	171
К вопросу о современном правовом статусе администрации муниципального образования	
<i>Володина Ю.М.</i>	175
Роль современных технологий в предоставлении государственных и муниципальных услуг	
<i>Луговцова М.Ю.</i>	178
Основание Коммунистической партии Бельгии (КПБ) 1921 – 1932 гг.	
<i>Соколов А.Д.</i>	182
Цифровые решения задачи информирования о мерах социальной поддержки семей с детьми	
РАЗДЕЛ 6. БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	190
<i>Карпов Р.А.</i>	190
Методы интеллектуального анализа данных в системах мониторинга социальных рисков	
<i>Машеро Я.П.</i>	194
Международное интеграционное сотрудничество по вопросам экологической безопасности	
<i>Морозова К.К., Ведяскин Ю.А.</i>	200
Проблемные моменты при переходе из других профессий в МЧС России	
<i>Половинкин А.И., Голованов Р.В.</i>	204
Риски цифровизации в контексте безопасности жизнедеятельности	

РАЗДЕЛ 1. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

Аверченко А.Д., Вайнилович Ю.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕЙРОСЕТЕВЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ЗАДАЧ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОЦЕНКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Аннотация. Целью данной работы является сравнительное исследование нейросетевых алгоритмов для автоматической оценки музыкального исполнения. Для этого были выбраны три программных инструмента, представляющие разные методологии анализа звука: Spotify Basic Pitch (нейросетевой подход), Celemony Melodyne (гибридный подход) и Intonia (классический DSP). Эксперименты проводились на четырех категориях фортепианных записей: идеальная гамма, записи с преднамеренными ошибками интонации и ритма, записи с измененной артикуляцией и записи с фоновым шумом. Визуальная оценка результатов выявила ключевые преимущества нейросетевых и гибридных методов, такие как их устойчивость к помехам и способность к более глубокому анализу различных аспектов исполнения.

Ключевые слова: нейросетевой анализ музыки, автоматизированная оценка исполнения, нейронные сети, гибридные алгоритмы, DSP, распознавание нот, музыкальное образование

Музыкальное образование на современном этапе находится в процессе активной цифровой трансформации. Увеличение востребованности удаленных образовательных моделей и самообучения музыке порождает устойчивый спрос в инструментах для объективного измерения уровня исполнительских навыков. Существующие подходы к педагогическому контролю, опирающиеся на личное суждение педагога, показывают свою недостаточную применимость при расширении охвата и в ситуациях, исключающих личное взаимодействие с обучающимся.

В контексте решения рассматриваемой проблемы, нейросетевые технологии приобретают особую значимость благодаря их способности к комплексному анализу звукового сигнала, включающему распознавание нот, идентификацию ошибок ритма, артикуляции и интонирования и предоставление детализированной обратной связи [1]. Принципиальное отличие нейросетей от классических методов цифровой обработки сигналов (DSP) заключается в их обучении на обширных наборах данных,

что обеспечивает адаптивность к вариативным стилям исполнения, инструментам и акустическим условиям [4].

Данное исследование ставит своей целью сравнительный анализ нейросетевых методов анализа музыкального исполнения и выявление их преимуществ перед традиционными DSP-подходами при решении задач в сфере образования.

Для сравнительного исследования были отобраны три программных продукта, демонстрирующих различные методологии анализа звука:

Celemony Melodyne – это профессиональный аудиоредактор, применяющий гибридный подход, сочетающий цифровой сигнальный обработчик звука (DSP) с элементами интеллектуального анализа звука (технология DNA – Direct Note Access) [5]. Результаты анализа представляется в виде визуальных объектов, соответствующих отдельным звуковым событиям (нотам), с возможностью детального исследования их акустических параметров: высоты, длительности, формы и связи с друг другом.

Spotify Basic Pitch – открытый инструмент от Spotify, который применяет сверточные нейронные сети (CNN) для транскрипции аудио в MIDI. Визуализация в виде нотного стана с распознанными нотами делает его интуитивно понятным для музыкантов [3].

Intonia – это программа, которая опирается на классические принципы цифровой обработки сигналов. Она позволяет в реальном времени анализировать высоту тона и представлять полученные данные в виде графика. В рамках данного исследования Intonia выступает в роли контрольного показателя для оценки эффективности нейросетевых решений.

Для тестирования были подготовлены четыре типа записей фортепианного исполнения гаммы до-мажор:

1. Идеальная запись – ровное, чистое исполнение с правильным интонированием, ритмом и артикуляцией;
2. Запись с ошибками – намеренно внесённые интонационные отклонения (фальшивые ноты), ритмические ошибки (задержки и ускорения);
3. Запись с фоновым шумом в виде голоса – неидеальное исполнение на фоне звучащего голоса;
4. Запись с фоновым шумом в виде неровного стука – исполнение на фоне неритмичных стуков (имитация бытового шума).

Процесс оценки включал поэтапную обработку каждой записи в каждой из трёх программ. Результаты анализировались визуально, сфокусировавшись на следующих критериях:

корректность определения высоты звука: насколько точно программа распознавала высоту каждой ноты;

идентификация ритмических нарушений: успешность в обнаружении длительности каждой отдельной ноты;

различение артикуляционных нюансов: способность отличать легато и стаккато;

эффективность работы в зашумленной среде: качество функционирования программы при наличии фоновых звуков.

Следует отметить, что на текущем этапе исследования оценка проводилась качественно-визуальным методом. Введение формализованных количественных метрик (F-мера распознавания нот, среднеквадратичное отклонение высоты тона) планируется в последующих работах.

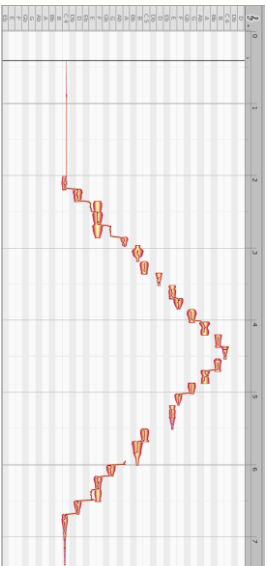
На рисунках 1–3 представлены результаты обработки четырёх типов записей в каждой из трёх программ.

Обобщённые результаты визуальной оценки сведены в таблицу 1, в которой применяется единая пятибалльная шкала: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно», «отсутствует».

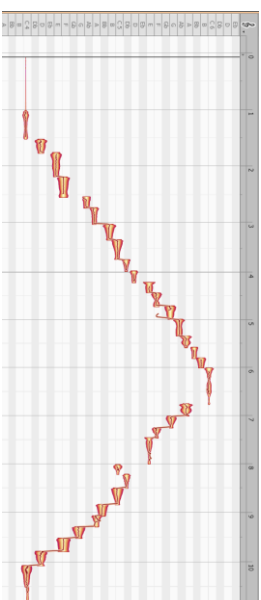
Таблица 1 – Сравнительный анализ программных продуктов для оценки музыкального исполнения

Критерий сравнения	Celemony Melodyne (гибрид)	Spotify Basic Pitch (нейросеть)	Intonia (DSP)
Определение высоты нот	Высокое	Среднее	Высокое
Обнаружение ритмических ошибок	Хорошее	Хорошее	Среднее
Анализ артикуляции (легато/стаккато)	Отличное	Отсутствует	Отсутствует
Устойчивость к фоновому голосу	Средняя	Средняя	Низкая
Устойчивость к фоновому стуку	Средняя	Отличная	Отличная

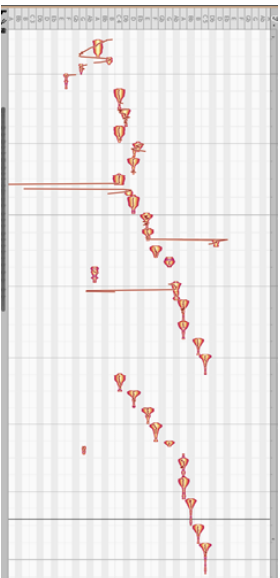
Проведённый анализ позволил оценить возможности и ограничения каждого метода.

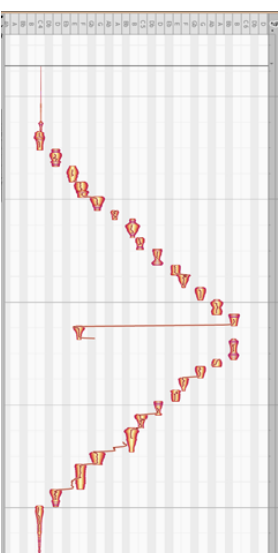
а) идеальная запись

б) с ошибками

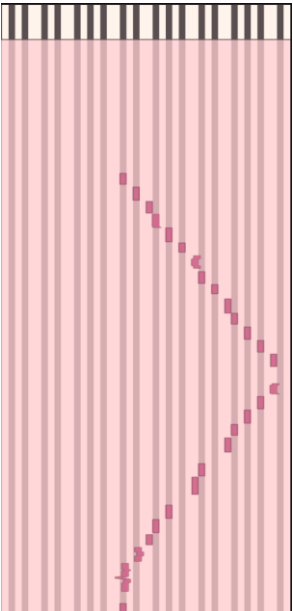

в) с фоновым голосом

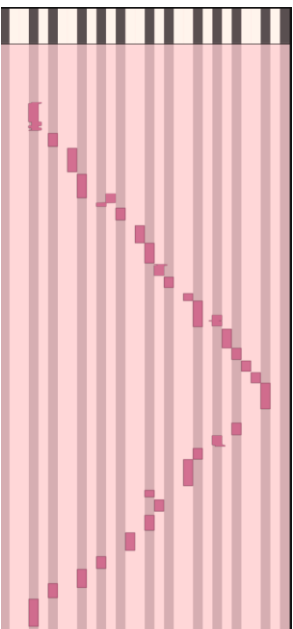

г) с фоновым шумом

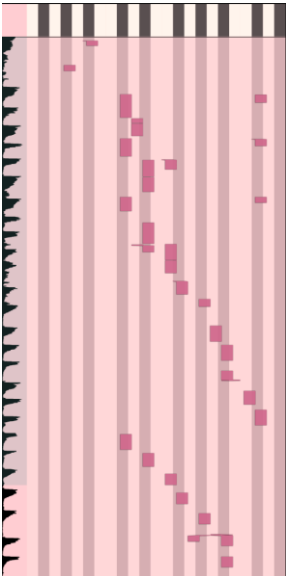
Рисунок 1 – Анализ записи в Melodun
Составлено автором.

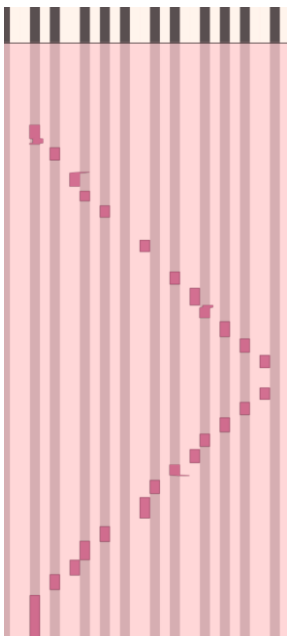
а) идеальная запись

б) с ошибками

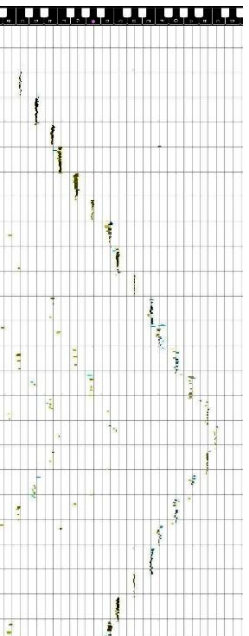
в) с фоновым голосом

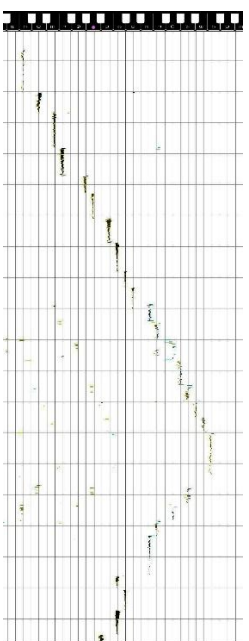
г) с фоновым шумом

Рисунок 2 – Анализ записи в Spotify Basic Pitch
Составлено автором.

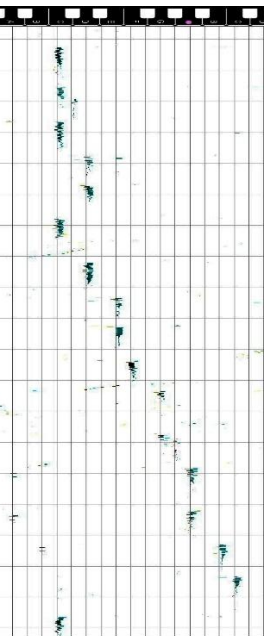
*Всероссийская студенческая научно-практическая конференция
«Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации»*

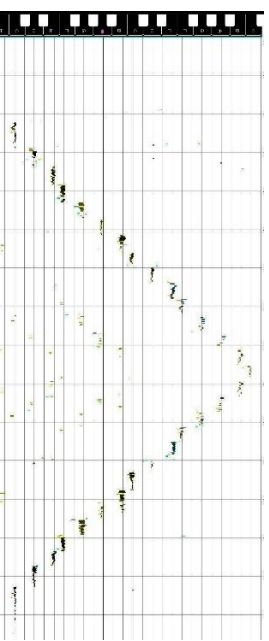
а) идеальная запись

б) с ошибками

в) с фоновым голосом

г) с фоновым шумом

Рисунок 3 – Анализ записи в Intopia
Составлено автором.

Классический DSP-подход (Intonia) демонстрирует высокую эффективность в определении высоты тона в условиях чистого сигнала и обеспечивает адекватную визуализацию интонационных отклонений. Однако его принципиальная нечувствительность к ритмическим и артикуляционным параметрам, а также критическое снижение производительности в условиях шумовых помех, обуславливает необходимость разработки и внедрения более совершенных подходов для комплексной оценки исполнительского мастерства (рис. 3)

Нейросетевой подход Spotify Basic Pitch выявляет ряд ключевых достоинств:

возможность одновременно идентифицировать музыкальные ноты и их ритмический рисунок, отображая их в удобном формате нотного стана;

повышенная помехоустойчивость к определенным видам шумов, в частности к человеческому голосу, что превосходит возможности традиционного DSP-подхода;

интуитивно понятное представление результатов, что особенно ценно для начинающих музыкантов.

Текущие ограничения проявляются в отсутствии анализа артикуляции, неточности при наличии ритмических шумовых паттернов (например, стука) и неверное определение высоты некоторых нот. Однако именно подход нейросетевого обучения является определяющим для дальнейшего развития, поскольку современные архитектуры демонстрируют способность к масштабируемому обучению на больших данных [4], что позволит последовательно минимизировать эти ограничения (рис. 2).

Анализ функционала Melodyne выявляет эффективность гибридного подхода, соединяющего продвинутые алгоритмы DSP и интеллектуальный анализ звука. Данное программное обеспечение демонстрирует высокую точность в определении высоты и длительности нот, а также предоставляет визуализацию артикуляционных особенностей, сохраняя общую структуру мелодии даже с наличием фоновых шумов в виде голоса или стука, что позиционирует его как наиболее информативный инструмент в данной категории (рис. 1).

В ходе сопоставления трех технологических подходов были сделаны следующие выводы.

Традиционный DSP-подход (Intonia) имеет ограниченную применимость, будучи эффективным лишь для специализированных задач, таких как анализ интонации в чистом аудиосигнале, но не способен обеспечить комплексную оценку.

Нейросетевые решения (Spotify Basic Pitch) демонстрируют существенные преимущества, однако точность определения высоты отдельных нот требует дальнейшего совершенствования.

Гибридные системы, интегрирующие DSP и интеллектуальный анализ звука (Melodyne), обеспечивают наиболее всесторонний анализ, включая нюансы артикуляции, и тем самым устанавливают текущие требования к качеству автоматизированной оценки, открывая перспективы ее развития.

Дальнейшие исследования предполагают расширение выборки тестовых записей, введение количественных метрик оценки и апробацию разработанной методики на других музыкальных инструментах.

Список источников

1. Аверченко А. Д., Вайнилович Ю. В. Анализ существующих подходов к разработке систем автоматизированной оценки музыкального исполнения // Энергетика, информатика, инновации - 2025 : Материалы XV Международной научно-технической конференции. В 3-х томах, Смоленск, 19–20 ноября 2025 года. Смоленск: ООО «Универсум», 2025. С. 203–205.

2. Вайнилович Ю. В., Аверченко А. Д. Оценка потребности в развитии систем дистанционного музыкального образования // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. С. 297–300.

3. Basic Pitch: Open source audio-to-MIDI converter [Электронный ресурс] / Spotify. URL : <https://github.com/spotify/basic-pitch> (дата обращения: 12.03.2026).

4. Benetos, E. Automatic Music Transcription: An Overview / E. Benetos, S. Dixon, Z. Duan, S. Ewert // IEEE Signal Processing Magazine. 2019. Vol. 36, No. 1. P. 72–91.

5. Celemony Melodyne: Technology [Электронный ресурс] / Celemony Software GmbH. URL : <https://www.celemony.com/en/melodyne/technology> (дата обращения: 12.03.2026).

Сведения об авторах

Аверченко Аполлинария Дмитриевна, студентка, Белорусско-Российский университет, Могилев, Беларусь, averalina@gmail.com

Вайнилович Юлия Викторовна, канд. техн. наук, доцент, Белорусско-Российский университет, Могилев, Беларусь, yulia.v@tut.by

УДК 341.17+004.8

Астапчик Д.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье исследуется эволюция подходов к правосубъектности искусственного интеллекта – одной из наиболее дискуссионных тем в современной юридической науке. Констатируется, что стремительное развитие систем искусственного интеллекта, способных принимать автономные решения, создавать объекты интеллектуальной собственности и др., ставит перед правом новые вопросы, на которые традиционные правовые конструкции не дают ответа. Анализируются основные подходы к определению правосубъектности искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется правовым и этическим ограничениям признания правосубъектности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, автономные системы, этика ИИ

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и их внедрение во все сферы общественной жизни ставит перед современной юриспруденцией новые вопросы, на которые традиционные правовые конструкции не дают ответа. Системы, способные к самообучению, автономному принятию решений и созданию новых объектов интеллектуальной собственности, перестают вписываться в традиционные рамки гражданского права. Для Республики Беларусь, взявшей курс на построение IT-страны и развитие цифровой экономики (в частности, в рамках правового режима Парка высоких технологий), вопрос правового статуса ИИ приобретает особую актуальность.

Следует отметить, что вопрос правосубъектности ИИ имеет не только теоретическое, но и практическое значение. От того, как он будет решен, зависит:

- 1) возможность привлечения ИИ к ответственности;
- 2) способность ИИ быть стороной договора;
- 3) право на объекты, созданные ИИ;
- 4) процессуальный статус ИИ и др.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции подходов к правосубъектности искусственного интеллекта.

Исторически подходы к определению правосубъектности ИИ прошли сложную эволюцию, которую можно разделить на несколько ключевых этапов.

Первым этапом будет являться ИИ как объект права (инструментальный подход). Это классический и наиболее распространенный на сегодняшний день подход, которого придерживается и законодательство Республики Беларусь в рамках Гражданского кодекса Республики Беларусь [Гражданский кодекс].

ИИ рассматривается исключительно как вещь, сложная программа для ЭВМ (электронно-вычислительная машина) или база данных. Искусственный интеллект выступает лишь инструментом в руках человека, подобно калькулятору или станку. При таком подходе полностью исключается какая-либо правосубъектность машины. Ответственность за причиненный ИИ вред или права на созданные им произведения несет разработчик, владелец или пользователь системы. Однако по мере роста автономности нейросетей данный подход начал демонстрировать свою ограниченность: в случаях «черного ящика», когда даже создатель не может предсказать решение ИИ, найти виновного субъекта становится крайне сложно.

Вторым этапом будет являться ИИ как электронное лицо (концепция юридической фикции). Поворотной точкой в мировой дискуссии стала Резолюция Европейского парламента 2017 года, в которой впервые была предложена концепция наделения наиболее совершенных автономных роботов статусом «электронного лица» [Морхат, 2018]. Данный подход базируется на аналогии с юридическим лицом. Как и корпорация, ИИ не обладает биологическим сознанием, но может выступать участником гражданского оборота посредством правовой фикции. Предполагалось, что наделение ИИ ограниченной правосубъектностью позволит решить проблему ответственности: ИИ (или робот) регистрируется в специальном реестре, наделяется собственным имуществом (страховым фондом) и самостоятельно отвечает по своим обязательствам.

Третьим этапом будет являться ИИ как агент (представитель). В рамках этой концепции ИИ рассматривается не как самостоятельная личность, а как квази-агент, действующий по поручению принципала (человека или компании). Робот заключает смарт-контракты, совершает сделки на бирже или заказывает товары. Сторонники этой теории предлагают применять к действиям ИИ нормы о представительстве, расширив их толкование. Однако в праве Республики Беларусь представителем может быть только субъект права (физическое или юридическое лицо), наделенный волей, что делает прямое применение

института представительства к алгоритму невозможным без изменения фундаментальных основ гражданского права [Гражданский кодекс].

Четвертый (современный) этап: концепция квазисубъектности. На современном этапе научное сообщество отходит от радикальных идей приравнивания ИИ к человеку и приходит к компромиссному варианту – признанию за ИИ статуса «квазисубъекта» или особого объекта права с элементами субъектности. Как отмечает П.М. Морхат, речь идет не о наделении ИИ правами человека, а о создании специального утилитарного правового режима [Морхат, 2018].

В контексте правовой системы Республики Беларусь эволюция взглядов на ИИ также имеет свою специфику. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» [О развитии цифровой экономики, 2017] стал прорывным документом, легализовавшим смарт-контракты и криптовалюты, что доказало гибкость белорусского права. Однако в отношении ИИ белорусский законодатель пока придерживается консервативной позиции (ИИ – это объект).

Отечественные исследователи отмечают необходимость модернизации законодательства. В частности, предлагается ввести в гражданский оборот институт обязательного страхования ответственности владельцев высокорисковых систем ИИ (по аналогии со страхованием ответственности владельцев транспортных средств). Кроме того, в сфере интеллектуальной собственности Республики Беларусь назревает необходимость определения статуса произведений, сгенерированных нейросетями [Лосев, 2021, с. 26].

Сегодня можно также говорить о правовых и этических ограничениях правосубъектности ИИ. Так, классическая правосубъектность предполагает наличие воли (способность к осознанному действию) и способности нести моральную ответственность. У ИИ нет сознания, нет свободы воли, нет моральных качеств. Если ИИ будет признан субъектом права, возникает вопрос: где провести грань? Какие системы ИИ достойны правосубъектности, а какие нет? Кроме того, в литературе часто отмечается, что даже если признать ИИ субъектов ответственности, то возникает проблема его принуждения к исполнению своих обязанностей.

Таким образом, можно констатировать, что эволюция подходов к правосубъектности ИИ движется от полного отрицания (инструментальный подход) к поиску гибридных форм (квазисубъектность). Для Республики Беларусь наиболее перспективным видится не революционное наделение машин правами, а эволюционная адаптация существующих институтов гражданского права: введение строгой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности (которым должен быть признан автономный ИИ), и создание

системы обязательного страхования рисков, связанных с его использованием. Это позволит сохранить баланс между стимулированием инноваций в IT-секторе страны и защитой прав граждан.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 9 декабря. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.03.2026).
2. Лосев С. С. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Право.by. 2021. № 1. С. 22–28
3. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 420 с.
4. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.03.2026).

Сведения об авторах

Астапчик Дмитрий Александрович, студент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь, dimas_1011@mail.ru

Габец Наталья Сергеевна, научный руководитель, старший преподаватель, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь, ngabets@grsu.by

УДК 343.14

Прошкина А.Ю., Гриценко Т.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В рамках статьи рассмотрены вопросы цифровых доказательств и искусственного интеллекта (ИИ) в современном институте доказывания в уголовном судопроизводстве, по итогам исследования была выдвинута необходимость внесения изменений в современной уголовно-процессуальное законодательство: необходимость

закрепления легального определения цифровых доказательств, введения специальных следственных действий для работы с цифровыми доказательствами, урегулирование статуса результатов работы ИИ, введение института цифровой экспертизы и законодательное закрепление требования обязательного указания использования ИИ при подготовке доказательств.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, институт доказывания в уголовном судопроизводстве, цифровые доказательства, нейросети в уголовном процессе

Современный этап развития общественных отношений характеризуется глубокой трансформацией под воздействием цифровых технологий, включая и такую относительно консервативную область, как уголовное судопроизводство. Цифровая среда сейчас является не только местом совершения преступления, но и новым источником криминалистически важной информации. При этом статистика подтверждает актуальность проблемы: количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее по тексту – ИТТ), имеет тенденцию роста и занимает большую долю в общем массиве преступлений (табл. 1).

Таблица 1 – Аналитические данные о преступности с использованием ИТТ

Годы	2021	2022	2023	2024	2025
Всего преступлений	2 004 404	1 966 795	1 947 161	1 911 258	1 771 174
Преступлений, совершенных с использованием ИТТ	517 722	522 065	676 951	765 365	675 372
Доля преступлений, совершенных в использовании ИТТ, в процентах	25,8	26,5	34,8	40	38

Таблица составлена автором по данным: [4–8].

Повсеместное внедрение систем ИИ в работу правоохранительных органов и судов ставит перед наукой уголовно-процессуального права принципиально новые вопросы, касающиеся фундаментальных основ института доказательств и доказывания. В научной литературе

обоснованно указывается, что интеграция цифровых технологий в уголовно-процессуальное доказывание должна осуществляться с одновременным установлением пределов, условий и порядка их сбора, проверки, оценки и использования.

Актуальность темы исследования обусловлена наличием явного противоречия между стремительным технологическим развитием и относительной статичностью уголовно-процессуального законодательства. Сейчас традиционные подходы к собиранию, проверке и оценке доказательств, ориентированные по большей части на материальные носители информации и субъективное усмотрение правоприменителя, не работают в условиях цифровой реальности. Внедрение ИИ в процессы доказывания порождают риски, связанные с непрозрачностью систем ИИ, и ставит под угрозу реализацию таких общих условий судебного разбирательства, как непосредственность и устность. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, технологии принятия решений на основе ИИ в их нынешнем виде могут не соответствовать ни частным, ни публичным интересам ввиду того, что технологии ИИ не обладают эмоциональным интеллектом, который так необходим для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Цель работы – комплексный и всесторонний анализ влияния цифровизации и ИИ на институт доказательств и доказывания в уголовном процессе, выявление ключевых проблем и определение перспективных направлений совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Методы исследования – анализ, систематизация, формально-юридический, диалектический, системный.

Материалы исследования – уголовно-процессуальное законодательство РФ, научные статьи, статистические данные.

Классическая теория доказательств традиционно оперирует понятиями «вещественные доказательства» и «документы». Процесс цифровизации же приводит к формированию принципиально нового типа носителей информации – цифрового (электронного). В сфере научных деятеley и правоприменительной практике все чаще используется термин «электронные доказательства» или «цифровые следы».

Особенностью электронных доказательств выступает их нематериальная природа (совокупность электрических сигналов), зависимость от средств электронно-вычислительной техники для интерпретации и высокая уязвимость модификации. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ [УПК РФ, 2026] до сих пор не содержится легального определения цифровых доказательств, они также не включены в качестве самостоятельного вида доказательств, перечень которых

установлен ч. 2 ст. 74 УПК РФ. На практике происходит так, что электронные доказательства (цифровые следы) встраиваются в уже существующие категории «иные документы» (ст. 84 УПК РФ) или «вещественные доказательства» (ст. 81 УПК РФ), что не в полной мере отражает специфические особенности цифровых доказательств и ведет к трудностям их изъятия и приобщения к уголовному делу [Федотов, Смагин, 2014, с. 192].

В связи с этим считаем необходимым внести дополнение в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, включив цифровые доказательства в качестве самостоятельного вида доказательств. Кроме того, считаем необходимым дать легальное определение термину «цифровые доказательства» и, тем самым, дополнить ст. 5 УПК РФ следующей нормой-дефиницией: «цифровые доказательства – сведения, содержащиеся в электронном документе и (или) на электронном носителе информации, зафиксированные в цифровой форме, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания), либо иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела».

Еще одной немаловажной проблемой цифровых доказательств в рамках уголовного судопроизводства выступает то, что они требуют специального изъятия компетентными специалистами во избежание утраты или удаления информации. Это обуславливает необходимость закрепления нового следственного действия, которое бы предусматривало работу с особенностями цифровой информации, поскольку не все следователи обладают специальными знаниями в IT-сфере.

Хотя и ст. 164.1 УПК РФ регламентируется процедура изъятия электронных носителей, но она не вводит никакого самостоятельного следственного действия, она лишь дополняет уже существующие. В связи с тем, что при работе с цифровыми доказательствами производство традиционных следственных действий может привести к утрате или модификации информации ввиду отсутствия у субъекта доказывания необходимых технических познаний, требуется иной принципиально новый подход к процессуальному оформлению изъятия цифровых следов.

В науке уголовно-процессуального права активно обсуждается вопрос о введении специальных следственных действий для работы с цифровой информацией. Например, С.В. Зуев и Д.В. Овсянников в своем исследовании предлагают ввести такое следственное действие, как «копирование электронной информации», поскольку существующие следственные действия, в рамках производства которых предусмотрена процедура изъятия, ориентированы на материальные объекты и не учитывают специфику цифровых данных, которые могут быть

скопированы без изъятия носителя [Зуев, Овсянников, 2014, с. 171]. А.И. Зазулин же обосновывает необходимость «онлайн-обьеска» для случаев, когда информация находится в удаленных серверах или облачных хранилищах, доступ к которым затруднен в рамках традиционных следственных действий [Зазулин, 2022, с. 121].

Отсутствие специально предназначенных для работы с цифровой информацией следственных действий создает риск нарушения процессуальной формы и, как следствие, признания полученных доказательств недопустимыми. В связи с этим считаем необходимым ввести два новых следственных действия, производство которых учитывало бы специфику цифровых данных: «копирование электронной информации» и «онлайн-обьеск».

В современном уголовном процессе влияние ИИ на институт доказательств и доказывания можно рассматривать в двух аспектах: как инструмент познания и как потенциальный источник (генератор) доказательственной информации.

Рассмотрим для начала ИИ как инструмент познания. Современные технологии позволяют использовать алгоритмы машинного обучения для автоматизированного анализа большого объема данных при расследовании преступлений. Системы ИИ способны обнаруживать скрытые связи между событиями, лицами и предметами, анализировать трафик телефонных переговоров, банковских операций, проводить идентификацию личности по биометрическим данным, автоматизировать проведение отдельных видов экспертиз.

Использование технологий ИИ может в несколько раз увеличить эффективность работы должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. Однако появляется вопрос: какой процессуальный статус результатов такой работы? Является ли аналитическая справка, сгенерированная нейросетью, доказательством?

Как отмечается в зарубежных исследованиях, в настоящее время формируется принципиально новая категория доказательств – «машинно-сгенерированные доказательства», которые создаются системами, построенными на аппаратном обеспечении, программном обеспечении и ИИ. В 2025 году Федеральный судебный центр США предложил новое Правило 707 о доказательствах, утверждающее, что «машинно-сгенерированные доказательства» должны соответствовать существующим стандартам надежности [Canellas on Machine-Generated Evidence, 2025]. Этот факт свидетельствует о формировании международного подхода к признанию за результатами работы ИИ доказательственного значения при условии обеспечения их проверяемости.

Что касается российской правовой системы, то на данный момент информации, полученная с использованием ИИ, не выступает в роли самостоятельных доказательств, она является лишь ориентирующей информацией, требующей последующего процессуального придания законной силы через проведение следственных действий.

Следует отметить и такую фундаментальную проблему использования ИИ в юридической сфере как свойство нейросети генерировать «галлюцинации» – представленные нейросетью вымышленные данные [Орбелиани, 2025]. Как отмечает ряд экспертов, в настоящий момент «галлюцинации» заложены в принцип работы моделей, поскольку они являются компромиссом между оригинальностью и точностью.

Наличие «галлюцинаций» создает критическую угрозу в правовой сфере. Известно немало случаев, когда американские адвокаты представляли в суд доклады по делу с вымышленными судебными решениями, сгенерированными нейросетью. ИИ создал убедительные прецеденты, которые юристы не проверили, что привело к судебным санкциям и штрафам.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации и внедрения ИИ:

1. Необходимость легального закрепления понятия цифровых доказательств:

а) дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ, включив цифровые доказательства в перечень видов доказательств;

б) закрепить в ст. 5 УПК РФ дефиницию: «цифровые доказательства – сведения, содержащиеся в электронном документе и (или) на электронном носителе информации, зафиксированные в цифровой форме, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания), либо иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела».

2. Необходимость введения специальных следственных действий для работы с цифровыми доказательствами. К таковым следственным действиям относятся «копирование электронной информации» и «онлайн-обиск».

3. Урегулировать статус результатов работы ИИ, закрепив, что итоговые процессуальные решения – это прерогатива человека, а результаты работы ИИ – вспомогательный и ориентирующий инструмент.

Дополнить УПК РФ нормой, обязывающей сторону, представляющую доказательства, полученные с использованием ИИ, раскрывать информацию о системе (разработчик, версия, методология). По аналогии с

Правилom 707 США, такие доказательства следует проверять на соответствие стандартам надежности. В случае достоверности и надежности такие доказательства можно признавать допустимыми.

4. Ввести институт цифровой экспертизы.

5. Предусмотреть в ст. 74 УПК РФ требование обязательного указания на использование ИИ при подготовке доказательств. Сокрытие этого обстоятельства признать основанием для признания доказательства недопустимым

Список источников

1. Зазулин А. И. Онлайн-обыск как самостоятельное следственное действие: предпосылки, перспективы и недостатки // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 28 апреля 2022 года). В 2-х частях. Часть 1. Казань, 2022. С. 117–123.

2. Зуев С.В., Овсянников Д.В. Копирование электронной информации в теории и практике уголовного процесса // Вестник СамГУ. 2014. № 11–2 (122). С.168–173.

3. Орбелиани М. Креативный компромисс... // Коммерсантъ. 2025. 26 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7753908> (дата обращения: 18.03.2026).

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/28049380/> (дата обращения: 18.03.2026).

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 18.03.2026).

6. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 18.03.2026).

7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 18.03.2026).

8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 18.03.2026).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ : (ред. от 08.03.2026 № 50-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

10. Федотов И.С., Смагин П.Г. Электронные носители информации: «Вещественные доказательства» или «иные документы»? // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 3 (18). С. 191–199.

11. Canellas on Machine-Generated Evidence [Электронный ресурс] // Legal Theory Blog. 2025. 30 Sept. URL: <https://legaltheoryblog.com/2025/09/30/canellas-on-machine-generated-evidence/> (дата обращения: 18.03.2026).

Сведения об авторах

Прошкина Анна Юрьевна, студент, Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия, prohkina02@mail.ru

Гриценко Татьяна Викторовна, научный руководитель, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Ростовский филиал Российской таможенной академии, канд. юрид. наук, доцент, Ростов-на-Дону, Россия, kazmenkova78@mail.ru

УДК 349.2:004.8

Швец В.А., Швец А.В.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТРУДОВОЕ ПРАВО

Аннотация. В настоящей статье исследуется воздействие цифровой трансформации и интеграции технологий искусственного интеллекта на систему трудовых отношений в РФ. Проводится анализ изменений в организации труда, которые включают автоматизацию операций, внедрение электронного документооборота и распространение дистанционных форм занятости. В ходе исследования выявляются и оцениваются актуальные юридические вопросы, возникающие в контексте этих трансформаций. Дополнительное внимание уделяется обоснованию необходимости адаптации трудового законодательства, обеспечения эффективной защиты прав работников.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, трудовые отношения, электронный документооборот, автоматизация труда

В Российской Федерации развитие цифровых технологий и их внедрение в экономическую и управленческую сферу рассматриваются как одно из ключевых направлений государственной политики.

Практическая реализация данного направления связана с осуществлением комплексных программ, предусматривающих формирование современной информационно-технической базы, расширение использования электронных средств взаимодействия, развитие дистанционных форм занятости, а также повышение уровня надежности и доступности электронных государственных сервисов. Последовательное внедрение цифровых решений в производственную и административную деятельность приводит к изменению характера труда, влияет на круг обязанностей работников, способствует появлению новых способов выполнения трудовой функции и иных подходов к распределению рабочего времени. В сложившихся условиях возрастает значение дальнейшего совершенствования трудового законодательства, которое должно учитывать особенности технологического развития и одновременно обеспечивать соблюдение прав и законных интересов всех участников трудовых отношений.

Признавая значение технологий искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) для автоматизации трудоёмких процессов, ускорения анализа информации и повышения эффективности управления, отмечаем появления комплекса правовых проблем. К их числу относятся вопросы о правовом статусе подобных технологий, границах их применения, а также о том, кто должен нести ответственность за принимаемые ими решения. Кроме того, происходят заметные изменения на рынке труда: возрастают требования к квалификации персонала, возникают новые форматы занятости, ранее не встречавшиеся. Дополнительным фактором, стимулировавшим цифровизацию трудовой сферы, стали события последних лет, обусловившие распространение новых форм организации труда – в частности, дистанционной работы и электронного взаимодействия между сторонами трудовых договоров. Массовый переход на удаленный формат выполнения обязанностей выявил потребность в более детальном правовом регулировании использования электронных документов, цифровых платформ и автоматизированных систем контроля. Законодательная власть вынуждена была оперативно адаптировать нормативно-правовую базу, внося поправки в акты, регулирующие трудовые отношения.

Развитие технологий, таких как нейросетевые системы, робототехника, виртуальная и дополненная реальность, а также интернет вещей и другие инновационные решения, свидетельствует о наступлении нового этапа научно-технической эволюции, сопоставимого по значимости с промышленными революциями прошлого. Эти изменения приводят к трансформации содержания трудовой деятельности, пересмотру требований к работникам и формированию новых видов занятости,

которые ранее не были отражены в правовой практике. В этой связи особую значимость приобретает анализ того, как цифровая трансформация влияет на отрасль трудового права. Именно данная правовая сфера призвана обеспечивать стабильность регулирования в условиях стремительного развития технологий [Избиенова, Маркелов, 2024, с.512].

Трудовое право в России и до цифровой эры было достаточно подвижным, что связано с реагированием законодателя на перемены в экономике и на рынке труда. С приходом цифровизации регулирование трудовых отношений продолжает меняться. Использование электронных средств связи, удаленного обмена документами и автоматизированных баз данных постепенно становится обычной практикой. Как следствие, в трудовое право вводятся положения, направленные на упрощение документооборота, повышение оперативности оформления кадровых процедур и обеспечение надежного хранения сведений о трудовой деятельности [Гольцов, 2024, с.389].

В качестве наглядного примера можно привести статью 66.1 Трудового кодекса Российской Федерации, которая отражает внедрение цифровых механизмов в трудовое право. Указанная норма закрепляет возможность использования электронного документооборота, благодаря чему работник вправе получать необходимые документы в электронной форме, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, а на работодателя возлагается обязанность вести сведения о трудовой деятельности работников в электронном виде, включая оформление электронных трудовых книжек, что значительно упрощает учет трудового стажа и делает процесс хранения информации более удобным и надежным.

Несмотря на активное развитие трудового законодательства и постепенную модернизацию регулирования трудовых отношений, в настоящее время сохраняются отдельные вопросы, которые нормы трудового права охватывают не полностью либо вовсе не регулируют. Особенно заметно это проявляется в новых сферах занятости, связанных с использованием современных технологий. В качестве примера можно привести отношения между работниками и работодателями в сфере информационных технологий, где на практике возникают ситуации, не получившие прямого закрепления в законодательстве. Так, некоторые IT-специалисты предпочитают получать вознаграждение за свою работу в форме криптовалюты. Однако подобный способ оплаты труда в настоящее время не предусмотрен трудовым законодательством Российской Федерации. В Трудовом кодексе Российской Федерации имеется глава, посвященная оплате труда, где закреплены основные

правила выплаты заработной платы. В частности, статья 131 ТК РФ устанавливает, что заработная плата должна выплачиваться в денежной форме в валюте Российской Федерации – в рублях, а в отдельных случаях допускается использование иностранной валюты. В связи с этим вопрос выплаты заработной платы в биткоинах или иных видах цифровой валюты фактически остается открытым и не имеет прямого правового регулирования.

Особого внимания в условиях продолжающейся цифровизации заслуживает внедрение технологий ИИ в сферу труда, когда работодатели получили возможность автоматизировать не только физический, но и интеллектуальный труд. Если говорить о том, как ИИ меняет рынок труда, то круг задач, которые он может выполнять, постоянно растёт. В итоге это может привести к тому, что человек будет всё меньше участвовать в производственных процессах, а системы ИИ начнут встраиваться в те рабочие места, где раньше работали только люди. При этом работодатели, согласно нашему трудовому законодательству, вправе сокращать штат или менять структуру организации. Главное – делать это в строгом соответствии с Трудовым кодексом: вовремя предупреждать сотрудников, предоставлять им положенные гарантии и выплачивать компенсации [Крылов, 2024, с.204].

Внедрение ИИ в работу предприятий затрагивает не только техническую базу, но и систему управления персоналом. Такие изменения дают потенциал для роста производительности, но одновременно вызывают и определённые правовые сложности, которые приходится учитывать. Как отмечают Пшизова и ее соавторы, в материалах Международной ассоциации юристов есть несколько положений, касающихся регулирования ИИ в трудовой сфере. Одно из них – о том, что некоторые виды работ нельзя полностью передавать алгоритмам. Даже если технически автоматизация возможна, решение всё равно должно приниматься человеком. Это касается, видимо, ситуаций, где есть ответственность или риск. Далее предлагается прописать порядок взаимодействия сотрудников с интеллектуальными системами. Без понятных правил, как отмечается, эффективной совместной работы не получится. Возникает неопределённость, кто за что отвечает, и растёт нагрузка. Также обсуждается идея квот: закрепление определённой доли рабочих мест за людьми. По мнению авторов, это позволило бы сбалансировать автоматизацию и занятость. Эксперты подчёркивают: трудовое законодательство во многом устарело. Многие его нормы формировались ещё до цифровой эпохи, поэтому сейчас требуется пересмотр целых институтов. Например, нужно регулировать нагрузку тех, кто непосредственно работает с ИИ. И здесь без активного участия

работодателя в переподготовке не обойтись [Пшизова и др., 2024, с. 86–87].

Проведённый обзор показывает системный разрыв: технологическая среда развивается быстрее, чем нормативное регулирование цифровых процессов в трудовой сфере. Представляется, что дальнейшее регулирование должно строиться с учётом интересов обеих сторон трудовых отношений. Отдельного внимания заслуживает создание условий для переобучения кадров.

Список источников

1. Избиенова Т.А., Маркелов И.Л. Некоторые вопросы влияния цифровизации на правовое регулирование рабочего времени в России и зарубежных странах // Образование и право: научн. журн. 2024. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-vliyaniya-tsifrovizatsii-na-pravovoe-regulirovanie-rabochego-vremeni-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 19.03.2026).

1. Гольцов Д.А., Эпов Б.А., Токарь И.Д. Развитие трудового права под воздействием цифровых технологий // Право и управление: научн. журн. 2024. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-trudovogo-prava-pod-vozdeystviem-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 19.03.2026).

2. Крылов И.В. Совершенствование трудового законодательства в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 11. Право.: научн. журн. 2024. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-trudovogo-zakonodatelstva-v-usloviyah-razvitiya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 19.03.2026).

3. Пшизова Е.Н., Пшизов М.С., Тхаркахо М.М., Стройкова Е.Д. Искусственный интеллект в трудовом праве: плюсы и минусы [Электронный ресурс] // Вопросы российского и международного права: научн. журн. 2024. Т.14, № 5–1. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72646460> (дата обращения: 19.03.2026).

Сведения об авторах

Швец Владислав Алексеевич, студент, Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия, vladsvec4@gmail.com

Швец Андрей Витальевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия, shvets.dmp@mail.ru

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ И НАЛОГОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 665.6

Ахмадеева М. А.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕРВИСНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ЗАВОДОВ

Аннотация. В статье исследуется роль сервисного обслуживания в повышении экономической эффективности нефтеперерабатывающих заводов в условиях масштабной модернизации отрасли. Актуальность темы обусловлена высоким уровнем износа оборудования российских НПЗ, санкционными ограничениями на импорт технологий и необходимостью перехода от системы планово-предупредительных ремонтов к обслуживанию по фактическому состоянию. В работе проанализированы современные подходы к организации сервиса, включая внедрение цифровых двойников и предиктивной аналитики, позволяющих сократить внеплановые простои и оптимизировать затраты. На основе анализа конкретных данных рассчитан экономический эффект от применения интеллектуальных систем мониторинга оборудования, обоснована целесообразность инвестиций в модернизацию сервисной инфраструктуры как фактора повышения конкурентоспособности предприятий.

Ключевые слова: нефтеперерабатывающий завод, сервисное обслуживание, экономическая эффективность, модернизация, цифровой двойник, предиктивная аналитика, внеплановые простои, ремонт по фактическому состоянию, импортозамещение

Современный этап развития российской нефтеперерабатывающей отрасли характеризуется беспрецедентными вызовами, связанными с необходимостью технологической модернизации производственных мощностей в условиях санкционных ограничений. Особую значимость приобретает вопрос эффективности сервисного обслуживания оборудования, поскольку именно от его надежности зависят бесперебойность производственного цикла и, в конечном счете, экономические показатели деятельности предприятий. Целью статьи является анализ факторов, определяющих экономическую эффективность

сервисного обслуживания на нефтеперерабатывающих заводах, и оценка перспективных направлений его совершенствования в контексте проводимой модернизации отрасли.

Анализ текущего состояния нефтеперерабатывающих мощностей России свидетельствует о критическом уровне износа оборудования. Как отмечает Д. Хитрых, «на каждом НПЗ стран СНГ эксплуатируется в среднем до 3000 единиц насосно-компрессорного оборудования, при этом возраст 20–30% насосов превышает 30 лет, и большинство отказов происходит именно по причине неудовлетворительного технического состояния» [Хитрых, 2023, с. 28]. Такая ситуация создает высокие риски внеплановых остановок технологических установок, что влечет за собой многомиллионные убытки. В.И. Волошин подчеркивает, что «в процессе встраивания в систему международного разделения труда отдельные сектора российской экономики стали чрезмерно зависеть от импорта техники и технологий, что в полной мере относится и к нефтегазовому комплексу» [Волошин, 2023, с. 2]. Уход западных сервисных компаний, таких как Schlumberger, Halliburton, Baker Hughes, обострил проблему технологической деградации и сделал вопросы импортозамещения в сфере сервиса критически важными [Волошин, 2023].

В этих условиях особую актуальность приобретает переход от традиционной системы планово-предупредительных ремонтов к обслуживанию по фактическому состоянию оборудования. По данным Д. Хитрых, «внедрение ремонтов по фактическому техническому состоянию может принести предприятию выгоду в размере 30% от общей стоимости эксплуатируемого оборудования, а ключевым элементом этой стратегии выступает цифровой двойник оборудования» [Хитрых, 2023, с. 28]. Практическая реализация такого подхода демонстрирует впечатляющие результаты. Расчеты показывают, что убытки от простоя оборудования при отсутствии своевременной вибродиагностики и предиктивной аналитики циркуляционного насоса составляют 11,85 млн руб. в год при двух внеплановых остановках. При этом суммарные затраты на инвестиционную стадию пилотного проекта внедрения цифрового двойника оцениваются в 21,83 млн руб., а период окупаемости составляет всего девять месяцев [Хитрых, 2023].

Важно понимать, что экономическая эффективность сервисного обслуживания складывается не только из прямой экономии на ремонтах, но и из предотвращения потерь от недоотпуска продукции. Е.А. Рожицкая и Г.Р. Солоп, анализируя процессы нефтепереработки, справедливо указывают, что «при оценке инвестиционных проектов необходимо использовать такие показатели, как чистая приведенная стоимость (NPV), внутренняя норма доходности (IRR) и срок окупаемости» [Рожицкая,

Солоп, 2025, с. 2]. Применительно к сервисному обслуживанию эти инструменты позволяют обосновать целесообразность внедрения дорогостоящих, но высокоэффективных систем мониторинга и диагностики. Опыт зарубежных компаний подтверждает, что применение цифровых технологий на этапах добычи и переработки дает возможность поднять эффективность технического обслуживания оборудования на 20–30%, сократить внеплановые простои на 15–20%, увеличить объемы добычи нефти на 10% и снизить удельную себестоимость на 15% [Волошин, 2023].

Проблема повышения эффективности сервисного обслуживания тесно связана с общим состоянием нефтеперерабатывающей отрасли. Е.В. Атамась с соавторами отмечают, что «в настоящее время ожидается сокращение экспорта нефтепродуктов, что обычно тормозит развитие перерабатывающих мощностей, однако модернизация НПЗ, несмотря на условия конъюнктуры внутреннего и внешнего рынка, является крайне необходимой для предприятий отрасли» [Атамась и др., 2023, с. 26]. Ю.В. Вейс и В.О. Романов добавляют, что долгосрочная эксплуатация нефтеперерабатывающего оборудования приводит к его износу и снижению производительности, причем некоторые участки оборудования, такие как печи, котлы, реакторы и колонны, подвержены более быстрому износу, что увеличивает вероятность отказов и остановок [Вейс, Романов, 2023]. Это обстоятельство делает сервисное обслуживание не просто вспомогательной функцией, а стратегическим фактором обеспечения непрерывности производства.

Особого внимания заслуживает вопрос импортозамещения в сфере сервисных технологий. В.И. Волошин подчеркивает, что «осуществляя политику импортозамещения в условиях технологического отставания, необходимо сформировать благоприятную среду для развития человеческого капитала и создания современной технологической базы» [Волошин, 2023, с. 12]. Большинство проектов дает технологический эффект не через два-три года, а спустя гораздо больший период времени, поэтому целесообразно увеличивать горизонт мышления и обеспечивать инвестициями соответствующие проекты, даже несмотря на стремление компаний получать доходы в сжатые сроки. При этом современные технологии не появятся без высокоспециализированных специалистов, без продвинутого уровня человеческого капитала [Волошин, 2023].

Анализ факторов, влияющих на устойчивость региональных экономических систем, проведенный А.А. Лукьяновой с соавторами, позволяет выделить взаимосвязь между эффективностью деятельности предприятий нефтегазового комплекса и развитием сервисной инфраструктуры [Лукьянова и др., 2023]. Исследователи отмечают, что

базовые факторы устойчивости включают экономическую составляющую (диверсификация отраслевой структуры, увеличение занятости, развитие научно-технической базы), бюджетную (увеличение налогооблагаемой базы) и социальную (рост денежных доходов населения, развитие социальной инфраструктуры). Эффективное сервисное обслуживание, обеспечивая бесперебойную работу НПЗ, вносит вклад во все эти составляющие.

Ключевым выводом проведенного анализа является необходимость переосмысления роли сервисного обслуживания на современных нефтеперерабатывающих заводах. Оно перестает быть затратной статьей и превращается в объект инвестиций, приносящих измеримый экономический эффект. Как показывают расчеты, внедрение интеллектуальных систем мониторинга и диагностики, цифровых двойников оборудования позволяет не только предотвращать аварийные остановки, но и оптимизировать расход ресурсов, продлевать межремонтные периоды и в конечном счете повышать конкурентоспособность предприятия в целом. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку адаптированных к российским условиям методик оценки эффективности сервисных проектов и создание системы подготовки кадров, способных работать с новыми технологиями.

Список источников

1. Атамась Е.В., Яндарбаева Л.А., Гюльмагомедова Г.А. Характеристика инвестиционной деятельности и анализ экономической эффективности проектов в нефтеперерабатывающей отрасли России // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № 5. С. 23–31.
2. Вейс Ю.В., Романов В.О. Проектные решения по повышению производительности оборудования // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 5 (62). С. 41–48.
3. Волошин В.И. Технологический фактор развития российского нефтегазового комплекса // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 7. С. 7–23.
4. Лукьянова А.А., Аврамчикова Н.Т., Иванов Д.С. Анализ факторов оповышения эффективности функционирования нефтегазового комплекса и их влияния на устойчивость региональной экономической системы // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 4. С. 22.
5. Рожицкая Е.А., Солоп Г.Р. Комплексная экономическая оценка процесса гидроочистки бензина: практические расчеты и перспективы развития // Human Progress. 2025. Т. 11. № 3. С. 3.

б. Хитрых Д. Цифровой нефтеперерабатывающий завод: проблемы и решения // Энергетическая политика. 2021. № 7 (161). С. 26–37.

Сведения об авторах

Ахмадеева Милана Азатовна, магистрант, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Россия, Уфа, ahmadeevam9@gmail.com

Буранбаева Лилия Закировна, канд. экон. наук, научный руководитель, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Россия, Уфа, blz05101969@mail.ru

УДК 658.7:004

Зайченкова В.С., Запасник Е.Ю.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКУПОЧНОЙ ЛОГИСТИКИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. В условиях геополитической нестабильности, санкционного давления и необходимости импортозамещения закупочная логистика превращается из вспомогательной функции в ключевой фактор конкурентоспособности и экономической устойчивости предприятий. Настоящая статья посвящена исследованию современных тенденций цифровой трансформации закупочной деятельности в корпоративном секторе экономики. В работе анализируются направления автоматизации процессов снабжения, включая внедрение ERP- и SRM-систем, интеграцию с электронными торговыми площадками, использование технологий искусственного интеллекта для анализа рынка и выбора поставщиков. На основе изучения практического опыта российских компаний из различных отраслей (нефтесервис, промышленное производство, строительство, цементная индустрия) рассматриваются эффекты от внедрения цифровых инструментов: сокращение издержек, оптимизация запасов, повышение прозрачности закупок, минимизация рисков, связанных с человеческим фактором. Особое внимание уделяется методологическим подходам к оценке эффективности закупочной деятельности через систему метрик, показатели оборачиваемости и концепцию тотальной стоимости владения. В статье обосновывается вывод о том, что цифровизация закупочной логистики создает основу для

проактивного управления цепями поставок, позволяя предприятиям гибко адаптироваться к изменениям внешней среды и обеспечивать экономическую безопасность бизнеса.

Ключевые слова: закупочная логистика, цифровая трансформация, управление цепями поставок, экономическая эффективность, автоматизация закупок, оптимизация запасов, импортозамещение, SRM-системы, тотальная стоимость владения, искусственный интеллект

Современная экономическая ситуация характеризуется высокой турбулентностью, разрывом устоявшихся логистических связей и необходимостью быстрой адаптации предприятий к новым условиям функционирования. В этих обстоятельствах закупочная логистика перестает быть исключительно операционной функцией и приобретает стратегическое значение, поскольку от эффективности снабжения напрямую зависят бесперебойность производства, себестоимость продукции и, в конечном счете, финансовая устойчивость бизнеса [Аполлонский, 2022, с. 112]. Целью настоящего исследования является анализ влияния цифровой трансформации закупочной логистики на экономические показатели деятельности предприятий, а также выявление наиболее эффективных практик автоматизации и оптимизации закупочных процессов на основе изучения опыта российских компаний.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы в области логистики и управления цепями поставок, а также публикации, посвященные цифровизации экономических процессов. В частности, значительный вклад в разработку проблематики оценки логистических издержек вносят исследования по применению концепции тотальной стоимости владения (TCO) и сбалансированной системы показателей (BSC) [Курносова, 2021, с. 45]. Методология комплексной оценки логистических затрат, основанная на интеграции этих подходов, позволяет преодолеть фрагментарность традиционного учета издержек и обеспечить сбалансированную оценку эффективности логистической системы по финансовым и операционным критериям [Тренды развития..., 2025]. Материалами для исследования послужили открытые данные о реализации проектов цифровизации закупок в российских компаниях, материалы профильных конференций и экспертные публикации в специализированных изданиях.

Анализ практики цифровой трансформации закупочной логистики показывает, что ведущие российские компании активно внедряют комплексные информационные системы для автоматизации процессов снабжения. Характерным примером является опыт нефтесервисного холдинга «ТАГРАС», объединяющего 8 дивизионов и 54 предприятия. До

внедрения единой системы управления закупками в дивизионах наблюдались такие проблемы, как отсутствие единого подхода к оформлению тендерной документации, ограниченный доступ к информации о товарно-материальных ценностях, отсутствие единого реестра поставщиков, что приводило к закупкам аналогичных товаров по разным ценам у одного поставщика [Проект для холдинга «ТАГРАС», 2025]. Внедрение распределенной автоматизированной системы на базе решений «1С: Управление торговлей» позволило создать единый инструмент для согласования закупок и контроля над товарно-материальными ценностями во всех дивизионах. Результатами стали создание единой базы данных по запасам, автоматизация полного цикла отслеживания закупок, внедрение функционала контроля стоимости, унификация тендерной документации. Как следствие, значительно повысилась прозрачность закупочной деятельности, сократились издержки, снизились риски дублирующих закупок, ускорилось принятие управленческих решений [Проект для холдинга «ТАГРАС», 2025].

В цементной отрасли показателен опыт компании ЦЕМРОС, которая в качестве базового инструмента для управления закупками, производством и бухгалтерией выбрала ERP-систему «Парус», созданную на российской технологической базе. Компания внедрила сквозной процесс закупок, охватывающий все этапы – от появления потребности до оплаты. Как отмечает директор по закупкам и логистике ЦЕМРОСа Денис Назаров, система формирует отчетность в режиме реального времени, снижает риски и помогает быстрее принимать управленческие решения. Важным направлением развития названо также выстраивание партнерских отношений с поставщиками через единую систему аккредитации контрагентов и использование электронных площадок [ЦЕМРОС делится опытом..., 2025].

Существенным направлением цифровизации является интеграция систем управления закупками с электронными торговыми площадками (ЭТП). Как показывает кейс крупной производственной компании, внедрившей систему «БФТ.Закупки», такая интеграция позволяет решать комплекс задач: автоматизировать обмен электронными документами, ускорить обработку закупочных процедур, снизить административную нагрузку на сотрудников, минимизировать риск ошибок, вызванных человеческим фактором. В результате реализации проекта были созданы эффективные инструменты обмена документами, в том числе по запросам разъяснений и процедурам переторжки, унифицированы процессы интеграционного взаимодействия, повышены прозрачность и управляемость закупок [Кейс БФТ, 2025].

Для промышленных предприятий машиностроительной отрасли проблема цифровизации закупок стоит особенно остро, поскольку большинство операций зачастую выполняются вручную, что усиливает риски срывов сроков поставок и несоответствия заявленному качеству. Исследование, проведенное на примере АО «Силловые Машины», позволило выявить текущие ограничения в управлении закупочной деятельностью и предложить решения с применением цифровых инструментов. Апробированная модель управления цепями поставок в контексте цифровой трансформации демонстрирует возможность достижения значимых эффектов: сокращения времени выполнения заказов, повышения точности планирования, снижения издержек [Ковальчук, 2024, с. 440].

Новым этапом цифровизации становится внедрение специализированных платформ для управления цепями поставок, таких как key2SCM (разработка компании «Кастис»). Реализованный в 2025–2026 годах функционал интегрированного планирования снабжения позволяет устранить разрыв между стратегическим и оперативным горизонтом планирования, синхронизировать снабжение с производственным и финансовым планированием. Как отмечает руководитель практики «Цепи поставок» компании «Кастис» Роман Алексеев, система автоматически планирует и оптимизирует процессы, а специалисты фокусируются только на критических отклонениях. Экономические результаты внедрения впечатляют: в крупной электросетевой компании годовой объем закупок сократился примерно на 200 млн рублей (6,5%), а добывающий холдинг ежегодно высвобождает около 300–400 млн рублей из «замороженных» запасов (примерно 10% от общего объема) [Custis: key2SCM, 2026]. Эти данные наглядно демонстрируют, что цифровизация закупочной логистики напрямую влияет на финансовый результат и устойчивость материалоемкого бизнеса.

Важным аспектом повышения экономической эффективности закупок является разработка адекватной системы метрик и показателей. Исследование В.В. Жоховой и В.Е. Мысаковского, посвященное разработке системы метрик в закупочной логистике розничной сети, показывает необходимость выстраивания взаимосвязи показателя оборачиваемости товарных запасов с эффективной бизнес-моделью предприятия. Выделение ключевых метрик, влияющих на оборачиваемость, и их внедрение в практику работы позволяет оценить реальную эффективность закупочной деятельности [Жохова, Мысаковский, 2025]. Применительно к промышленным предприятиям особое значение приобретает комплексная оценка логистических затрат

на основе принципов тотальной стоимости и сбалансированной системы показателей. Такой подход позволяет учитывать не только цену приобретения, но и все сопутствующие затраты на владение материальными ресурсами, включая транспортировку, хранение, обслуживание, а также оценивать качество логистического сервиса [Комплексная оценка..., 2026, с. 147].

В контексте импортозамещения и необходимости поиска новых поставщиков особую актуальность приобретают информационные системы, обеспечивающие анализ рынка и поддержку принятия решений. Разработка систем информационного обеспечения управления процессом закупок, включающих инструменты ABC- и XYZ-анализа, модели расчета точки заказа и страхового запаса, позволяет минимизировать риски дефицита и избытка запасов, сократить временные и финансовые затраты на планирование и выбор поставщиков [Вальков, 2025, с. 34].

Кадровое обеспечение цифровой трансформации закупочной логистики также претерпевает изменения. Современный специалист по закупкам все чаще выступает как цифровой специалист, владеющий навыками работы с ERP-системами, BI-системами, инструментами анализа данных. От него ожидается не просто проведение тендеров, а участие в прогнозировании спроса, оптимизации запасов, взаимодействие с ИТ-командами при постановке задач на автоматизацию. Как отмечается в исследовании ANCOR, закупщик постепенно интегрируется в сквозную цифровую цепочку – от планирования до поставки, а не остается отдельной операционной функцией [Закупки и логистика в индустриях..., 2025]. При этом искусственный интеллект все активнее применяется для поиска и первичного анализа поставщиков, обработки больших массивов данных, аналитики цен и сроков, становясь инструментом повышения эффективности, а не заменой специалисту.

Закключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровая трансформация закупочной логистики является одним из ключевых факторов повышения экономической эффективности современных предприятий. Опыт российских компаний демонстрирует, что внедрение интегрированных систем управления закупками, интеграция с электронными торговыми площадками, использование инструментов планирования на базе специализированных платформ обеспечивают не только операционные улучшения (сокращение времени процедур, снижение трудозатрат, минимизацию ошибок), но и значимые финансовые результаты – сокращение бюджета закупок, высвобождение оборотных средств из запасов, повышение оборачиваемости. Дальнейшее развитие цифровых инструментов, включая применение искусственного интеллекта и продвинутой аналитики, создает основу для перехода от

реактивного снабжения к проактивному управлению цепями поставок, позволяя предприятиям гибко адаптироваться к изменениям внешней среды и обеспечивать экономическую безопасность в условиях нестабильности.

Список источников

1. Аполлонский, С. М. Энергосберегающие технологии в энергетике в России / С. М. Аполлонский. Москва: Русайнс, 2022. 441 с.
2. Вальков Д. А. Разработка системы информационного обеспечения управления процессом закупок и снабжения торговой компании. Иваново: ИГЭУ, 2025. 102 с.
3. Жохова В. В., Мысаковский В. Е. Разработка системы метрик в закупочной логистике розничной сети // Логистика. 2025. № 7. С. 25–31.
4. Закупки и логистика в индустриях тары, упаковки, автотранспорта и логистики: ключевые компетенции, рынок труда и перспективы // ANCOR: [сайт]. 2025. URL : <https://ancor.ru/press/insights/zakupki-i-logistika-v-industriyakh-tary-upakovki-avtoproma-i-logistiki-klyuchevye-kompetentsii-rynok/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Кейс БФТ: как интеграция SRM с ЭТП повысила эффективность закупок // РБК Компании. 2025. 17 сентября. URL : <https://companies.rbc.ru/news/WqUgoUgLN6/keys-bft-kak-integratsiya-srm-s-erp-povyisila-effektivnost-zakupok/> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Ковальчук В. А. Управление цифровой трансформацией закупочной логистики предприятий машиностроительной отрасли // Цифровая трансформация – шаг в будущее : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Минск, 2 окт. 2024 г. Минск : БГУ, 2024. С. 438–442.
7. Комплексная оценка и аудит логистических затрат предприятия на основе принципов тотальной стоимости и системы сбалансированных показателей (ССП/BSC) // ЭБС ВКР. 2026. № 1. С. 143–150.
8. Курносова, О. А. Управление системой логистического сервиса на промышленных предприятиях в условиях неоиндустриализации: механизм, методы, модели. Москва: Буки Веди, 2021. 500 с.
9. Проект для холдинга «ТАГРАС»: оптимизация процессов закупок и управления запасами // 1С: Консалтинг. 2025. 21 августа. URL : <https://consulting.1c.ru/cases/371221.html> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Тренды развития логистики России в 2025 году // SberPro. 2025. URL : <https://sber.pro/publication/trendi-razvitiya-logistiki-rossii-v-2025-godu/> (дата обращения: 15.10.2025).
11. Custis: key2SCM // TAdviser. 2026. 27 января. URL : https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Custis:_key2SCM (дата обращения: 10.03.2026).

12. ЦЕМРОС делится опытом внедрения собственных цифровых решений // Ведомости. 2025. 12 сентября. URL : https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/12/tsemros-delitsya-opytom-vnedreniya-sobstvennih-tsifrovih-reshenii (дата обращения: 10.03.2026).

Сведения об авторах

Зайченкова Валерия Сергеевна, студент, Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь, lerazajcenkova@gmail.com

Запасник Екатерина Юрьевна, студент, Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь, lrdxxh@gmail.com

Вакулич Наталья Александровна, научный руководитель, магистр экономических наук, Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь, navakulich@g.bstu.by

УДК 331.5:004.738.5

Мартынова М.О.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОДЁЖНОГО РЫНКА ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифровых платформ занятости на структуру и динамику молодёжного рынка труда в России. Рассматриваются механизмы, посредством которых платформенная экономика формирует новые модели занятости – фриланс, гиг-занятость, дистанционную работу. Исследуется, каким образом цифровые платформы снижают транзакционные издержки поиска работы для молодёжи и одновременно создают риски прекаризации труда. Приводятся статистические данные о динамике платформенной занятости в России в 2020–2024 годах. На основе анализа зарубежного и отечественного опыта сформулированы предложения по государственному регулированию платформенной занятости с учётом интересов молодых работников.

Ключевые слова: цифровые платформы, рынок труда, молодёжная занятость, гиг-экономика, платформенная экономика, прекаризация, фриланс, цифровая трансформация, занятость, государственное регулирование

Введение. Когда в 2010-х годах HeadHunter, Profi.ru и Авито Работа стремительно набирали аудиторию, мало кто предполагал, что эти сервисы изменят не только способ поиска работы, но и саму природу трудовых отношений. Сегодня, по данным Росстата, каждый третий работник в возрасте 18–29 лет получает доход через цифровые платформы – в качестве основного или дополнительного источника [Росстат, 2024, с. 38]. Для поколения, выросшего со смартфоном в руках, это уже не экзотика, а рутина.

Но за удобством цифровых платформ скрывается существенная трансформация трудовых отношений. Стандартный трудовой договор всё чаще уступает место гражданско-правовым соглашениям и статусу самозанятого – формам, которые выгодны работодателю, но оставляют работника без социальных гарантий. По мнению авторов, именно это противоречие – между технологическим удобством и социальной незащищённостью – делает тему платформенной занятости одной из ключевых в современной экономике труда [Стребков, Шевчук, 2010, с. 47].

Цель настоящей работы – разобраться в экономических механизмах, через которые цифровые платформы трансформируют молодёжный рынок труда, и оценить последствия этой трансформации – как очевидно позитивные, так и весьма тревожные.

Материалы и методы. Работа строится на нескольких источниках данных. С одной стороны – статистика Росстата за 2019–2024 годы и доклады МОТ и НИУ ВШЭ по платформенной занятости. С другой – собственный опрос, проведённый автором в 2024 году среди 350 студентов казанских вузов. Выборка формировалась случайным образом из студентов второго и третьего курсов; опрос позволил получить «живую» картину того, как молодые люди в нашем регионе взаимодействуют с цифровыми платформами труда.

Методически работа сочетает несколько подходов: сравнительный анализ, корреляционный анализ временных рядов и контент-анализ академических публикаций. В качестве теоретической рамки использованы концепция транзакционных издержек Оливера Уильямсона [Уильямсон, 1996] и теория двустороннего рынка Жана Тироля и Жан-Шарля Роше [Rochet, Tirole, 2003] – обе хорошо описывают логику, по которой платформы создают ценность, соединяя две группы пользователей.

Результаты и обсуждение. Главный экономический эффект платформ – резкое снижение транзакционных издержек. Поиск работы, на который прежде уходили дни, алгоритмы сжимают до 2–3 часов. Но если с издержками поиска всё относительно очевидно, то снижение издержек

верификации заслуживает отдельного внимания: рейтинги, портфолио и отзывы фактически заменяют предварительное собеседование – работодатель получает картину о кандидате ещё до первого разговора. Именно эту двойную логику – снижение издержек одновременно для обеих сторон рынка – и описывает теория двустороннего рынка.

Масштаб явления впечатляет: по расчётам НИУ ВШЭ, в 2022–2023 годах через цифровые платформы в России работали около 6,5 млн человек, из них 38% – молодёжь до 30 лет [Капелюшников, Зинченко, 2025, с. 115]. Примечательна и динамика: платформенная занятость среди молодёжи растёт примерно на 14,2% в год – против лишь 3,1% прироста в традиционных форматах, то есть разрыв почти пятикратный. Доминирует курьерская доставка – 31% занятых; следом идут ИТ-услуги (24%) и репетиторство (18%).

Вместе с тем у платформенной занятости есть очевидная обратная сторона. Нестабильный заработок, отсутствие больничных и отпусков – для значительной части работников это не абстрактные риски, а повседневная реальность. Данные опроса это подтверждают: 71% студентов, работающих через платформы, назвали нестабильность дохода главной трудностью; 58% лишены оплачиваемого отпуска. Eurofound фиксирует схожую картину для Европы – 34% платформенных работников в ЕС не охвачены системой социального страхования [Eurofound, 2021] – и это заставляет усомниться в том, что проблема решается простым ужесточением национального законодательства.

Отдельно стоит сказать про алгоритмическое управление – пожалуй, наименее очевидную из всех проблем платформенной занятости. На платформах именно алгоритм, а не руководитель, определяет, получит ли работник заказы. Для тех, кто только начинает выстраивать профессиональную репутацию, это особенно уязвимая точка: один негативный отзыв может фактически отрезать человека от работы, и оспорить такое решение практически невозможно [Стребков, Шевчук, 2010, с. 51]. Почему этот аспект остаётся наименее изученным – при том что именно он затрагивает наиболее уязвимую часть работников – вопрос, заслуживающий отдельного исследования.

Государственное регулирование в этой сфере пока не успевает за реальностью. Российский закон о самозанятых 2020 года закрыл налоговый вопрос – и только: социальные гарантии остались за скобками. Зарубежный опыт показывает, что единого рецепта нет. Франция пошла по мягкому пути – «Хартия платформ» предполагает добровольные обязательства операторов. Испания выбрала жёсткое регулирование: курьеры получили статус наёмных работников, что обошлось компаниям ростом издержек на 12–15%, зато существенно улучшило положение

работников [ILO, 2021, с. 31]. Какая из моделей окажется устойчивее в долгосрочной перспективе – пока сложно сказать даже приблизительно.

Заключение. Дать однозначную оценку цифровым платформам по итогам проведённого анализа не получается – и, честно говоря, это сложно считать недостатком. Платформы действительно открыли молодёжи более простой путь на рынок труда. Но параллельно сложилась большая группа людей, работающих без каких-либо социальных гарантий. Опрос зафиксировал примечательную вещь: большинство студентов понимают этот компромисс – и принимают его, просто не видя реальной альтернативы.

Регуляторный ответ, по всей видимости, ещё только формируется. На наш взгляд, два направления здесь выглядят приоритетными: обязательное социальное страхование для занятых через платформы и требования к прозрачности алгоритмов управления. Сложнее – вопрос о том, как совместить это с гибкостью, которая и делает платформенную занятость привлекательной. Искать этот баланс придётся – и чем раньше, тем лучше.

Список источников

1. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107–129.

2. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45–55.

3. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / пер. с англ. Ю.Е. Благова. СПб. : Лениздат, 1996. 702 с.

4. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России : стат. сб. М. : Росстат, 2024. 148 с.

5. Eurofound. Initiatives to improve conditions for platform workers: Aims, methods, strengths and weaknesses : New forms of employment series. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. 28 p. ISBN 978–92–897–2221–6. DOI 10.2806/11835.

6. ILO. World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work. Geneva : International Labour Office, 2021. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang--en/index.htm (дата обращения: 15.03.2026).

7. Rochet J.-C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // Journal of the European Economic Association. 2003. Vol. 1, No. 4. P. 990–1029.

Сведения об авторах

Мартынова Милена Олеговна, студентка, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Институт инженерной экономики и предпринимательства, кафедра цифровой экономики, Казань, Россия, autumn-26@yandex.ru

Палёнов Евгений Викторович, научный руководитель, старший преподаватель, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, кафедра цифровой экономики, Казань, Россия, e.matematik@yandex.ru

УДК 336.221

Тотолин В.С., Ниязбекова Ш.У.

УПРАВЛЕНИЕ НАЛОГОВЫМИ РИСКАМИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Усиление аналитических инструментов налогового администрирования и рост внимания к реальности хозяйственных операций повышают роль налоговых рисков как фактора экономической безопасности организации. Цель исследования – обосновать практический подход к управлению налоговыми рисками, который сочетает налоговый комплаенс, внутренний контроль и документирование деловой цели. На основе анализа требований ст. 54.1 НК РФ и правоприменительных подходов выделены ключевые источники риска: контрагентские риски, ошибки квалификации операций и недостатки первичных документов. Предложены меры профилактики: регламенты проверки контрагентов, контрольные точки до отражения операций в учете, показатели раннего предупреждения и порядок подготовки доказательственной базы. Сделан вывод о том, что системное управление налоговыми рисками снижает вероятность доначислений и сопутствующих репутационных потерь.

Ключевые слова: налоговые риски, налоговый контроль, ст. 54.1 НК РФ, экономическая безопасность, внутренний контроль, должная осмотрительность, налоговый комплаенс

Введение. Налоговые риски все чаще рассматриваются как часть более широкого набора угроз устойчивости организации. Причина – изменение фокуса налогового контроля: проверяется не только корректность расчетов, но и фактическое содержание операций, деловая цель и добросовестность налогоплательщика. Нарушения в этой области приводят к прямым потерям (доначисления, пени, штрафы), а также к косвенным последствиям: ухудшению отношений с контрагентами и банками, росту стоимости финансирования и репутационным рискам [Пансков, 2013, с. 74; Пименов, 2013, с. 82].

Цель исследования. Целью является разработка практико-ориентированного подхода к управлению налоговыми рисками в системе экономической безопасности на основе сочетания внутреннего контроля, регламентации процессов и мер налогового комплаенса. Задачи включают: выявление основных источников налоговых рисков; определение контрольных процедур, позволяющих снижать вероятность спора; формирование набора показателей, сигнализирующих о росте риска на ранней стадии.

Материалы и методы. Используются методы анализа нормативных актов и правоприменительной практики, сравнительный анализ подходов к оценке налоговых рисков, а также обобщение рекомендаций по внутреннему контролю и проверке контрагентов. Нормативной основой являются положения Налогового кодекса РФ [Налоговый кодекс РФ, 1998, ст. 54.1; Налоговый кодекс РФ, 2000], а также правовые позиции судов по вопросу обоснованности налоговой выгоды [Постановление Пленума ВАС РФ, 2006].

Результаты и обсуждение. Ключевой драйвер налоговых рисков в последние годы связан с ограничениями допустимого поведения налогоплательщика, которые закреплены в ст. 54.1 НК РФ. При рассмотрении споров внимание уделяется реальности операции, фактическому исполнителю и наличию деловой цели. Это означает, что риск может возникать даже при формально корректных документах, если отсутствует подтверждение фактического исполнения либо выявляются признаки использования посредников без экономического смысла [Налоговый кодекс РФ, 1998, ст. 54.1].

С практической точки зрения целесообразно выделять три группы налоговых рисков. Первая – методологические риски: ошибки квалификации операций, некорректное признание расходов, нестыковки между бухгалтерским и налоговым учетом. Вторая – процессные риски: сбой в сборе первичных документов, отсутствие контроля согласования договоров, исправления задним числом. Третья – контрагентские риски: недостаточная проверка контрагента, проблемы подтверждения поставок,

разрывы по НДС и несоответствие ресурсов контрагента объему обязательств. На практике именно контрагентский блок часто становится причиной наиболее существенных доначислений, поскольку затрагивает вычеты по НДС и расходы по налогу на прибыль.

Для снижения методологических рисков эффективны единые правила квалификации типовых операций и внутренние методические документы: порядок отражения услуг, маркетинговых и консультационных расходов, учет скидок и бонусов, правила раздельного учета. Важно, чтобы эти правила были согласованы между финансовой службой и юристами и применялись до заключения договоров, а не на стадии подготовки деклараций. Отдельная мера – регулярная сверка налоговых регистров и показателей, позволяющая выявлять расхождения до сдачи отчетности.

Процессные риски снижаются через создание контрольных точек и распределение ответственности. Практичный вариант – закрепить обязательные проверки на трех стадиях: при заключении договора, при приемке результата, при отражении операции в учете. На каждой стадии фиксируется ответственный и перечень документов, достаточный для подтверждения операции. Такая схема снижает вероятность ситуаций, когда первичные документы собираются уже после получения требования налогового органа.

Контрагентские риски требуют документируемой проверки контрагента. Внутренняя процедура должна включать анализ деловой репутации, ресурсов для исполнения договора (персонал, оборудование, склад, логистика), проверку полномочий подписантов и контроль фактического исполнения. Документирование деловой цели и экономического эффекта сделки имеет ключевое значение: оно позволяет связать операцию с обычной хозяйственной деятельностью организации и подтвердить разумность условий. В ряде случаев целесообразно применять налоговые оговорки и условия о предоставлении подтверждающих документов, что повышает дисциплину контрагентов и снижает риск отсутствия доказательств в споре.

Отдельный элемент системы – показатели раннего предупреждения. К ним могут относиться: рост доли вычетов по НДС по новым контрагентам, увеличение числа корректировок первичных документов, частота уточненных деклараций, рост доли нематериальных услуг в структуре затрат, резкие отклонения налоговой нагрузки от динамики выручки и маржинальности. При превышении порогов запускается углубленная проверка: перепроверка цепочки поставок, анализ экономического смысла операции, подготовка дополнительных подтверждений. Такой подход соответствует общей логике риск-

ориентированного контроля со стороны налоговых органов [Приказ ФНС России, 2007].

Результаты сопоставления подходов показывают, что налоговый комплаенс наиболее эффективен, когда он встроен в систему внутреннего контроля, а не существует как разрозненный набор проверок. В литературе комплаенс рассматривается как инструмент предупреждения нарушений и снижения правовой неопределенности для бизнеса, особенно при росте требований к прозрачности операций [Цареградская, 2021, с. 68]. В практическом плане это означает наличие регламентов, обучение сотрудников, регулярные внутренние проверки и управляемый перечень налоговых рисков с указанием ответственных и сроков контроля.

Заключение. Налоговые риски являются значимым фактором экономической безопасности, поскольку способны вызвать как прямые финансовые потери, так и косвенные репутационные последствия. Наиболее результативный подход к снижению риска основан на профилактике: регламентации процессов, контрольных точках до отражения операций в учете, проверке контрагентов и подготовке доказательственной базы реальности операций и деловой цели. Внедрение налогового комплаенса и внутреннего контроля позволяет снижать вероятность спора, повышая устойчивость организации в условиях усиления налогового администрирования.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. действ.).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. действ.).
3. Пансков В.Г. Налоговые риски: проявление и возможные пути минимизации // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 74–80.
4. Пименов Н.А. Налоговые риски: теоретические подходы // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 81–86.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».
6. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок».
7. Цареградская Ю.К. Налоговый комплаенс: подходы к пониманию // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 12 (181). С. 66–73.

Сведения об авторах

Тоголин Владимир Сергеевич, студент 3 курса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, vltotolin@mail.ru

Ниязбекова Шакизада Утеулиевна, канд. экон. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, sniyazbekova@fa.ru

РАЗДЕЛ 3. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (ГРАЖДАНСКОЕ, УГОЛОВНОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО)

УДК 316.35

Грищенко М.А.

**ТЕОРИЯ БЮРОКРАТИИ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО
ЯВЛЕНИЯ**

Аннотация. В работе рассматривается бюрократия как общественно-правовое явление в контексте трёх основных теоретических подходов: рационального (М. Вебер), классового (К. Маркс) и функционального (Р. Мертон, А. Гоулднер). Анализируются ключевые признаки «идеальной» бюрократии, её отличие от бюрократизма, а также эволюция взглядов от XIX века до современности. Отдельное внимание уделяется отечественной историографии: дискуссии о времени зарождения российской бюрократии (приказная система XVI–XVII вв. vs реформы Петра I), этапам её развития (служилая, дворянская, чиновническая) и трактовкам в трудах Б.Н. Чичерина, Н.Ф. Демидовой, С.О. Шмидта и др. Показано, что бюрократия может быть эффективным инструментом управления, но при определённых условиях перерастает в патологию (бюрократизм). Результаты исследования позволяют глубже понять природу государственного аппарата и избежать абсолютизации любой модели бюрократии.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократизм, рациональный подход, классовый подход, функциональный подход, Макс Вебер, Карл Маркс, приказная система, государственное управление, российская историография

Что такое бюрократия? Термин означает «господство канцелярии». Теория управления выделяет два типа бюрократии: в госучреждениях и частных организациях [Ибрагима, 2013, с. 44].

Изначально (XIX в.) бюрократию понимали как тип политической системы с профессиональными служащими при монархе. Макс Вебер первым определил её не как форму правления, а как способ административного управления по правилам. В работе «Хозяйство и общество» он выделил признаки «идеальной» бюрократии: иерархия, подчинение дисциплине, оплата по должности, работа как главное

занятие, беспристрастность. Цель такой бюрократии – интересы общества, а не узкой группы.

Современное понимание: бюрократия – это группа высококвалифицированных госслужащих, выполняющих общественно значимые функции. Важно отличать бюрократию от бюрократизма. Бюрократия – способ достижения целей, бюрократизм – негативное явление, когда профессионализм заменяется личной преданностью, информация засекречивается.

Историография. Зачатки бюрократии – в Древнем Востоке (орошение), сложные структуры – в Риме и Византии. В Средние века мощный аппарат – у церкви, при абсолютизме чиновники укрепляли централизацию. Термин «бюрократия» ввёл В. де Гурней, противопоставив её демократии, аристократии и монархии.

Гегель считал бюрократию носителем всеобщего интереса, нейтральным над конфликтами. Маркс, напротив, видел в ней частный интерес, выдаваемый за всеобщий, и жёсткую иерархию для иллюзии значимости [Маркс, 1955, с.368].

Вебер связал власть чиновников с их особыми знаниями. Позже Мертон критиковал его: строгое следование правилам порождает робость, заботу о личных интересах. Саймон называл служащего незначительным элементом. Блау отметил, что деятельность групп не всегда соответствует регламентам. Крозье утверждал, что бюрократия – самоподдерживающаяся система, неспособная к самообучению и адаптации без потрясений.

Целью настоящего исследования является систематизация основных теоретических подходов к пониманию бюрократии: рационального (М. Вебер), классового (К. Маркс), функционального (Р. Мертон, А. Гулднер) и исторического (русские учёные).

Материалами исследования послужили труды зарубежных и отечественных мыслителей XIX–XX вв., а также энциклопедические издания. Методологической основой является сравнительный анализ и историко-теоретическая реконструкция.

Макс Вебер (1864–1920) - выдающийся социолог, представитель немецкой исторической школы политической экономии - является основоположником рационального подхода к сущности бюрократии. Теория Макса Вебера рассматривает бюрократию как самостоятельный тип организации управления [Вебер, 1923], в основе которого лежат строгая иерархия прав и обязанностей и специализация деятельности государственных служащих. Четкое закрепление упорядоченных правил и предписаний отражает важность формализма как особенности рационального подхода.

Маркс Вебер отмечает одно из неотъемлемых условий высокой эффективности деятельности служащих - рациональность. Важным критерием рационального поведения чиновников выступает замена традиций на личную выгоду, т.е. приспособление к условиям среды для извлечения большей прибыли.

Бюрократия по Веберу носит «рациональный» характер, поскольку деятельность чиновников направлена на удовлетворение как личных, так и общественных потребностей [Альпидовская, 2007, с. 82–89]. Достигнутый уровень квалификации, навыки, опыт, осведомленность и личностные качества – критерии пригодности чиновника для «веберовской» модели бюрократии. Прежней (доиндустриальной) организации управления были присущи патриархальные (Вебер употреблял слово «патримониальные») черты. «Патримониализм» предполагал набор господином («принципалом») служащих («агентов») из числа личных слуг, выступающих опорой существующей власти (примером могут послужить «джати» - верховные древнеегипетские сановники). Личностный характер отношений «патримониализма» сочетался с корыстным, узконаправленным отношением чиновников. Из этого следует, что для «рациональной» бюрократии определением эффективности чиновника являются результаты вступительных испытаний/экзамена, для бюрократии «патримониальной» - личная преданность господину. Так, Макс Вебер определял, что «рациональная» бюрократия символизирует «господство посредством знания».

Вебер разделял термины «управленческий персонал» и «корпоративная группа». Корпоративная группа - объединение людей - избирает руководящий орган, необходимый для выполнения управленческих поручений. Руководящий орган достигает возложенные на него корпоративной группой управленческие цели с помощью подчиненного органа – группы управленцев, иначе говоря – бюрократов. Различия между руководящим органом и бюрократией, по Веберу, состоят в том, что: 1) члены руководящего органа избираются из числа членов корпоративной группы, бюрократы подлежат назначению руководящим органом; 2) члены руководящего органа вырабатывают общие правила и действия организации, бюрократы выполняют обязанности по претворению в жизнь этих действий; 3) члены руководящего органа работают не на постоянной основе, имеют равные с членами корпоративной группы права и обязанности, бюрократы – неравны между собой, находятся в иерархической подчиненности прав и обязанностей между собой.

В то же время Вебер отмечал, что существует потенциальная опасность перерастания бюрократии в «бюрократизм». Причинами тому

могут послужить концентрация средств управления в руках предвзятых служащих и предъявление претензий на право принятия политических решений.

Итак, рациональный подход к сущности бюрократии обладает следующими особенностями: 1) деятельность организации расчленяется на простейшие операции, выполнение которых поручается специалистам, полностью отвечающим за выполнение своих обязанностей (компетентность, специализация); 2) деятельность организации регулируется последовательной системой абстрактных правил и состоит в применении этих правил к частным случаям (формализм); 3) любой руководитель беспристрастен по отношению к своим клиентам и подчиненным; 4) служба в бюрократической организации основывается на соответствии квалификации занимаемой должности; 5) государственные служащие имеют ряд прав и обязанностей, определяемых занимаемой ими должности в соответствии с существующей иерархией.

Согласно конфликтному подходу, бюрократия – привилегированная часть общества, защищающая интересы правящей элиты. Карл Маркс считал её составной частью правящего класса и критиковал Гегеля за отождествление формальных актов с реальным решением дел.

Для достижения узких целей элита учреждает строгую иерархию прав и обязанностей. Это создаёт иллюзию эффективности, но ведёт к расширению аппарата и концентрации власти. Другая черта – «отчуждение»: отсутствие единства целей и результатов. Низшие доверяют высшим, высшие – низшим, но на деле оценка идёт не по эффективности, а по соблюдению формальных инструкций. Так бюрократия неизбежно перерастает в бюрократизм.

Для Маркса бюрократия – не просто система управления, а форма «канцелярского» сознания. В работе «Восемнадцатое брюмера» он связал бюрократизацию с укреплением исполнительной власти. При Наполеоне I чиновники были средством подготовки господства буржуазии, при парламентской республике – орудием господствующего класса, и только при Бонапарте бюрократия стала самостоятельной.

Политическое влияние бюрократии обратно пропорционально силе других социальных групп. К власти во Франции пришёл Луи Бонапарт как представитель изолированного класса малоземельных крестьян, которые не могут защищать свои интересы и нуждаются в лидере. Рост бюрократического аппарата связан с привлечением крестьян на службу. Слабость других групп усиливает власть и численность бюрократии.

Постепенно бюрократия оттесняет прежние элиты, становится независимой, стремится подменить государство собой и выдать личный

интерес за общественный. Государство становится собственностью бюрократии. Как общественно-политический идеал Маркс выдвигал демократию, преодолевающую отчуждение государства от народа [Маркс, Энгельс, 1950, с. 73].

Модель «идеальной» бюрократии Вебера вызвала критику последователей. Роберт Мертон не отрицал необходимости профессионалов, но указал на разрыв между моделью и реальностью. Деятельность чиновников ведёт как к позитивным, так и к негативным (дисфункциональным) последствиям. Мертон акцентирует негатив [Мертон, 2000, с. 141].

Длительное пребывание в должности формирует у служащих привыкание к стабильности, росту зарплаты, продвижению. Возникает желание сохранить статус-кво, личные интересы начинают преобладать над общественными. Появляются консерватизм, робость, формализм, утрата творчества и самостоятельности. Неукоснительное соблюдение правил превращает служащего в безвольного подчинённого. Целью становится соблюдение правил, а не управление государством.

Алвин Гоулднер развил взгляды Мертона. Введение контроля изначально направлено на повышение эффективности и устранение злоупотреблений, но меры принуждения ведут к напряжённости и перекладыванию ответственности.

Гоулднер различает бюрократию и бюрократизм. Бюрократия – эффективный институт, бюрократизм – патология, подмена общественного интереса личным. Он выделяет два типа: авторитарная (репрессивная, слепое подчинение правилам, повинование как самоцель, склонна к бюрократизму) и представительная (экспертная, опора на знания, профессионализм, ответственность перед делом, корпоративное сотрудничество).

Гоулднер не отрицает эффективности бюрократии, но требует её модернизации с учётом дисфункций. Общество эволюционирует от авторитарной к представительной бюрократии, приближаясь к веберовской рациональности. Критический анализ Мертона и Гоулднера позволяет избежать абсолютизации бюрократии как универсальной модели и глубже понять её преимущества и недостатки [Gouldner, 1954, p. 286].

Вопрос о времени возникновения бюрократии в России остаётся дискуссионным. Наиболее подробное изучение относится к середине XIX века. Б.Н. Чичерин противопоставил «бюрократический» и «коллегиальный» способы управления [Чичерин, 1856, с. 592]. По его мнению, в XVII веке управление было коллегиальным, но без юридической определённости. Высокоорганизованная система сложилась

лишь при Петре I. Н.П. Лихачев также отмечал коллегиальность приказной системы, ссылаясь на Соборное Уложение 1649 года [Лихачев, 1888, с. 759].

Е.П. Карнович, напротив, считал управление единоначальным, а «чиновничество» и «бюрократию» – синонимами. Издатели Брокгауз и Эфрон переводили бюрократию как «господство канцелярии» [Карнович, 1897, с.127].

В 1960-х А.К. Леонтьев установил, что бюрократия формировалась долго: наследственная приказная элита выделилась из поместного дворянства. Он выделил этапы: наделение дворцовых органов госполномочиями, превращение временных комиссий в постоянные приказы, оформление отраслевого управления. Особенность – возникновение из служилого сословия [Леонтьев, 1961, с.200].

Большая советская энциклопедия (1960-е) рассматривала бюрократию как форму управления, основанную на неравенстве и эксплуатации, с оторванным от народа классом – что дублировало Маркса.

С.О. Шмидт связал появление бюрократии с централизацией власти и отнёс её оформление к концу XV–XVI векам (приказная система). Н.Ф. Демидова выделила три этапа: служилая (XIV–начало XVIII в.), дворянская (XVIII в. до 1760-х), чиновническая (с 1760-х). Она провела грань между чиновничеством и бюрократией как закрытой группой [Шмидт, 1963, с. 484].

С.М. Троицкий считал, что немногочисленная дворянская бюрократия сложилась в первой половине XVIII века при абсолютной монархии. А.П. Павлов на примере приказной системы Годунова отнёс дьячество к особой социальной группе [Троицкий, 1974, с. 397].

Сравнение рассмотренных подходов позволяет выявить их сильные и слабые стороны: рациональный подход акцентирует эффективность и профессионализм, но идеализирует бюрократию; классовый подход вскрывает связь с интересами элиты, но склонен к экономическому детерминизму; функциональный подход обращает внимание на дисфункции и патологии, но не даёт универсального рецепта их преодоления; российская историография добавляет конкретно-исторический контекст, но остаётся раздробленной в вопросе периодизации.

Таким образом, дискуссия началась в середине XIX века и разделилась на два направления: одни относят зарождение к XVI–XVII векам (приказная система), другие – к реформам Петра I (замена приказов коллегиями). Спор продолжился в XX веке.

Список источников

1. Альпидовская М.Л. Концепция рациональной бюрократии индустриального общества М. Вебера // Вестник Финансовой академии. 2007. № 2. С. 82–89.
2. Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Пер. с нем. под ред. И.М. Гревса. Петроград: Наука и школа. 1923. 240 с.
3. Ибрагима Д. Феномен бюрократии: классические концепции // Современные исследования социальных проблем. 2013. №6. С. 44.
4. Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб. 1897. 127 с.
5. Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного госаппарата в кон. XV – первой пол. XVI в. М. 1961. 200 с.
6. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб. 1888. 759 с.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Сочинения. 2-е изд. Т.1. М. 1955. 368 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. Государственное издательство политической литературы. 1950. 73 с.
9. Мертон Р. К. Бюрократическая структура и индивидуальность // Классики теории государственного управления: американская школа. Под ред. Дж. Шафритц, А. Хайд. Пер. с англ. Т. И. Борисенко, и др. М. : Изд-во МГУ. 2003. 141 с.
10. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке: Формирование бюрократии. М.: Наука. 1974. 397 с.
11. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М. 1856. 592 с.
12. Шмидт С.О. О дьячестве в России в сер. XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова / Под ред. В.И. Шункова. - М.: Изд-во АН СССР. 1963. 484 с.
13. Gouldner A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy. New York: The Free Press of Glencoe. 1954. 286 p.

Сведения об авторах

Гриценко Михаил Андреевич, студент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, michaelgrinev0211@icloud.com

Гордеев Александр Геннадьевич, научный руководитель, канд. ист. наук, доцент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, AGGORDEEV@email.com

УДК 343

Песоцкая А.А., Блохин Ю.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация: В статье рассматривается сущность таких преступлений, совершаемых государственными служащими против государственной власти и интересов государственной службы. Предоставляется общий уголовно-правовой анализ данных преступлений и изучается их характеристика, включая некоторые особенности. Рассматривается проблема несоответствия легальной дефиниции «должностное лицо» формируемой уголовно-правовой практике привлечения государственных служащих к уголовной ответственности. Так, был сделан вывод о необходимости закрепления в корпоративном или уголовном законодательстве понятия «контрольный пакет».

Ключевые слова: государственная служба, государственная власть, преступление, причинение вреда, авторитет институтов публичного управления

Государственная служба как вид профессиональной деятельности на сегодняшний день имеет ключевое значение для обеспечения непрерывного осуществления функций государства во всех сферах общественной жизнедеятельности. Все дело в том, что текущее качественное состояние государственного аппарата определяется в результате выполнения таких функций, как: политическая, экономическая, социально-правовая и других. В рамках каждой из упомянутых функций активное участие принимают государственные служащие. В свою очередь, успешность регулирования государственной службы, в том числе, зависит от уровня кадровой политики на службе и от кадрового потенциала в целом. Значит, если в общем своем проявлении государственная служба направляется на формирование и последующее достижение общегосударственных и национальных целей в России, то и деятельность государственных служащих должна соответствовать таким целям. Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит три группы преступлений, совершаемых должностными лицами:

а) преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст.ст. 285–293 УК РФ);

б) преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст.ст. 201–204.2 УК РФ);

в) иные преступления, субъектом которых может выступать должностное лицо.

В отечественной доктрине уголовного права деяния, посягающие на авторитет и интересы государственной власти (система публичного управления) и закрепленные в соответствующей гл. 30 УК РФ, традиционно называются должностными преступлениями.

Подобный терминологический аппарат весьма точно отражает саму суть проблемы – наличие специального статуса (должностное лицо) у субъектов преступлений, порождающих повышенную общественную опасность каждого из деяний, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьями 30 гл. УК РФ [Зорина, 2019, т. 4, с. 153].

Понимание сути преступлений в сфере государственного управления (должностное преступление) неразрывно связано с точным определением статуса специального субъекта таких деяний, поскольку квалификация преступлений напрямую зависит от того, кого именно правоприменитель признает наделенным соответствующими властными полномочиями. Так, например, законодатель, выделяя такой специальный субъект преступления, как «должностное лицо», прежде всего, опирается на формальную информацию о месте работы (занимаемая должность) человека в структуре государственных, муниципальных или иных организаций и на фактическое содержание выполняемых человеком организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей.

Однако, несмотря на наличие базовой дефиниции термина «должностное лицо», закрепленной в примечании к ст. 285 УК РФ, современные профильные теоретические исследования постоянно сталкиваются с серьезными трудностями при толковании признаков упомянутого понятия. Описанный выше подход нередко приводит к возникновению ошибок при квалификации преступления, поскольку наименование рабочего места далеко не всегда совпадает с реальным объемом полномочий субъекта.

Следовательно, оценивая актуальную легальную формулировку понятия «должностное лицо», можно прийти к выводу о наличии целого ряда системных недостатков, наиболее значимым из которых является наличие изъяна самой конструкции закона, который выражается в неполной ясности терминологии.

Данная проблема, связанная с несовершенством правовых конструкций, актуализируется постоянными нормативными изменениями. Так, например, в Федеральном законе от 01.12.2007 № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» закреплено: п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ после слов «государственных и муниципальных учреждениях,» дополнить словами «государственных корпорациях».

Далее в Федеральном законе от 13.07.2015 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было закреплено: п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ после слов «государственных корпорациях,» дополнить словами «государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям,».

Отметим, что также в корпоративном и уголовном законодательствах отсутствует определение понятия «контрольный пакет», к которому, по сути своей, ссылается примечание к ст. 285 УК РФ. Следовательно, видится необходимость в том, чтобы законодатель «подкреплял» осуществляемые нормативные изменения соответствующими правовыми пояснениями.

Перейдем к «общему» уголовно-правовому анализу юридической природы каждой из статей рассматриваемой гл. 30 УК РФ. Непосредственным объектом выступают общественные отношения относительно законной деятельности соответствующего сегмента аппарата власти. Дополнительным объектом в некоторых преступных деяниях являются законные интересы граждан, организаций, общества, государства [Токторов, 2022, с. 138].

Объективная сторона рассматриваемых преступлений охватывает широкую палитру противоправного поведения (действие или бездействие) государственного служащего. Из-за наличия огромного числа деяний, которые могут быть признаны преступлением против государственной власти, в качестве их отличительного признака отметим следующее: с объективной стороны рассматриваемые деяния характеризуются тем, что совершаются с использованием служебных полномочий вопреки интересам службы и в связи с осуществлением своей деятельности.

Необходимо отметить, что общественная опасность рассматриваемых преступлений кроется в разрушительном влиянии на регламентированный порядок работы институтов государственной власти, что неизбежно влечет за собой деформацию всего управленческого механизма.

Подобные посягательства ущемляют законные права и свободы граждан или организаций, тем самым дискредитируя публичное управление и причиняя вред вере населения в надежную правовую защищенность. Следствием причинения вреда уверенности граждан в защищенности становится формирование в социуме стойкой антипатии к государственным структурам и непосредственно к самим государственным служащим, из-за порождается массовый правовой нигилизм: граждане все чаще отказываются от содействия органам государственной власти, что в глобальном смысле «тормозит» общественное развитие в России и блокирует процесс формирования правового государства.

Специфической чертой данной категории преступлений является то, что их фактическая реализация осуществима исключительно в случае занимания субъектом служебного положения. Исходя из этого, следует признать, что внешнее проявление таких деяний всегда включает в себя совершение действий или бездействий, которые являются противоречивыми при сопоставлении их с целями государственной службы и объемом закрепленных за государственным служащим прав и обязанностей. Для материальных составов обязательным признаком является наличие конкретного вреда, выражающегося в ущемлении охраняемых законом общественных, государственных или частных благ, а также наличие причинной связи между деянием и наступившим вредом (последствием).

Анализ статей гл. 30 УК РФ также позволяет утверждать, что основная масса преступлений, совершаемых государственными служащими против государственной власти и интересов государственной службы, реализуется через активное поведение виновного лица. В качестве предмета преступлений могут выступать официальные документы. При служебном подлоге, например, это могут быть государственные реестры с внесенными в них недостоверными данными (ст. 285.3 УК РФ); при нецелевом использовании – бюджетные (ст. 285.1 УК РФ) и внебюджетные средства (ст. 285.2 УК РФ); при получении взятки (ст. 290 УК РФ), даче взятки (ст. 291 УК РФ), посредничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелком взяточничестве (ст. 290.2 УК РФ) – деньги и иные ценности.

Субъект рассматриваемой группы преступлений – специальный, который обладает дополнительными признаками (за исключением ст. 291 УК РФ (дача взятки) и ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве), где субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет). Субъективная сторона рассматриваемых составов преступлений, как правило, характеризуется виной в форме умысла [Токторов, 2022, с. 140].

Таким образом, общественная опасность рассматриваемой категории преступлений кроется в целенаправленном причинении вреда авторитету публичного управления, который состоит из мнения граждан об органах государственной власти. Значит, дополнительным следствием такого вреда является снижение уровня доверия населения к институтам государственной власти и деятельности государственных служащих. Рассмотренные преступления, ввиду такого колоссального вреда, требуют пристального внимания со стороны государства в процессе дальнейшего реформирования и детализации отечественного уголовного законодательства.

Список источников

1. Зорина И.В. Государственный служащий как субъект преступлений // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». 2019. № 6 (15) Т.4. С. 151–156.
2. Токторов Э.С. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти // Аграрное и земельное право. 2022. № 7 (211). С. 137–141.

Сведения об авторах

Песоцкая Арина Александровна, магистрант, Российская таможенная академия, Ростов-на-Дону, Россия, frinagetera@gmail.com

Блохин Юрий Иванович, канд. юрид. наук, доцент, Российская таможенная академия, Ростов-на-Дону, Россия, upd_kafedra00@mail.ru

УДК 342

Смышляев С.М.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется система конституционно-правовых гарантий сохранения этнокультурного многообразия в субъектах Российской Федерации в контексте обновления стратегического планирования. На основе новой Стратегии государственной национальной политики до 2036 года анализируются механизмы её реализации на уровне субъектов РФ. Особое внимание уделено разграничению полномочий в области сохранения нематериального этнокультурного

достояния и защиты языкового многообразия. Автор резюмирует, что в складывающейся системе конституционно-правовых гарантий одной из главных задач выступает укрепление общероссийской гражданской идентичности и сохранение этнокультурной уникальности народов.

Ключевые слова: этнокультурное многообразие, конституционно-правовые гарантии, национальная политика, федерализм

25 ноября 2025 года Президент Российской Федерации подписал Указ № 987 о Стратегии государственной национальной политики на период до 2036 года [2]. Указанная стратегия, вступившая в силу с начала 2026 года, определила концептуальные рамки национальной политики в изменившихся геополитических условиях. Ключевая новация Стратегии – характеристика России как «самобытного государства-цивилизации». Данный подход предопределяет особое отношение к сохранению этнокультурного и языкового многообразия, которое рассматривается как неотъемлемое достояние многонационального народа.

В условиях роста внешних угроз, включая попытки дестабилизировать межнациональные отношения и дискредитировать русский язык и культуру, конституционно-правовые гарантии сохранения этнокультурного многообразия приобретают стратегическое значение. При этом именно региональный уровень публичной власти становится ключевой площадкой их реализации.

Цель настоящей работы – анализ системы конституционно-правовых гарантий этнокультурного многообразия в субъектах Российской Федерации в рамках обновленной Стратегии государственной национальной политики до 2036 года.

Конституция России заложила основы правового регулирования этнокультурного многообразия. Преамбула закрепляет положение о том, что многонациональный народ России сохраняет исторически сложившееся государственное единство. Статья 3 Конституции называет многонациональный народ носителем суверенитета, что придаёт этнокультурному многообразию конституционно значимый характер [1].

Базовые конституционные гарантии сосредоточены в статьях 19, 26, 68 и 69. Статья 19 провозглашает равенство прав независимо от расы, национальности и языка. Статья 26 закрепляет право каждого определять свою национальную принадлежность и пользоваться родным языком. Принципиальное значение имеют конституционные новеллы 2020 года: часть 2 статьи 69 обязывает государство защищать культурную самобытность всех народов и гарантировать сохранение этнокультурного и языкового многообразия [1]. Данная формулировка впервые на высшем нормативном уровне закрепила обязанность государства сохранять не

отдельные культурные феномены, а всё многообразие этнических культур и языков.

Как справедливо отмечает А.Н. Мочалов, «этнокультурное и языковое многообразие в современном мире – это не только важные конституционные ценности, но и вызовы, способные обуславливать этнический сепаратизм и межнациональные конфликты» [8, с. 132]. Поэтому необходимо соблюдать баланс между сохранением многообразия и обеспечением государственной целостности.

Федеральный законодатель осуществляет дальнейшее развитие конституционных положений в специальных законах: «О языках народов Российской Федерации», «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», «О нематериальном этнокультурном достоянии». Важное значение играет Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», которым к полномочиям органов власти субъектов РФ отнесено осуществление мер по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов, проживающих на соответствующей территории [3].

Утверждённая Стратегия государственной национальной политики на период до 2036 года – это документ, который определяет базовые и единые подходы к обеспечению подхода к реализации национальной политики на среднесрочную перспективу. Укрепление единства многонационального народа РФ (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного и языкового многообразия заявлено целью Стратегии [2].

Приоритетными направлениями определены: укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных ценностей; сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия; обеспечение межнационального и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму [2].

В Стратегии определены индикаторы, подлежащие достижению к 2036 году: уровень общероссийской гражданской идентичности – не менее 95 процентов; доля граждан, положительно оценивающих отношения между представителями различных национальностей, – не менее 85 процентов; доля граждан, отмечающих отсутствие дискриминации по признаку национальной и языковой принадлежности, – не менее 90 процентов [2]. Стратегия также фиксирует внешние угрозы национальной безопасности, включая усилия зарубежных стран по дестабилизации межнациональных отношений и дискредитации русского языка и культуры. Одновременно подчёркивается необходимость сохранения и развития языков народов России, что свидетельствует о стремлении к сбалансированному подходу.

Конституционно-правовые гарантии этнокультурного многообразия реализуются на трёх уровнях публичной власти, причём именно субъекты Российской Федерации выступают ключевыми субъектами реализации национальной политики. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет систему полномочий региональных органов государственной власти в рассматриваемой сфере [3].

Согласно части 2 статьи 68 Конституции РФ, республики вправе устанавливать свои государственные языки [1]. Безусловно это является одним из ключевых пунктов региональной системы гарантий является институт государственных языков республик в составе Российской Федерации.

Организационным каркасом проведения региональной национальной политики являются профильные структуры в системе органов исполнительной власти субъектов РФ. По состоянию на 2025 год в 66 субъектах РФ сформированы профильные структуры в сфере государственной национальной политики, осуществляют деятельность 38 Домов народов, Домов Дружбы, Домов национальностей и иных этнокультурных центров [9].

На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям было обращено внимание на проблему совмещения профильными региональными ведомствами функций в сфере национальной политики с иными полномочиями, что снижает эффективность их работы. Глава государства поддержал необходимость совершенствования этой сферы. Впоследствии данная позиция нашла отражение в утверждённом перечне поручений, где высшим должностным лицам регионов рекомендовано при участии Администрации Президента проработать вопрос о закреплении полномочий в сфере реализации государственной национальной политики за специализированным органом власти либо профильным подразделением, уполномоченным на решение вопросов внутренней политики субъекта Российской Федерации, со сроком исполнения до конца 2026 года [7].

На муниципальном уровне вопросы сохранения этнокультурного многообразия отнесены к вопросам местного значения Федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», что позволяет учитывать локальную специфику при реализации государственной национальной политики.

Введение в действие Федерального закона от 20 октября 2022 года № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской

Федерации» стало значимым этапом в развитии правового регулирования этнокультурного многообразия [4]. Указанный закон установил правовые и организационные основы для обеспечения культурной самобытности народов России. Закон относит народные традиции, обряды, праздники и ремёсла к нематериальному культурному наследию и наделяет региональные власти полномочиями по их сохранению и развитию.

Распоряжением Правительства РФ № 206-р от 2 февраля 2024 года утверждена Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года в соответствии с которой в субъектах РФ создаются реестры нематериального этнокультурного достояния. Создание таких реестров позволяет систематизировать информацию об объектах культурного наследия, обеспечивает их учёт и охрану, создаёт основу для государственной поддержки носителей традиционной культуры. В настоящее время региональные реестры объектов нематериального этнокультурного достояния созданы в большинстве субъектов РФ, в реестр внесён 31 объект, включая башкирский курай, тувинское горловое пение хоомей и уникальное ковроткачество Дагестана [7].

Языковое многообразие является неотъемлемой составляющей этнокультурного многообразия Российской Федерации. В настоящее время в России используется более трёхсот языков и диалектов [9]. В рамках Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 годы) Российская Федерация реализует комплекс мер по сохранению языков.

Безусловно законодательство о языках в настоящее время нуждается в корректировке. Действующий Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» № 1807–1 был принят 25 октября 1991 года, то есть до вступления в силу Конституции РФ 1993 года. Многие его положения требуют приведения в соответствие с современными реалиями и действующим законодательством.

В связи с этим 5 ноября 2024 года на заседании Совета при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России было дано поручение о разработке проекта федерального закона «О языках народов Российской Федерации» [7], в котором необходимо на системном уровне предусмотреть создание государственного реестра языков народов России.

Концепция государственной языковой политики Российской Федерации, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 12 июня 2024 года № 1481-р, ставит во главу угла следующие направления: обеспечение функционирования русского языка как государственного

языка РФ; сохранение и развитие государственных языков республик; поддержку языков коренных малочисленных народов [5].

Важным инструментом сохранения языкового многообразия выступает цифровизация. По состоянию на 2025 год электронными словарями обеспечены 70 языков народов России, разработаны мобильные приложения для 55 языков, системы машинного перевода созданы для 17 языков [7].

Новая Стратегия государственной национальной политики до 2036 года задаёт вектор развития правового регулирования этнокультурного многообразия. Среди ключевых направлений совершенствования конституционно-правовых гарантий можно выделить следующие.

Дальнейшее развитие законодательства о нематериальном этнокультурном достоянии. Требуется принятие подзаконных актов, регламентирующих порядок выявления и сохранения объектов, а также формирование единой системы региональных реестров и их интеграция с федеральным реестром.

Совершенствование законодательства о языках. Принятие нового федерального закона «О языках народов Российской Федерации» позволит устранить пробелы действующего законодательства и создать правовые механизмы защиты языков.

Усиление роли муниципального уровня в реализации национальной политики. Как показывает практика Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика», на муниципальном уровне накоплен значительный опыт организации проектов, направленных на сохранение культурного многообразия. Требуется систематизация и распространение лучших практик.

Следующее направление касается активизации институтов гражданского общества в области сохранения этнокультурного разнообразия. Национально-культурные автономии, ассоциации коренных малочисленных народов, а также иные некоммерческие структуры вносят существенный вклад в поддержку и развитие этнических культур. В связи с этим требуется дальнейшее совершенствование механизмов их государственной поддержки как финансовой, так и организационной, а также информационной.

Пятое направление связано с продолжением международного взаимодействия в области сохранения этнокультурного разнообразия. Речь идёт, в частности, об участии России в Международном десятилетии языков коренных народов и о налаживании обмена опытом с зарубежными партнёрами.

Конституционно-правовые гарантии этнокультурного многообразия в субъектах Российской Федерации выстраиваются в многоуровневую

систему, охватывающую конституционные нормы, федеральное законодательство

и региональные нормативные правовые акты. Такая конструкция позволит поддерживать равновесие между сохранением культурной самобытности всех народов, проживающих в стране, с одной стороны, и укреплением общероссийской гражданской идентичности – с другой.

Обновленная Стратегия национальной политики до 2036 года фиксирует понимание России как государства-цивилизации, задаёт перечень измеримых целевых индикаторов и обозначает ключевые векторы деятельности. Среди них – укрепление общероссийской гражданской идентичности и поддержка этнокультурного разнообразия.

Региональный уровень публичной власти занимает значимое место в реализации конституционно-правовых гарантий этнокультурного многообразия. Субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют приоритеты сохранения культурной самобытности, регулируют статус государственных языков республик и формируют региональные реестры объектов нематериального этнокультурного достояния.

Как подчеркнул Президент РФ на заседании Совета по межнациональным отношениям, «мы должны делать всё для того, чтобы укреплять нашу общность, наше единство, гражданскую и национальную, а значит, и государственную, общероссийскую идентичность» [7].

Дальнейшее совершенствование конституционно-правовых гарантий в рассматриваемой сфере следует ориентировать на достижение названной цели, одновременно обеспечивая неуклонное соблюдение прав народов на сохранение их уникальной культуры и языка.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ).

2. Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 987 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

3. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

4. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7278.

5. Распоряжение Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 25. Ст. 3542.

6. Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2024 г. № 206-р «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 7. Ст. 1041.

7. Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям (Москва, Кремль, 5 ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

8. Мочалов А.Н. Конституционные гарантии единства Российской Федерации как федеративного государства в условиях этнокультурного и языкового многообразия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 131–140.

9. Материалы к заседанию Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об особенностях реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации» 21.11.2025 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/media/files/ZsXkTOcXMKbh92EqPIT0rljg2eRtcH0y.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

Сведения об авторах

Смышляев Сергей Михайлович, аспирант, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, serge-s-gs@yandex.ru

Михеева Татьяна Николаевна, научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, TNMiheeva14@mail.ru

УДК 347

Соколова Я.Г.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Персональные данные в современном информационном мире являются ценным активом, а цифровой след гражданина, содержащий сведения о частной жизни, может рассказать многое, в связи с чем защита такой информации является одним из главных приоритетных направлений государства. Гражданско-правовая защита информации о частной жизни является важным инструментом в реализации обеспечения неприкосновенности личной жизни, путём восстановления нарушенных прав и компенсации за нанесённый вред. В статье изучены и проанализированы способы гражданско-правовой защиты информации о частной жизни, а также возмещение убытков, компенсация причинённого вреда и опровержение порочащей информации.

Ключевые слова: цифровое право, частная жизнь, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, гражданско-правовая защита, возмещение убытков, моральный вред, защита данных

В современном информационном обществе создаются серьёзные риски для неприкосновенности частной жизни граждан из-за стирания границ между публичным и частным. В таком случае частная жизнь требует защиты, что является главной задачей государства, которая реализуется посредством различных судебно-правовых механизмов.

Статья 23 Конституции Российской Федерации на законодательном уровне закрепляет право на неприкосновенности частной жизни [1]. Право на неприкосновенность частной жизни представляет собой автономию личности от незаконного вмешательства кого-либо. В век цифровизации угроза нарушения автономии личности многократно возросла, что требует эффективную реализацию всех видов средств защиты. В современном государстве судебно-правовые механизмы являются формой государственного принуждения, которые применяются для восстановления нарушенного права и привлечения к ответственности виновного.

К информации о частной жизни относятся данные о физическом лице, а именно семейное положение, место жительства, национальность, состояние здоровья и т.п. [2].

Можно согласиться с мнением Е. В. Богданова, что вышперечисленные сведения формируют «информационный образ человека», основой которого служит информация [3].

В 2021 году по вопросам защиты персональных данных в Роскомнадзор поступило 10065 обращений от граждан, в 2022 году – 10799 обращений, в 2023 году – 14974 обращения, в 2024 – 16636 обращений, за 3 квартала 2025 года – 13505 обращений [4]. Проанализировав статистические данные по обращениям граждан, можно сделать вывод, что с каждым годом наблюдается рост количества обращений граждан по вопросам защиты персональных данных. Такая устойчивая тенденция к росту свидетельствует о повышенном беспокойстве граждан о своих персональных данных и их защите.

Статья 24 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает гражданскую, административную и уголовную ответственность за нарушение требований к обработке персональных данных [5].

Статья 152.2 ГК РФ устанавливает связь информации о частной жизни с её неприкосновенностью, личной и семейной тайной [6]. Сбор, хранение, распространение и использование персональной информации, такой как имя, изображение, место регистрации и место жительства, личная жизнь и т.п., без согласия лица невозможно. На законодательном уровне персональные данные регулируются не только Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», а также нормами Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7], Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [8], Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [9], Уголовным кодексом Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [10].

Гражданско-правовая защита информации о частной жизни содержит в себе такие формы защиты как возмещение убытков, компенсацию морального вреда и опровержение порочащей информации.

В гражданском законодательстве убытком считается реальный ущерб или упущенная выгода, которые были причинены путём неправомерного сбора, хранения, распространения и использования персональных данных.

В судебном порядке для доказывания причинённых убытков необходимо доказать следующие:

сам факт нарушения, то есть должно быть установлено конкретное неправомерное действие – сбор, хранение, распространение, использование или разглашение данных о частной жизни;

наличие конкретных понесённых убытков;

причинно-следственную связь между действием - нарушением права и наступившими последствиями - понесёнными убытками;

вина субъекта правонарушения, которая необходима для взыскания убытков.

В судебной практике существуют сложности доказывания понесённых убытков, когда причинен вред репутации гражданина. Но при наличии всех доказательств - взыскание убытков одно из самых эффективных способов защиты частной жизни.

В случае нарушения права на частную жизнь также может быть взыскан моральный вред с причинителя вреда. В гражданском законодательстве моральным вредом признается физическое или нравственное страдание, которое было причинено гражданину противозаконными действиями - нарушением его личных неимущественных прав.

В судебном процессе при определении размера компенсации морального вреда в обязательном порядке учитывается характер причинённых страданий, степень вины нарушителя, а также требования разумности и справедливости.

Также при определении размера компенсации должны быть учтены следующие факторы: объем и характер распространённой информации, и наступившие последствия для личной и профессиональной жизни гражданина. Нематериальные блага сложно оценить в денежном эквиваленте, в связи с чем взыскание компенсации морального вреда, в случае причинения вреда в результате незаконного сбора, хранения, распространения, использования или разглашения данных о частной жизни является важным инструментом защиты информации о частной жизни.

В правоприменительной практике также существуют случаи, когда нарушитель распространяет недостоверную информацию, порочащую честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, то в данном случае потерпевший имеет право требовать от нарушителя опровержения такой информации. Обязательным условием опровержения порочащей информации должно быть то, что опровержение должно быть сделано именно тем же способом, каким была распространена порочащая информация или подобным образом.

В судебном заседании потерпевшему для требования опровержения информации необходимо доказать следующее:

установление факта распространения информации;
информация должны быть порочащей, то есть умалять честь, достоинство или деловую репутацию гражданина;
установление факта недостоверности информации.

Так, в Вичугский городской суд Ивановской области ФИО1 обратился в суд с иском к ФИО2 о защите чести, достоинства и деловой репутации из-за публикаций в соцсетях, где истец, глава Новописцовского поселения, назван вором и бандитом. ФИО1 просил признать сведения порочащими, удалить их, опровергнуть и взыскать компенсацию. ФИО2 иск не признала, утверждая, что информация правдива, а критика допустима. Суд частично удовлетворил иск ФИО1, признав слова «бандит» и «бандит из лихих 90-х» порочащими, обязал ФИО2 удалить их, опровергнуть и выплатить компенсацию в 5000 рублей [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае установления всех вышеперечисленных фактов суд своим решением может обязать правонарушителя сделать опровержение распространённой недостоверной информации в добровольном порядке. В случае невыполнения законных требований суда - нарушителя обяжут в принудительном порядке опровергнуть недостоверную информацию. Такой вид защиты частной жизни гражданина восстанавливает репутацию и доброе имя потерпевшего.

Гражданско-правовая защита сведений о частной жизни гражданина является комплексным механизмом, содержащим различные способы защиты, такие как возмещение убытков, компенсация морального вреда и опровержение порочащей информации.

При выборе конкретного способа защиты нарушенного права в случае незаконного сбора, хранения, распространения, использования или разглашения данных о частной жизни обязательно учитывается характер нарушения и причинённые последствия.

Следует обратить внимание, что эффективное использование гражданско-правовых механизмов защиты частной жизни требует квалифицированной юридической помощи и тщательной подготовки доказательственной базы. Для обеспечения защиты сведений о частной жизни нужно знать свои права и уметь их защищать. В век информационных технологий и большом объёме личных цифровых данных о гражданине подчёркивается важность гражданско-правовых способов защиты, которые должны соответствовать новым вызовам и угрозам.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.01.2026).

2. Новиков Р. В. Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных // *Ex Jure*. 2020. № 2. С. 64–71.

3. Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // *Гражданское право*. 2018. № 5. С. 29–33.

4. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/treatments/p436/> (дата обращения: 07.01.2026).

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». [Электронный ресурс]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 07.01.2026).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). [Электронный ресурс]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 07.01.2026).

7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). [Электронный ресурс]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 07.01.2026).

8. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981). [Электронный ресурс]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 07.01.2026).

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 07.01.2026).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025). [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.01.2026).

11. Решение Вичугского городского суда Ивановской области № 2-11/2025 2-11/2025(2-616/2024;)-М-577/2024 2-616/2024 М-577/2024 от 15 мая 2025 г. по делу № 2-11/2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/437rYZK8Akmw/> (дата обращения: 07.01.2026).

Сведения об авторах

Соколова Ярослава Геннадьевна, магистрант Поволжский государственный технологический университет, Филиал государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» по Республике Марий Эл, Россия, город Йошкар-Ола. yaqa.sokolova@yandex.ru

Пушкарев Станислав Вадимович, научный руководитель, канд. юрид. наук, Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола, Россия, pushkarev_stanisлав@bk.ru

УДК 35.077.1

Сухов А. А.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РЕФОРМЫ: РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: в условиях трансформации политического устройства статья анализирует эволюцию института обращений граждан от советского периода (1919–1991 гг.) к современной Российской Федерации как канала коммуникации между властью и обществом. Выявлена преемственность принципов мотивированных ответов и сроков рассмотрения, трансформировавшихся от партийно-идеологической модели к правовой модели, характеризующейся деидеологизацией и цифровизацией в современном мире. Используются сравнительно-исторический метод и анализ статистических данных.

Ключевые слова: обращения граждан, СССР, Российская Федерация, цифровизация, политическая коммуникация

Институт обращений граждан в Российской Федерации представляет собой динамично развивающийся механизм, который является одним из каналов коммуникации между властью и обществом, отражая ключевые

трансформации политического устройства страны. Возникнув как инструмент взаимодействия между властью и обществом, он постепенно превратился в одно из конституционных прав граждан. Данное исследование рассматривается в рамках исторического контекста, правовых основ и практических аспектов реализации механизма работы с обращениями граждан, проводя параллели между советским периодом и современной Россией, чтобы выявить преемственность и различия в подходах политической коммуникации.

Институт обращений граждан в советский период являлся лишь инструментом партийно-государственного взаимодействия с гражданами. В 1919 году было создано Центральное бюро жалоб и заявлений, утверждено положение «О местных отделениях Центрального бюро жалоб и заявлений», которое закрепило следующие аспекты:

1. Сроки ответа на поступившие обращения определены как «без промедления». В случае получения жалобы на тот или иной государственный орган Бюро требовало от данного органа объяснений, причём орган должен был принять ответные меры «в самом срочном порядке» и по итогам «немедленно уведомить» Бюро о принятых мерах, согласно ст. 272 п. 10.

2. Ответ на обращение должен быть «самый точный и определённый», что следует из ст. 272 п. 12.

3. Систематизация жалоб происходила на основе распределения по органам и учреждениям. По приложенной форме к нормативно-правовому акту ежемесячно публиковались сводки в местных печатных изданиях согласно ст. 272 п. 13 [6].

На основе данного нормативно-правового документа следует привести практический аспект работы с обращениями граждан. Статистические показатели отражены в материалах Центральной контрольной комиссии Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции СССР. Центральное бюро жалоб и заявлений согласно материалам, опубликованным в 1930 году, регистрировало:

1. В 1927 году, когда, как отмечается, работа велась «аппаратным» путём, обращений поступило порядка 4 тысяч.

2. В 1928 году ввиду развёртывания массовой работы Бюро жалоб и заявлений было зарегистрировано до 20 тысяч обращений.

3. 1929 году был достигнут пик регистрации обращений – 43 тысячи жалоб поступили к органам Бюро жалоб и заявлений.

За вышеупомянутые годы жалобы и заявления подавались по вопросам сельского хозяйства, промышленности, производства и изобретений, а также торговли и кооперации [3].

Следующим основополагающим документом об институте обращений граждан в СССР становится Постановление Президиума ЦИК СССР 1933 года «О рассмотрении жалоб трудящихся и принятии по ним необходимых мер», отличительные особенности которого заключаются в следующем:

1. Установление определённых часов для приёма обращений граждан, а выходные и праздничные дни следует организовать дежурство, согласно п. 3.

2. Определение формата работы уполномоченных лиц при ответе на обращения. По итогам расследования проблем, которые были поставлены в обращении, гражданам выдаётся справка о положении дел по жалобе. В особо важных случаях направлять уполномоченных сотрудников расследовать причины возникшей жалобы (уполномочивали сотрудника Исполнительный комитет или совет), как определено в п. 4 и 5.

3. Определение отчетного периода – квартал. По истечении периода руководящее лицо было обязано представить отчёт об итогах перед исполнительными комитетами и сельскими советами по принадлежности согласно п. 6 [9].

Данный этап советского периода, ограниченный действием этого нормативно-правового документа, также можно проиллюстрировать статистическими данными по работе с обращениями граждан, которые были отражены в докладной записке о работе Бюро жалоб КСК при СНК СССР за I квартал 1936 г. [1, с. 14]. За первый квартал поступило 12 865 заявлений. К данному периоду стоит отнести высокий процент переадресации от Бюро жалоб к прочим государственным органам СССР: Прокуратуру и Верховный суд РСФСР и СССР – 1667, в НКФ РСФСР и СССР – 1023, в ВЦСПС – 495, ВЦИК – 501 [2].

Нормативно-правовым документом, который заменил постановление Президиума ЦИК СССР 1933 года «О рассмотрении жалоб трудящихся и принятии по ним необходимых мер», стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан». Следует также отметить введение принципиально новых аспектов работы с обращениями граждан:

1. Все государственные и общественные органы были обязаны предоставлять возможность подачи обращений, право на обращение уже закреплялось в Конституции СССР от 1936 года согласно п. 1.

2. Впервые введён спектр возможных форм обращений: предложения, заявления и жалобы, как определено в п. 2;

3. У государственных органов возникла обязанность систематического анализа и обобщения поступивших обращений для устранения причин,

которые приводят к нарушению закона, притеснению прав граждан СССР, согласно п. 7.

4. Определены сроки рассмотрения обращения – 30 дней, но для обращений, которые не требуют дополнительного изучения и проверки – 15 дней, как определено в п. 9 [8].

Завершающим документом о работе с обращениями граждан, который относится к советскому периоду, становится Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая в 1991 г., которая закрепила право граждан РСФСР на подачу как личных, так и коллективных обращений, а государственные органы были обязаны дать мотивированный ответ в установленный законом срок [5].

Фундаментальный принцип «направлять индивидуальные, коллективные обращения и получать мотивированные ответы» закрепился в переходном периоде, к примеру, в статье 33 Конституции РФ 1993 года (с изменениями 2020 года), а в последующем получил развитие в современной модели, закреплённой в Федеральном законе от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [11, с. 56].

Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» детализировал формы подачи обращений, которые эволюционировали под влиянием цифровизации: письменные обращения требуют ФИО, адреса и сути проблемы (ст. 7), устные фиксируются протоколом, а электронные – через портал Госуслуг, сайты органов с идентификацией по ЕСИА или усиленной электронной подписью. Изменения с 30 марта 2025 года усилили идентификацию для электронных форм, отражая стремление к большей прозрачности.

Сроки рассмотрения обращений были установлены в течение 30 дней, в исключительных случаях – с возможным продлением ещё на 30 дней. Также отдельно был определён срок для рассмотрения обращений, касающихся миграции – 20 дней [7].

Логичным продолжением реформ стала интеграция информационных технологий, подчёркивающая переход от бумажных потоков к цифровому диалогу. Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 года № 2523-р обязало органы вести официальные страницы в соцсетях «ВКонтакте» и «Одноклассниках», где комментарии и сообщения стали рассматриваться как форма взаимодействия с гражданами [4].

Практические кейсы подтверждают эффективность реформирования в современных условиях: на совещании Правительства 17 октября 2025 года Президент В. В. Путин акцентировал необходимость

«разбюрократизации» работы с обращениями, что ускорило внедрение технологий искусственного интеллекта для анализа обращений.

В заключение приведём статистику обращений на примере Правительства Российской Федерации за декабрь 2025 года, которая отражает современные тенденции по использованию различных каналов при государственной коммуникации: всего было зарегистрировано порядка 17 тысяч обращений, из которых более 16 тысяч было подано с помощью электронных каналов коммуникации [10].

Подводя итог, стоит определить, что в развитии института обращений граждан от СССР к РФ на первый план вышли тенденции к деидеологизации, цифровизации и усилению индивидуальной ответственности органов власти. Преобразования происходили в направлении перехода от коллективно-идеологической модели к правовой модели взаимодействия государства и граждан.

Работа с обращениями позиционировалась как форма участия трудящихся в управлении государством и источник информации для борьбы с бюрократией. Выделялись идеологические приоритеты: привлечение общественности, народного контроля, обсуждение на собраниях коллективов.

В современных условиях преобладают тенденции цифровизации: осуществлён переход к цифровому диалогу, что повышает доступность, но требует усиления идентификации и модерации. Механизм работы с обращениями стал эффективным каналом коммуникации между властью и обществом, с потенциалом для дальнейшей оптимизации через технологии.

Список источников

1. Гаврилова П. Д. Исторические аспекты развития института обращений граждан в России // Вестник Национального Института Бизнеса. 2018. № 33. С. 11–20.

2. Из докладной записки о работе Бюро жалоб КСК при СНК СССР за I квартал 1936 г. 17 апреля 1936 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/40765>

3. Объединённое бюро жалоб НК РКИ СССР и РСФСР: материалы. [Электронный ресурс]. URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002447823/ (дата обращения: 26.02.2026)

4. Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при

Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц: распоряж. Правительства Российской Федерации от 2 сент. 2022 г. № 2523-р // СПС «КонсультантПлюс».

5. О декларации прав и свобод человека и гражданина: постанов. Верховного совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. №1920-I // СПС «КонсультантПлюс».

6. О местных отделениях Центрального Бюро Жалоб и Заявлений: постанов. Народного комиссариата Госдурственного Контроля от 24 мая 1919 г. №272. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/38029> (дата обращения: 24.02.2026).

7. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02 мая 2006 г. №59-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан: Указ Президиума Верховного совета СССР от 12 апреля 1968 г. №2534-VII (в ред. от 02 февраля 1988 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. О рассмотрении жалоб трудящихся и принятии по ним необходимых мер: постанов. Президиума Центрального исполнительного комитета от 13 апреля 1933 г. [Электронный ресурс]. URL : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/352674-postanovlenie-prezidiuma-tsen-tralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-o-rassmotrenii-zhalob-trudyaschihsya-i-pri-nyatii-po-nim-neobhodimyh-mer-13-aprelya-1933-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 25.02.2026).

10. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://services.government.ru/overviews/57543/> (дата обращения: 23.02.2026).

11. Рылова М. В., Круглова Н. В. Развитие института обращения граждан в истории России // Международный научный журнал «Вестник науки». 2019. № 10. С. 55 – 58.

Сведения об авторах

Сухов Андрей Александрович, бакалавр, Уральский институт управления – филиал «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Екатеринбург, Россия, suh0v_andrey@mail.ru

Жукова Инга Валерьевна, научный руководитель, канд. ист. наук, доцент, Уральский институт управления – филиал «Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Екатеринбург, Россия, zhukova-inv@ranepa.ru

УДК 347.1:004

Щенка И. В., Швец А. В.

ОТ ОФЛАЙНА К ОНЛАЙНУ: АДАПТАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию проблем тотальной цифровизации общества и ее последствий для гражданских свобод и частных интересов. Отмечается неспособность существующих правовых систем эффективно реагировать на глобализацию, анонимность и стремительную циркуляцию информации, в связи с чем обосновывается необходимость совершенствования законодательства для защиты прав в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, право, законодательство, гражданские свободы, частные интересы, конфиденциальность

Нынешняя эпоха характеризуется повсеместной цифровизацией, стремительно переносящей значительную часть нашей жизни из физического пространства в виртуальное. Этот переход, затронувший личные, экономические, политические и управленческие отношения, открывает невиданные ранее возможности, но одновременно ставит перед обществом новые, беспрецедентные вызовы. Особенно актуальна проблема защиты гражданских свобод и частных интересов, поскольку интернет, некогда воспринимаемый как зона неограниченной свободы, становится угрозой приватности и свободе слова. Существующее правовое регулирование, ориентированное на физический мир, оказывается неадекватным в условиях глобальности, анонимности и высокой скорости распространения информации в цифровой среде.

Реформирование правовой базы является основополагающим элементом обеспечения прав граждан в период перехода от физического к цифровому взаимодействию. Данный процесс ориентирован на урегулирование коллизий, возникающих вследствие применения современных технологий, стимулирование динамичного развития цифровой сферы и снижение потенциальных угроз. На начальной стадии

правовая трансформация осуществляется посредством адаптивных мер, а не посредством директивного регулирования, что способствует естественному развитию правовой системы.

Для достижения результативности адаптационного процесса необходима синергия следующих компонентов: эвристического (основанного на анализе цифровых процессов для выявления оптимальных решений), коммуникационного (предполагающего диалог с субъектами правоотношений для достижения консенсуса), аксиологического (обеспечивающего соответствие вызовов цифровизации базовым правовым ценностям) и эмпирического (направленного на формирование новой юриспруденции для разработки действенных регуляторных моделей).

Наиболее продуктивным представляется подход, интегрирующий все перечисленные компоненты в единую систему, консолидирующую регуляторные решения и основополагающие правовые идеи и принципы.

В юриспруденции наблюдается отсутствие стратегически ориентированного, адаптивного подхода к развитию цифрового права, который фокусируется на решении отдельных регуляторных задач, связанных с технологиями, такими как искусственный интеллект (ИИ). Исследования в области ИИ концентрируются на его надежности, интеграции в правоприменение и трансграничном влиянии на деликтное и контрактное право, что приводит к фрагментации правового поля [Nacker, Krestel, Grundmann, 2020].

В российском праве ст. 141.1 ГК РФ определяет цифровые права через их связь с информационной системой, ограничивая их применение объектами, приближенными к имущественным правам, что ставит под сомнение их отнесение к сфере авторского права [ГК РФ, 1994] и исключает регулирование использования за пределами цифровой среды, например, результатов анализа больших данных или моделей машинного обучения.

Англосаксонская правовая система, напротив, рассматривает правовую защиту цифровых объектов как часть имущественных прав, признавая цифровые технологии и их продукты объектами гражданского права [Rahmatian, 2013].

В связи с этим, представляется целесообразной разработка отдельного правового режима для интеллектуальной собственности на цифровые активы, учитывающего имущественные и неимущественные аспекты, а также специфику цифровых объектов. Такой режим позволит эффективно регулировать отношения, возникающие при использовании передовых цифровых технологий, включая произведения, созданные

автоматизированными системами, и саморазвивающиеся программные коды.

Одним из ключевых вызовов становится наделение цифровых технологий статусом субъекта права, что уже выходит за рамки академических дискуссий. Показательным примером стал проект Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, разработанный А. В. Незнамовым и В. Б. Наумовым. В этом документе прямо закрепляется идея о возможности роботов выступать в гражданском обороте как самостоятельных лиц, в том числе в качестве агентов при заключении сделок (ст. 29) [Незнамов, Наумов, 2018].

Автоматизация юридических решений затруднена высокой степенью субъективности, интуиции и контекстуального анализа, присущих юридической практике. ИИ и машинное обучение служат вспомогательными инструментами для анализа юридических документов, но не могут реализовать «оценку впечатления» или понимание намерений сторон [Catterwell, 2020]. Рекомендуется разделение полномочий: ИИ обрабатывает данные, человек принимает окончательное решение.

Сфера Интернета вещей (IoT) порождает юридические вопросы, связанные с уязвимостью персональных данных и трансграничным обменом информацией. Российское законодательство, включая проекты регулирования IoT, и GDPR не в полной мере учитывают специфику IoT-устройств, что ведет к рискам чрезмерной ответственности производителей или угрозам кибербезопасности [Chen, Edwards, Urquhart, McAuley, 2019]. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [ФЗ № 149, 2006] косвенно, но регулирует аспекты IoT, применяя общие требования к обработке и защите информации.

Аналогичные проблемы возникают при использовании облачных технологий: даже GDPR сложно применим к обработке персональных данных из-за идентификации контролеров и провайдеров, а также возможного сокрытия сбора данных программами.

Обмен облачными данными, особенно в криминалистических целях и при иностранной юрисдикции, чрезвычайно проблематичен. Существующие международные договоры о правовой помощи не всегда эффективны, как показывают дела Microsoft Ireland и Yahoo! Belgium [Wachter, Mittelstadt, Russell, 2020].

Так, в деле Microsoft Ireland (США против Microsoft) американское правительство пыталось получить доступ к электронной почте пользователя, хранившейся на сервере Microsoft в Ирландии. Несмотря на ордер суда Нью-Йорка, Microsoft отказалась предоставить данные, ссылаясь на то, что они находятся за пределами США и американский

ордер не имеет юрисдикционной силы. Хотя суд первой инстанции признал компанию виновной в неуважении к суду, в 2016 году Апелляционный суд второго округа США поддержал Microsoft. Дело было урегулировано после принятия Закона о CLOUD, упростившего получение данных, хранящихся за рубежом [Дело «Microsoft в Ирландии» (доклад Amicus)].

В свою очередь, дело Yahoo! Belgium связано с попыткой бельгийских властей получить данные клиентов Yahoo! для расследования мошенничества. Бельгийский прокурор, ссылаясь на статью 46bis Бельгийского уголовно-процессуального кодекса (ВССР), затребовал идентификационную информацию. Однако Yahoo!, будучи американской компанией, отказалась выполнить запрос напрямую, потребовав соблюдения американского Закона о защите электронных коммуникаций (ЕСРА) и обращения через американские юрисдикции. Первоначально бельгийский суд первой инстанции оштрафовал Yahoo!, а в 2010 году Апелляционный суд Гента подтвердил это решение [Yahoo! не признаёт бельгийский суд].

Эти примеры показывают, что существующие международные договоры о взаимной правовой помощи зачастую не обеспечивают эффективного доступа к данным, хранящимся в облачных сервисах под иностранной юрисдикцией. Следовательно, разработка новых двусторонних и многосторонних договорных механизмов регулирования трансграничного обмена информацией является актуальной задачей.

Интеграция правовой системы в цифровую эпоху требует комплексной превентивной стратегии. Ключевым элементом является адаптивная нормативная база для цифровых активов, включая особый правовой режим контента, созданного или модифицированного ИИ, с учетом динамичности и воспроизводимости данных. Критически важно установление ясных границ юридической ответственности.

В контексте цифровизации права, ИИ выступает инструментом автоматизации юридической деятельности (анализ, поиск прецедентов), но не субъектом правоотношений. Это обуславливает необходимость разработки этических норм и четкого разграничения ответственности разработчиков, операторов и пользователей ИИ-систем.

Укрепление международного сотрудничества и гармонизация национальных стандартов необходимы для эффективного управления глобальным цифровым пространством. Существующие международные правовые нормы требуют адаптации к трансграничным потокам цифровой информации и развитию технологий. Создание унифицированных международных правил, регулирующих конфиденциальность данных и управление системами ИИ, а также платформ для безопасного обмена

информацией между правоохранительными органами, будет способствовать борьбе с киберпреступностью и защите прав человека.

Примером такого стремления к гармонизации является принятый Европейским союзом в 2023 году законодательный акт о регулировании искусственного интеллекта (Artificial Intelligence Act), устанавливающий единые правила использования ИИ в рамках единого рынка [Закон об искусственном интеллекте, 2023].

В заключение, законодательное регулирование должно учитывать специфику развивающихся технологий, таких как Интернет вещей (IoT) и облачные вычисления. Это предполагает необходимость разработки инновационных подходов к получению осознанного согласия потребителей на сбор и обработку персональной информации. Реализация данных мер повысит прозрачность и позволит дифференцировать регулирование. Комплексное применение правовых, технологических, этических и социокультурных инструментов создаст устойчивую правовую основу для безопасной цифровой среды, минимизируя риски нарушения прав человека.

Эпоха информации требует проактивного подхода права, поскольку цифровое пространство трансформирует правовые отношения, делая устаревшими модели, ориентированные на физическое взаимодействие.

Для интеграции правовых норм и защиты прав личности необходимо комплексное совершенствование цифровых прав, требующее синергии исследований, обмена информацией, нравственных постулатов и практики. Скоординированное взаимодействие обеспечит эффективность законодательства в сфере цифровых технологий.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 25 нояб. 2025 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. // Рос. газ. 1994. 8 дек.
2. Закон об искусственном интеллекте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/artificial-intelligence-act/> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Дело «Microsoft в Ирландии» (доклад Amicus) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/court-cases/microsoft-ireland-case-amicus-brief-update> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ:

принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 19 июля 2006 г. // Рос. газ. 2006. 29 июля.

6. Catterwell R. Automation in Contract Interpretation // Law, Innovation and Technology Journal. 2020. In English.

7. Chen J., Edwards L., Urquhart L., McAuley D. Who Is Responsible for Data Processing in Smart Homes? Reconsidering Joint Controllorship and the Household Exemption // Edinburgh School of Law Research Paper. 2019. In English.

8. Hacker P., Krestel R., Grundmann S. and others. Explainable AI under contract and tort law: legal incentives and technical challenges. Artif Intell Law. 2020.

9. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: the Old ‘Skill and Labour’ Doctrine Under Pressure // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2013. № 44 (1). P. 4-34. In English.

10. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Why Fairness Cannot Be Automated: Bridging the Gap Between EU Non-Discrimination Law and AI. 2020. In English.

12. Yahoo! не признаёт бельгийский суд [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/8572/> (дата обращения: 15.03.2026).

Сведения об авторах

Щепка Ирина Викторовна, студент, Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России), Россия, irinashchepka@mail.ru

Швец Андрей Витальевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России), Донецк, Россия, shvets.dmp@mail.ru

РАЗДЕЛ 4. ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА, МЕДИЦИНА И ЗДОРОВЬЕ

УДК 159.9:303.62

Афанасьев Е. В.

ЖЕРТВОВАТЬ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬЮ РАДИ ДОСТОВЕРНОСТИ? КОГНИТИВНЫЙ АУТСОРС ОТВЕТОВ НА ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ И НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНКЕТ

Аннотация. В данной работе исследуется проблема когнитивного аутсорса – делегирования респондентами процесса создания ответов на открытые вопросы анкет искусственному интеллекту. Целью исследования является сравнительный анализ защищенности обязательных и необязательных вопросов. Материалом послужили 285 анкет регистрации на Форум лидеров студенческих и молодежных организаций 2025 года, содержащие три обязательных и три необязательных открытых вопроса. В ходе работы было установлено, что в необязательных вопросах частота когнитивного аутсорса формально ниже, однако это объясняется значимым ростом числа не-ответов (23,98% против 2,1% в обязательных вопросах), свидетельствующим о выборе респондентами стратегии избегания. При исключении случаев игнорирования вопросов частота использования ИИ в обеих группах практически идентична (37,1% и 36,8%), что подтверждается отсутствием статистически значимых различий. Результаты подводят к выводам о том, что внедрение необязательных вопросов не является эффективным инструментом контроля достоверности данных в условиях распространения ИИ, так как ведет к существенному снижению репрезентативности выборки без реального снижения уровня когнитивного аутсорса среди респондентов.

Ключевые слова: когнитивный аутсорс, не-ответы, необязательные вопросы, открытые вопросы, достоверность данных

Современные исследования показывают, что хотя необязательные открытые вопросы анкет могут толкать респондентов к реализации стратегии избегания ответа, они также могут снизить эффект социальной желательности за счет ослабления принуждения к ответу [Lopes et al., 2019, с. 451]. Жертвуя репрезентативностью выборки возможно повысить достоверность данных поскольку внедрение необязательных вопросов

может способствовать получению более качественных ответов на те вопросы, на которые респонденты всё же дают ответы [Cibelli, 2017].

Стоит, однако, принимать во внимания, что данные исследования были проведены до повсеместного распространения генеративных моделей и как следствие до появления феномена когнитивного аутсорса ответов – делегирования респондентами ответов на вопросы анкеты искусственному интеллекту. Было обнаружено, что 34% респондентов прибегают к помощи нейросетей [Zhang et al., 2025, с. 1197]. Современные исследования, посвящённые контролю когнитивного аутсорса идут, с одной стороны, по пути калибровки содержания вопросов, демонстрируя роль факторов восприятия задач как сложных [Skulmowski, 2024, с. 58], требующих обширного [Bernabei et al., 2023, с. 100172] или социально желательного ответа [Fernández Domingos et al., 2022, с. 8492]. При этом неизученным оставался фактор формальных характеристик вопросов, а именно их типа – открытых или закрытых.

Цель данного исследования – сравнить защищённость обязательных и необязательных вопросов анкет от когнитивного аутсорса ответов.

Можно предположить, что частота когнитивного аутсорса будет ниже в необязательных вопросах, поскольку в них респонденты имеют возможность вместо генерации прибегнуть к стратегии избегания. Те же, кто всё-таки хочет дать содержательный ответ на вопрос будут в меньшей степени заинтересованы в делегировании ответов ИИ [Cibelli, 2017]. Отсюда следует гипотеза исследования – частота когнитивного аутсорса ниже в необязательных вопросах.

Аналізу были подвергнуты анкеты регистрации на Форум лидеров студенческих и молодежных организаций 2025 года. Были подвергнуты анализу ответы на три обязательных вопроса «Какие темы для обсуждения на форуме Вам были бы интересны?», «Какой у Вас опыт работы в студенческих, молодежных организациях?», «Опишите опыт или успешную практику Вашей молодежной организации, которой Вы готовы поделиться с участниками форума» и три необязательных вопроса «Предложите мероприятие для проведения в рамках Форума», «Участвовали ли Вы в крупных форумах и иных мероприятиях для молодежных лидеров ранее?», «По каким критериям, показателям Вы бы предложили оценивать многолетнюю деятельность крупной студенческой организации?».

С целью изучения когнитивного аутсорса в системе снижающего достоверность поведения [Афанасьев, 2026, с. 175] было подсчитано число не-ответов и случаев использования ИИ для обоих типов вопросов по каждому испытуемому. В качестве средства обнаружения

сгенерированного ИИ контента использовалось программное обеспечение aidetectorwriter.com.

Выборку составили 285 респондентов – активистов и руководителей студенческих молодёжных организаций Российской Федерации, подавших заявки на Форум лидеров 2025, возрастом от 17 до 49 лет Средний возраст – 21,66, стандартное отклонение – 5,024, медиана – 20). Из них 107 – мужчины и 178 – женщины.

Средний процент не-ответов в обязательных вопросах – 2,1%, в необязательных – 23,98%. Было подтверждено статистически значимое увеличение количества не-ответов в необязательных вопросах по сравнению с обязательными: критерий Стьюдента для парных выборок с 284 степенями свободы равен -10,666, значимость $p < 0,001$. При этом размер эффекта умеренный ($d = -0,632$).

Процент когнитивного аутсорса обязательных вопросов – 36,3%, необязательных – 28%. Было подтверждено статистически значимое снижение частоты когнитивного аутсорса в необязательных вопросах по сравнению с обязательными: критерий Стьюдента для парных выборок с 284 степенями свободы равен 2,149, значимость $p = 0,032$. При этом размер эффекта малый ($d = 0,127$).

С целью анализа соотношения «человеческих» и «сгенерированных» ответов из анализа были исключены анкеты, содержавшие не-ответы. Выборку составили 168 респондентов возрастом от 17 до 49 лет. Средний возраст – 22,012, стандартное отклонение – 5,724, медиана – 20. Из них 62 – мужчины и 106 – женщины.

Как результат в тех случаях, когда респонденты все же давали ответ частота когнитивного аутсорса практически не отличалась (37,1% в случае обязательных и 36,8 – в необязательных). Было статистически обосновано отсутствие значимых различий: критерий Стьюдента для парных выборок с 167 степенями свободы равен 0,945, значимость $p = 0,346$. При этом размер эффекта ничтожный ($d = 0,127$).

Данное исследование было направлено на сравнение защищённости обязательных и необязательных вопросов от когнитивного аутсорса ответов. Относительно общего количества наблюдений было не только зафиксировано значимое снижение случаев использования искусственного интеллекта в необязательных вопросах по сравнению с обязательными, но и значимого увеличения числа не-ответов. Это позволяет выдвигать гипотезы о динамике форм снижающего достоверность поведения. То есть часть респондентов вместо делегирования ответов ИИ в необязательных вопросах прибегала к стратегии избегания ответа, что и может объяснять снижение частоты когнитивного аутсорса в этом типе вопросов.

Также при исключении анкет, содержащих не-ответы, различия частоты когнитивного аутсорса не наблюдались (37,1% в случае обязательных вопросов и 36,8 – в необязательных). Финальные показатели распространённости использования искусственного интеллекта респондентами при заполнении анкет согласуются с данными других исследований [Zhang et al., 2025, с. 1197]. Критерий Стьюдента, очевидно, не обнаруживает значимых различий, что ставит под сомнения эффективность стратегии внедрения необязательных вопросов как средства повышения защищённости анкет от фактора когнитивного аутсорса. Следует признать ограничения данного исследования, связанные с отсутствием контроля фактора, содержания вопросов, что создает перспективы

Таким образом, значимое увеличение частоты не-ответов в необязательных вопросах показывает существенное снижение репрезентативности данных. Однако при этом значимого снижения частоты когнитивного аутсорса, среди тех респондентов, которые всё же дали ответ на необязательные вопросы не происходит, что может говорить о неэффективности внедрения необязательных вопросов в анкеты как стратегии контроля фактора делегирования ответов ИИ.

Список источников

1. Афанасьев Е. В. Афанасьев Е. В. Динамика использования искусственного интеллекта при написании ответов в повторяющихся // Современные тенденции развития социальных наук: сборник тезисов. М.: КДУ, 2026. С. 175-177. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-231-4-2026-359.
2. Bernabei M. et al. Students' use of large language models in engineering education: A case study on technology acceptance, perceptions, efficacy, and detection chances //Computers and Education: Artificial Intelligence. 2023. Т. 5. С. 100–172.
3. Cibelli K. The effects of respondent commitment and feedback on response quality in online surveys : диссертация ... доктора философии (PhD) по специальности «Методология опросов» / K. Cibelli ; University of Michigan. 2017.
4. Fernández Domingos E. et al. Delegation to artificial agents fosters prosocial behaviors in the collective risk dilemma // Scientific Reports. 2022. Vol. 12, № 1. P. 8492. DOI: 10.1038/s41598-022-11518-9.
5. Lopes E. L. et al. Test and validation of data collection strategies used in applied social sciences: a marketing study // BASE-Revista de Administração e Contabilidade da Unisinos. 2019. Т. 16. №. 3. С. 432–463.

6. Skulmowski A. Placebo or assistant? Generative AI between externalization and anthropomorphization // Educational Psychology Review. 2024. Т. 36. №. 2. С. 58.

7. Zhang S., Xu J., Alvero A. J. Generative ai meets open-ended survey responses: Research participant use of ai and homogenization // Sociological Methods & Research. 2025. 10.1177/00491241251327130.

Сведения об авторах

Афанасьев Евгений Владимирович, студент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет психологии, Москва, Россия, afanasiev.evg.vl@yandex.ru

Зиборова Анастасия Владимировна, научный руководитель, учебный мастер, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет психологии, кафедра общей психологии, Москва, Россия, ziberova.anastasia@gmail.com

УДК 316.6

Батяева А.С., Бобченко Т.Г.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩИХСЯ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ

Аннотация. В данной статье автор обосновывает актуальность изучения ценностных ориентаций современных подростков. Определены основные понятия исследования «подростковый возраст», «ценностные ориентации», «социальная адаптированность». Выделены основные критерии социальной адаптированности подростков. Представлены результаты эмпирического исследования автором социальной адаптированности подростков и их ценностных ориентаций. Выделены общие черты и различия ценностных ориентаций у учащихся с высоким, средним и низким уровнем социальной адаптированности

Ключевые слова: подростковый возраст, ценностные ориентации, социальная адаптация, социальная адаптированность

В условиях постоянных изменений в современном мире происходят сдвиги в системе ценностных ориентаций общества, что приводит к трансформациям в иерархии ценностей личности. Ценностные

ориентации личности определяют, как она воспринимает реальность, и являются регуляторами поведения. Ценностные ориентации молодых людей выступают социально-психологическим фактором их адаптированности в обществе. Поэтому актуально изучение в современных реалиях путей формирования ценностных ориентаций молодежи, предупреждающих социальную дезадаптацию.

Подростковый возраст, по определению Д.И. Фельдштейна, – это период, который характеризуется интенсивным процессом перехода от детского состояния ко взрослости и сменой прежних интересов на фоне возрастающей самостоятельности и расширения взаимоотношений с окружающими людьми. С одной стороны, для этого этапа развития личности типичны редукция ранее сформированной системы интересов, проявления негативизма и протестное поведение по отношению к представителям старшего поколения. С другой стороны, значительно расширяется и существенно изменяется сфера деятельности подростка, развивается ответственное отношение к себе, к другим людям [Фельдштейн, 1988, с. 33].

Подростковый возраст характеризуется становлением системы ценностных ориентаций. Ценностные ориентации – это индивидуальное отношение человека к материальным и духовным ценностям, формируемое его уникальной системой внутренних установок, убеждений и предпочтений, опосредованное личностными смыслами и проявляющееся в его поведении. Они являются ключевым компонентом личности, обеспечивающим успешную адаптацию человека в новой социальной среде [Яницкий, 2013, с. 178].

Понятие «адаптация» чаще всего относится к процессу приспособления человека к окружающему миру. «Социальная адаптация» представляет собой интеграцию личности в социум через активное участие в его функционировании. Конечный результат этого процесса – «социальная адаптированность» – характеризует уровень вовлеченности индивида в социальную среду, его фактическую приспособленность, занимаемое им социальное положение, а также его самооценку и общее удовлетворение жизнью.

На формирование социальной адаптированности влияют как внутренние черты личности (такие как темперамент, эмоциональный фон, когнитивные способности и одаренность), так и внешние факторы [Вертягина, 2011, с. 9].

Критериями социальной адаптированности личности А.А. Налчаджян считает такие взаимоотношения личности с группой, при которых:

– отсутствуют устойчивые внешние конфронтации и это способствует оптимальному функционированию индивида в его основной деятельности;

– индивид удовлетворяет свои социальные потребности, адаптируясь к нормативным моделям поведения, принятым в его социальной группе;

– личность характеризуется сформированной самоидентичностью и неограниченным раскрытием своего творческого потенциала.

Следовательно, при условии благоприятной внешней социальной среды, процесс адаптации выступает фактором достижения индивидом состояния адаптированности. Деадаптированность же характеризуется наличием комплекса внутренних психических механизмов и поведенческих паттернов, которые не только усугубляют первичную проблемную ситуацию, но и интенсифицируют сопутствующие ей трудности и негативные аффективные проявления [Налчаджян, 2010, с. 26].

В исследовании В. М. Голянич установлена прямая корреляция между уровнем социальной адаптированности подростков и их ценностными ориентациями. Так, подростки, демонстрирующие высокую степень адаптации, склонны уделять приоритетное внимание заботе о своих близких и стремятся к активному участию в жизни группы, выступая в роли ее надежных членов. Напротив, снижение социальной адаптированности приводит к переориентации ценностей: значимость коллективных интересов ослабевает, а эгоцентрические потребности приобретают доминирующее положение [Голянич, 2024, с. 14].

Э.С. Петриченко выявила значимые различия в системе ценностей между социально адаптированными и деадаптированными подростками. Адаптированные подростки отдавали предпочтение таким ценностям как здоровье, семейное счастье, любовь и дружба. В то же время, деадаптированные подростки ставили во главу угла материальное благополучие, развлечения, власть и карьеру. Они демонстрировали выраженную ориентацию на образование, саморазвитие и духовное просвещение. У деадаптированных подростков круг приоритетных ценностей был значительно уже и исключал такие важные аспекты, как образование, саморазвитие, духовное просвещение и нравственность, что указывает на отсутствие у них ценностного отношения к обучению [Петриченко, 2014].

Цель нашего исследования состояла в установлении различий ценностных ориентаций учащихся подросткового возраста с разными уровнями социальной адаптированности. Его предметом были ценностные ориентации подростков как фактор их социальной адаптированности.

Гипотеза была следующей: существуют различия ценностных ориентаций учащихся с низким, средним и высоким уровнем социальной адаптированности.

В работе нами использованы методы: 1) сбора эмпирических данных: тестирование («Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса-Р. Даймонд, «Иерархия жизненных ценностей» Г.В. Резапкиной); 2) методы обработки данных: количественный и качественный анализ.

Исследование проводилось на базе МБОУ г. Владимира «СОШ № 40» среди учащихся 8 класса в возрасте 14–15 лет. Всего в исследовании приняли участие 27 человек (17 мальчиков и 10 девочек).

В результате проведенной диагностики по методике «Опросник социально-психологической адаптации» было установлено, что в исследуемой группе 48% учащихся с высоким уровнем адаптированности, 48% учащихся со средним уровнем адаптированности, 4% учащихся с низким уровнем адаптированности.

Распределение ценностных ориентаций исследуемых подростков, выявленных с помощью методики «Иерархия жизненных ценностей» Г.В. Резапкиной, получилось следующее (Таблица 1). Для 59% учащихся самой значимой ценностной ориентацией оказалась «семья»; 63% учащихся к умеренно значимым ценностным ориентациям отнесли «материальную обеспеченность»; 56% учащихся – «здоровье» и 52% учащихся – «отдых». К низкозначимым ценностям 41% учащихся в исследуемой группе отнесли «творчество» и «славу».

Таблица 1 – Распределение учащихся по уровню принятия ценностных ориентаций

Уровень принятия ценности	Распределение учащихся по уровню принятия ценности, в %							
	Здоровье	Материальная обеспеченность	Творчество	Семья	Карьера	Служение	Слава	Отдых
Значимая	4	0	30	59	26	7	15	30
Умеренно значимая	56	63	26	37	48	59	26	52

Окончание таблицы 1.

Низкая значимость ценности	30	26	41	4	4	22	41	15
Отвергаемая ценность	11	11	4	0	22	11	19	4

Профили ценностных ориентаций учащихся подросткового возраста с разной степенью адаптированности представлены на рисунке 1.

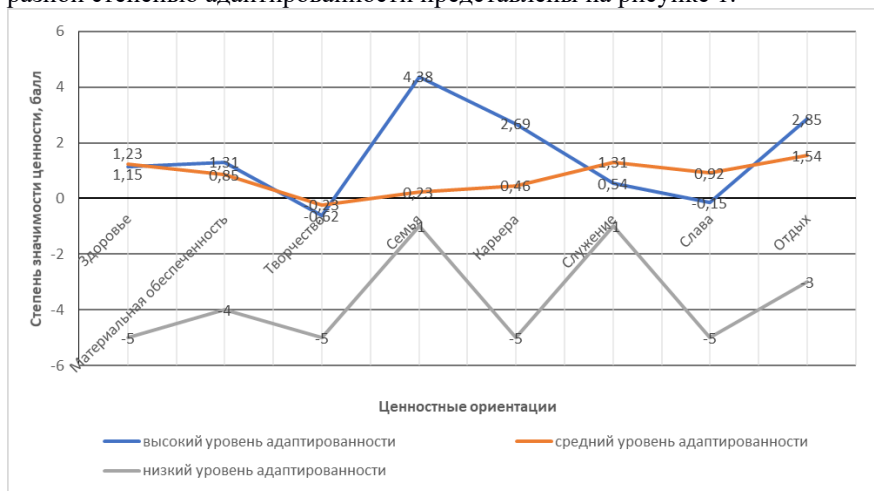

Рисунок 1 – Профили ценностных ориентаций учащихся с высоким, средним и низким уровнем адаптированности

Анализ трех профилей учащихся, различающихся по степени адаптированности, выявил единую закономерность: ориентация на творчество относится к категории низко приоритетных ценностей.

Проведенное исследование показало, что в профиле у подростков с высокой адаптированностью, а также в профиле у учащихся с низкой степенью адаптированности наибольшую значимость имеет такая ценностная ориентация как «семья». У испытуемых со средним уровнем адаптированности наибольшую значимость имеет ценность «отдых». Этим данный профиль отличается от двух других.

Другой отличительной чертой является, то, что в профиле у подростков с высокой степенью адаптированности и в профиле у подростков со средней степенью адаптированности «слава» имеет низкую

значимость, тогда как в профиле у учащихся с низкой степенью адаптированности она является отвергаемой.

Таким образом, в ходе нашего исследования была подтверждена гипотеза о том, что для учащихся с низким, средним и высоким уровнем социальной адаптированности существуют различия в системе их ценностных ориентаций.

Для подростков с высоким уровнем адаптированности значимую роль играет «семья» как главная жизненная ценность. Второе и третье место по значимости для данной категории учащихся занимают «отдых» и «карьера» соответственно.

Для испытуемых со средним уровнем адаптированности значимыми выступают такие ценности как «семья», «отдых», «служение» и «здоровье».

Для учащихся с низкой степенью адаптированности не было найдено ни одной ценности, которая была бы для них сколько-нибудь значима. Некоторые ценности: «семья», «служение», «отдых» имели низкую значимость, а все остальные ценности: «здоровье», «карьера», «материальная обеспеченность», «творчество», «слава», стали отвергаемыми.

В заключении отметим, что в подростковом возрасте складывается система ценностей, которая становится основой направленности личности. Поэтому проведение педагогическим составом школы, совместно с родителями, комплексной работы по формированию системы просоциальных ценностных ориентаций у учащихся подросткового возраста является необходимым для повышения их социальной адаптированности. Также основные усилия специалистов и родителей должны быть направлены на работу с дезадаптированными подростками для урегулирования их внутренних противоречий, связанных с системой ценностей и гармонизации индивидуальных мировоззренческих установок.

Список источников

1. Варягина Е. А К определению понятий «адаптация», «адаптивность», «адаптированность». Саратов: «Научная книга», 2011. 320 с.

2. Голянич В.М. Аксиологические критерии успешности социально-психологической адаптации школьников младшего подросткового возраста [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2024. Том 12. № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67915160> (дата обращения: 25.11.2025).

3. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.

4. Петриченко Э.С. Ценностные ориентации подростков как показатель социальной адаптации или дезадаптации [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8. URL: <https://human.snauka.ru/2014/08/7497> (дата обращения: 28.11.2025)

5. Фельдштейн Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 6. URL: <https://www.voppsy.ru/issues/1988/886/886031.htm> (дата обращения: 15.10.2025)

6. Яницкий М.С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии [Электронный ресурс] // Философия образования. 2013. № 1(46). URL: https://www.sibran.ru/journals/issue.php?ID=148330&ARTICLE_ID=148364 (дата обращения: 20.10.2025).

Сведения об авторах

Батяева Анна Сергеевна, магистрант, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, midf@yandex.ru

Бобченко Татьяна Григорьевна, канд. психол. наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, ta-bobchenko@mail.ru

УДК 340.114.5

Беськаева В. А., Захарова Е. А., Гагарин А. Н.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СРЕДСТВАМИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена правовому нигилизму в молодежной среде. Анализируются его причины: пробелы в образовании, влияние социальной среды, примера старших и деструктивного медиаконтента. Отмечается, что неуважение к закону угрожает правовому государству в России. Рассматриваются нормативные акты («Основы госполитики...», закон «Об образовании в РФ»). Авторы доказывают неэффективность лекций и предлагают интерактивные форматы с возрастной дифференциацией: от игры до практических задач.

Ключевые слова: правовой нигилизм, молодежь, правовое воспитание, правосознание, образование, закон

Правовой нигилизм представляет собой сложное социальное явление, которое характеризуется отрицанием ценности права [Арестова, 2024, с. 349]. В молодежной среде проблема приобретает особую остроту, поскольку именно молодые люди станут основными субъектами общественных отношений. Если у подрастающего поколения не сложится уважение к закону, построение правового государства окажется под угрозой.

Молодежный правовой нигилизм проявляется не только в незнании конкретных правовых норм, но и в более глубоких формах: эмоциональном неприятии институтов власти, убежденности в несправедливости судебной системы, готовности решать проблемы неправовыми способами. Как показывают результаты исследования, проведенного среди российских школьников и студентов техникумов, лишь 9,32% опрошенных доверяют Правительству РФ, а парламенту – всего 3,39% респондентов [Зайнагабдинов, 2025, с. 41].

Генезис нередко обусловлен воздействием повседневной социальной реальности: наблюдениями за поведением старших поколений, влиянием медиасреды [Арестова, 2024, с. 349]. Именно институты образования становятся ключевыми площадками для формирования правовой культуры.

Опасность правового нигилизма прямо зафиксирована в «Основах государственной политики...» (2011), где это явление названо препятствием для модернизации общества, а работа с подрастающим поколением объявлена общенациональной задачей [2]. Федеральный закон «Об образовании в РФ» в свою очередь предписывает воспитывать в обучающихся уважение к правам и свободам человека и формировать у них правовую культуру [3].

Однако если посмотреть на реальную ситуацию, виден явный разрыв между тем, что закреплено в документах, и тем, что получается на практике. Судя по данным опроса 2022 года среди 405 студентов Тюмени, уровень правовых знаний у них выше среднероссийских показателей. Но при этом почти половина молодых людей допускает нарушение закона в некоторых ситуациях, а по-настоящему высокий уровень юридической грамотности показала только четверть опрошенных. Как отмечает Вассалатий Ж. В., это прямо говорит о расхождении между формальным правовым обучением и настоящим правосознанием молодежи.

Проводимые мероприятия по повышению правовой культуры часто сводятся к пассивным лекциям, которые дают слабый результат. Гораздо

больше пользы приносят интерактивные методы. Среди них особенно эффективен подход «равный обучает равного», когда старшекурсники объясняют первокурсникам права и обязанности простым, понятным языком [Ярмонова, 2023, с. 205].

Работа требует консолидации ресурсов: педагогов, психологов, сотрудников правоохранительных органов. Для младших школьников правовое воспитание начинается с уважения к одноклассникам, правил поведения в общественных местах [Федотовская, 2023, с. 445]. В средней школе важно объяснять логику права. Старшеклассникам и студентам нужно правовое образование, приближенное к реальности (трудоустройство, договоры, ответственность в интернете).

Правовое воспитание молодежи невозможно без работы с родителями [Федотовская, 2023, с. 450]. Отдельная тема – подготовка педагогов к ведению правового просвещения. Правовое воспитание не может быть реализовано в формате разовых мероприятий. Как показало анкетирование обучающихся 8–11-х классов образовательных организаций Свердловской области, основная выявленная проблема в изучении правовых дисциплин – осознание самими обучающимися нехватки правовых знаний при том, что правовое воспитание в России в настоящее время не имеет единого подхода, а изучение права зачастую ограничивается отдельными темами, что ставит обучающихся в неравное положение и не способствует профилактике преступности проекты [Куницина, 2018, с. 20].

Принципиальное условие – признание субъектной позиции подростка через участие в школьном самоуправлении, социальные проекты [Ярмонова, 2023, с. 207]. Преодоление правового нигилизма – долгая работа, требующая отказа от формализма. Только через диалог и решение реальных задач можно вырастить поколение, для которого уважение к закону станет естественной частью жизни.

Список источников

1. Арестова Е.Н., Борбат А. В., Жариков Ю. С. Правовое воспитание и правовая культура как средства предупреждения преступности в молодежной среде // Всероссийский криминологический журнал. 2024. №4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vozpitanie-i-pravovaya-kultura-kak-sredstva-preduprezhdeniya-prestupnosti-v-molodezhnoy-srede>

2. Вассалатий Ж. В., Верхотурова С. В., Лосев С. Г. Правовое сознание студенческой молодежи (на примере Тюмени) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 133–141

3. Зайнагабдинов А.Р. Правовой нигилизм современной молодежи: научный доклад об основных результатах научно-квалификационной работы. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 41 с.

4. Куницына Светлана Михайловна Правовое воспитание в школе: теоретический аспект // The Newman in Foreign policy. 2018. №43 (87). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vospitanie-v-shkole-teoreti-cheskiy-aspekt>

5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

6. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2011 года № Пр-1168. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

7. Федотовская В. В. Правовой нигилизм среди молодежи, его влияние на общество и возможные пути преодоления // Вестник науки. 2023. №11 (68). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-sredi-molodezhi-ego-vliyanie-na-obschestvo-i-vozmozhnye-puti-preodoleniya>

8. Ярмонова Е. Н. Пути преодоления правового нигилизма в молодежной среде // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10–3 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-preodoleniya-pravogo-nigilizma-v-molodezhnoy-srede>

Сведения об авторах

Беськаева Валерия Александровна, студент, Мордовский государственный педагогический университет, Саранск, Россия, beskaevavaleria@gmail.com

Захарова Екатерина Александровна, студент, Мордовский государственный педагогический университет, Саранск, Россия, ekaterinazaharova068@gmail.com

Гагарин Алексей Николаевич, преподаватель, Мордовский государственный педагогический университет, Саранск, Россия, alexey.gagarin1999@yandex.ru

Гармидер Э.И., Романов А.Д., Стукалова А.С.

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ЛИЧНОСТИ В ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Аннотация. Статья посвящена анализу роли профессионально значимой личности в процессе воспитания студентов медицинского вуза в условиях современного общества. Рассматриваются особенности формирования ценностных ориентаций молодежи под влиянием цифровой среды и социально-психологических факторов. Авторы подчеркивают значимость воспитательного компонента в образовательном процессе, направленного на развитие духовно-нравственных качеств, профессиональной мотивации и социальной ответственности будущих врачей. Особое внимание уделяется методу воспитания на примере, основанному на подражании значимым личностям - как историческим фигурам медицины, так и современным практикующим врачам. Приводятся результаты анкетирования студентов, демонстрирующие влияние семьи, клинической практики и профессиональных образцов на формирование интереса к медицинской деятельности. Делается вывод о том, что личный пример врача, обладающего высоким уровнем профессионализма и гуманистическими ценностями, является эффективным инструментом формирования мотивации и профессионального самоопределения студентов медицинских специальностей.

Ключевые слова: воспитание студентов, медицинское образование, профессиональная личность, мотивация обучения, духовно-нравственные ценности, пример в педагогике, профессиональное самоопределение

Молодежная политика в современной России направлена на создание условий полноценной интеграции молодого поколения в социально-экономические и духовно-патриотические отношения в качестве граждан нашей страны. Основная идея и фундаментальные управленческие решения изложены в Стратегии реализации молодежной политики [Распоряжение Правительства Российской Федерации..., 2024, с. 3], большое внимание уделяется вопросам духовно-нравственного воспитания и патриотизму. На каждом этапе своего взросления молодой человек решает различные социальные и личностные задачи, но сознательность и ответственность перед обществом, высокая гражданская

позиция формируется при получении среднего специального или высшего образования, во время становления профессиональных компетенций. В этот сензитивный период развития особенно важным является соотношение и взаимосвязь целей и принципов молодежной политики с индивидуальными устремлениями и личностными ориентирами юных граждан. Возраст студенчества как период становления профессиональной самореализации, социального самоутверждения быстро трансформируется под влиянием внешних факторов.

Ориентиры современного молодого человека крайне подвижны и изменчивы, зачастую приобретаются, формируются и трансформируются под влиянием мощных информационных процессов в цифровом пространстве. Экспансия и доминирование «виртуальной» культуры изменило не только когнитивные, но и личностные установки человека. В условиях современной цифровой среды преимущество отдается легкой, яркой информации, оперирование которой породило у пользователей новый клиповый тип мышления [Молодой ученый, 2023, № 20 (467), с. 218]. Психологическая напряженность, категоричность и инфантильность также провоцируют кризис нравственных ценностей и жизненных устоев молодого человека. Автор в работе [Столыпинский вестник, 2023, № 4, с. 6] указывает как внутренние, так и экзогенные факторы риска развития фрустрации, низкой мотивации к деятельности, девальвации общечеловеческих ценностей у молодежи.

Психолого-педагогические исследования отмечают, что современное молодое поколение отличается прагматичностью, активностью, быстротой переключения между различными задачами [Педагогические исследования, 2021, № 2, с. 1; Вестник Адыгейского..., 2010, № 1, с. 3]. Особая восприимчивость и способность перерабатывать огромный поток информации формирует навык многозадачности, столь необходимый в современном меняющемся мире.

Таким образом, в силу своих возрастных и социально-психологических особенностей молодежь крайне чувствительна к переменам в обществе, особенно в период социальной напряженности и преобразований. Государство, заинтересованное в большом инновационном потенциале нового поколения, при непосредственном участии образовательных учреждений должно держать в фокусе своего внимания весь период становления и воспитания молодежи.

Воспитательный процесс является органичной частью образовательного. Обучение дисциплинам дает человеку необходимые умения для преобразования мира, воспитание же закладывает основы нравственной позиции, развивает чувство ответственного отношения к получаемым знаниям.

Базовым вектором для реализации собственных устремлений и жизненных планов является получение высшего образования. Воспитание при этом способствует становлению навыков социальной адаптации, необходимых для взаимодействия с окружающими людьми как в личной, так и профессиональной сфере. В условиях быстро меняющегося мира с постоянно пополняющейся информацией стремление постигать новое, работать над своим саморазвитием невозможно без устойчивой саморегуляции. Воспитание поддерживает внутреннюю мотивацию к обучению и постоянному развитию себя, своих лучших качеств. Внутреннее желание познавать мир и вносить свой вклад в его совершенствование осуществляется благодаря привитым с детства ценностным ориентирам и осознанному желанию быть зрелой ответственной личностью.

Теоретическое осмысление методик духовно-патриотического, нравственного воспитания человека всегда имело целостный характер. Воспитание в системе образования осуществляется в самых разных сферах, в настоящей работе мы попытались акцентировать и реализовать на практике такую его форму как воспитание примером. Среди студентов Дальневосточного государственного медицинского университета (72 человека, 1 курс лечебного и педиатрического факультетов) было проведено анкетирование по изучению внутренней мотивации к обучению. По результатам опроса было выяснено, что желание помогать людям (56%) было сформировано благодаря ценностным установкам семьи и ближнего окружения. Высокий интерес к профессии респонденты отмечали за счет наблюдения реальных ситуаций во время клинической практики (74%) и историй спасения пациентов. Примеры успешной деятельности врачей также оказывают достаточно высокое влияние на развитие и сохранение мотивации к дальнейшему овладению профессией (32%).

В педагогике пример рассматривается как метод воспитания, формирующий сознание воспитуемого, ищущего опору в реально действующих, конкретных образцах, олицетворяющих усваиваемые им идеи и идеалы [ВГИПК РО, 2006, с. 22]. Пример имеет побуждающую, конкретизирующую и подкрепляющую функции для воспитуемого, является средством и методом воспитания через механизм подражания. Сознательно или бессознательно копируя стереотипы поведения, нравственные установки идеала-примера, человек присваивает общественный опыт и воспроизводит его уже в собственной деятельности.

Главный путь передачи ценностных ориентиров – непосредственно от человека к человеку, от значимой личности (родитель, педагог, кумир и

т.д.) к воспитаннику. Имея определенную систему ценностей, признанную и поддерживаемую социумом, человек становится своеобразным транслятором, положительным ориентиром для подражания. Любовь к профессии, знание своего предмета, трудолюбие и высокая порядочность всегда ценились в обществе и для студентов являются достойным образом для подражания. Особое значение приобретает духовность и высокие нравственные регуляторы в медицинской деятельности. Самоотдача в труде, чувство ответственности и человеколюбия, ощущение гуманитарного потенциала медицины являются необходимыми составляющими в воспитании будущих врачей. По результатам проведенного анкетирования отмечается, что примеры самоотверженного труда и научного таланта знакомы и ценны для опрашиваемых студентов: Н. И. Пирогов (60%), И. П. Павлов (21%), Гиппократ (24%) и другие.

Имя Николая Ивановича Пирогова, выдающегося российского хирурга, учёного и первопроходца в медицине, конечно, известно студентам. Являясь основоположником военно-полевой хирургии, он спас жизни множеству людей, успешно совершал щадящие оперативные вмешательства. Увлечено занимаясь анатомическими открытиями, Николай Иванович внес бесценный вклад в топографическую анатомию и врачебную практику.

Воспитание духовно-нравственной культуры эффективно в том случае, если человек опирается не на абстрактный идеализированный образ, а на конкретный пример. Живой и открытый интерес вызывает такой человек, который живет с тобой в одно время, сумевший самореализоваться в общем профессиональном сообществе. Приводимый образец должен соответствовать характеру деятельности воспитанника, быть приемлемым для использования в настоящем, тогда личностные и деловые качества в интеграции с активной жизненной позицией способствуют профессиональному самоопределению будущих выпускников. Респонденты анкетирования отмечали таких заслуженных врачей как Д. Н. Проценко (55%), Л. М. Рошаль (22%), Л. А. Бокерия (17%) и других.

Ярким примером для студентов Дальневосточного государственного медицинского университета служит профессиональная судьба и общественная деятельность Дениса Николаевича Проценко, главного врача ГКБ№40 в пос. Коммунарка Новомосковского административного округа Москвы, заслуженного врача анестезиолога-реаниматолога. За особые заслуги и самоотверженный медицинский труд по преодолению опасности от COVID-19, Д. Н. Проценко присвоено звание Героя труда РФ и знак отличия – золотая медаль «Героя труда Российской Федерации». В период собственной болезни коронавирусом врач консультировал онлайн, принимал участие в видеоконференциях и

проводил телемедицинские приемы. Активно участвует в научных разработках, в психологической и социальную реабилитацию ветеранов СВО и членов их семей [Герой России; Проценко Денис Николаевич].

В сложном и противоречивом современном мире молодежь оказалась наиболее чувствительной категорией социума. Укрепление духовно нравственных основ, повышение ценности творческого и профессионального труда является важной учебно-воспитательной задачей. Воспитательный потенциал высшей школы в значительной степени можно обогатить реальными примерами в лицах и событиях, историями родного города и края как мощными источниками нравственного и профессионального самоопределения человека.

Список источников

1. Боротко Н. М., Соловцова И. А., Байбаков А. М. Теория и методика воспитания: учебник для студентов педагогических вузов // ВГИПК РО. 2006. С. 98.
2. Власюк, И. В., Савченко И. А. Молодежь и студенчество в современном обществе: универсальные черты и специфические характеристики // Педагогические исследования. 2021. № 2. С. 1–13.
3. Герой России [Электронный ресурс]. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=30252 (дата обращения: 15.03.2026).
4. Проценко, Денис Николаевич [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Проценко,_Денис_Николаевич (дата обращения: 15.03.2026).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р "Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г." [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275> (дата обращения: 15.03.2026).
6. Сергеев, Р. В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 1. С. 1–7.
7. Сватова, И. А. Предпосылки возникновения и характерные особенности клипового мышления // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 218–220.
8. Цой, И. А. Психосоматика и эмоциональная нестабильность представителей молодого поколения // Столыпинский вестник. 2023. № 4. С. 1–10.

Сведения об авторах

Гармидер Элина Игоревна, студентка, Дальневосточный Государственный Медицинский Университет, Хабаровск, Россия, egarmider04@mail.ru

Романов Андрей Дмитриевич, студент, Дальневосточный Государственный Медицинский Университет, Хабаровск, Россия, andromanov22@gmail.com

Стукалова Анна Сергеевна, заведующая кафедрой физики, математики и информатики ДВГМУ, канд. физ.- мат. наук, доцент, Дальневосточный Государственный Медицинский Университет, Хабаровск, Россия, stukalovaanna@mail.ru

УДК 159.923

Гончарова М. Р., Домнина О. В.

**ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ:
ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОВЫХ МЕТОДОВ И ЗАЩИТА ОТ
МАНИПУЛЯЦИЙ (С УЧЕТОМ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ)**

Аннотация. В статье анализируется влияние искусственного интеллекта на уголовное судопроизводство в России. Рассматриваются перспективы использования нейросети при допросах: анализ показаний, формулировка вопросов, распознавание лжи. Оцениваются эффективность применения и защита от манипуляций допрашиваемого в ходе допроса. Предлагается ввести в УПК РФ понятие «информационно-технологический допрос» и закрепить правила его применения – соблюдение процессуальных прав.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), уголовное судопроизводство, информационно-технологический допрос, распознавание лжи

Проводимая в Российской Федерации судебная реформа свидетельствует о поступательном совершенствовании уголовного судопроизводства. Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также общая тенденция к цифровизации уголовного процесса предопределяют формирование новых научно-теоретических подходов к модернизации его правового регулирования. Базовым нормативно-правовым актом, регламентирующим интеграцию

данных технологий, является Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта», утвердивший соответствующую Национальную стратегию на период до 2030 года (далее – Стратегия) [1]. Основными целями реализации Стратегии выступают обеспечение опережающего развития ИИ, стимулирование профильных научных исследований, повышение доступности данных и вычислительных мощностей, а также совершенствование системы подготовки квалифицированных кадров.

С учетом динамичного внедрения интеллектуальных систем актуализируется вопрос их применения в сфере выявления, расследования и предупреждения преступлений. Представляется целесообразным использование возможностей ИИ для фиксации хода и результатов следственных действий.

Рост производительности программного обеспечения и появление инновационных ИТ-решений способствовали масштабному внедрению машинного обучения на базе нейронных сетей. Согласно положениям ст. 5 Стратегии, под искусственным интеллектом понимается совокупность технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заданного алгоритма) и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. В настоящее время внедрение технологий ИИ является необходимым условием получения государственной финансовой поддержки из федерального бюджета и осуществляется в рамках реализации национального проекта «Экономика данных».

Современной уголовно-процессуальной доктрине известны примеры успешной имплементации цифровых технологий в практику разрешения уголовно-правовых споров. В частности, в Республике Казахстан нормативно регламентировано функционирование электронного реестра уголовных дел, предусматривающее процедуру оцифровки всех материалов производства [Андреева, Зайцев, 2018, с. 59]. Схожий подход реализован в законодательстве Германии, где использование электронного досье позволяет оптимизировать процесс ознакомления защитника с материалами дела путем их направления на специализированный верифицированный адрес электронной почты [Спесивов, Титова, 2020, с. 195]. Изложенное актуализирует проблему правового регулирования «электронного правосудия», под которым следует понимать установленный законом порядок совершения процессуальных действий с применением информационных технологий, обеспечивающих дистанционное взаимодействие судов, физических и юридических лиц.

Должностные лица органов предварительного расследования испытывают объективную потребность в оперативном внедрении инновационных разработок, направленных на интенсификацию следственной деятельности и повышение качества доказательственной базы. Научно обоснованное и тактически выверенное применение современных технологий способствует обеспечению полноты реализации прав участников уголовного судопроизводства.

Согласно позиции Д. В. Бахтеева, использование систем искусственного интеллекта представляется высокоэффективным при фиксации и формировании целостной ретроспективной модели происшествия (от момента начала преступной активности до установления причастных лиц). Технологии ИИ могут применяться как инструмент выдвижения следственных версий, а также в качестве элементов систем поддержки принятия процессуальных решений [Бахтеев, 2020, с. 7].

В текущей практике протоколирование допроса осуществляется преимущественно с использованием персональных компьютеров с последующим изготовлением документа на бумажном носителе для верификации подписями участников. Данному этапу предшествует детальная подготовительная работа следователя, включающая: определение порядка вызова лица на допрос; изучение материалов уголовного дела и данных о личности допрашиваемого; установление предмета доказывания (круга подлежащих выяснению обстоятельств); разработку тактического плана и подготовку необходимых технических средств».

Использование потенциала искусственного интеллекта представляется целесообразным на различных стадиях подготовки к допросу: от ознакомления с материалами уголовного дела и изучения личности допрашиваемого до этапа непосредственного формулирования вопросов. Однако практическая имплементация данных технологий сопряжена с рядом ограничений. В частности, для обеспечения корректной аналитической обработки данных требуется полная цифровизация материалов дела, исключая наличие нераспознанных рукописных фрагментов.

Инновационные методы применения ИИ при производстве допроса демонстрируют значительный потенциал повышения эффективности следственных действий, несмотря на необходимость предварительного разрешения комплекса технических, этических и правовых задач. Ключевые направления интеграции ИИ в данный процесс включают аналитическую обработку показаний, консультативную поддержку

следователя в постановке уточняющих вопросов, автоматизацию фиксации данных и верификацию достоверности сообщаемых сведений.

В специальной литературе отмечается, что применение технологий дополненной и виртуальной реальности при производстве допросов способно существенно повысить качество получаемых показаний и результативность предварительного расследования в целом [Овчинникова, 2022, с. 92]. По мнению С. В. Власовой, в долгосрочной перспективе алгоритмические системы могут функционально заместить следователя при расследовании киберпреступлений, специфика которых предполагает работу преимущественно с информационными следами [Власова, 2018, с. 15]. Аналитические возможности ИИ по обработке совокупности доказательств позволяют устанавливать достоверность показаний посредством мониторинга акустических параметров речи и невербальных реакций допрашиваемого. Согласно имеющимся данным, точность такой верификации достигает 92 %, что превышает показатели традиционной полиграфической проверки [Рыжкова, 2018, с. 35].

Представляется обоснованным, что адаптивное использование ИИ позволит следователю оперативно корректировать тактику допроса в зависимости от позиции допрашиваемого лица, своевременно выявляя и устраняя возникающие противоречия. Таким образом, реализация информационно-технологической модели допроса на базе ИИ способствует решению следующих задач:

а) идентификация речевых признаков дезинформации (включая избыточную детализацию с целью фальсификации событий, использование неопределенных формулировок и нарушение хронологической последовательности изложения);

б) верификация содержания показаний на предмет их соответствия физическим закономерностям (критерий реальности) и принципам внутренней логики повествования (критерий последовательности)»

Обеспечение защиты допрашиваемого лица от неправомерного психологического воздействия и манипуляций при применении систем искусственного интеллекта требует реализации комплексного подхода, включающего правовые, технические и этические гарантии. Основной целью данных мер является строгое соблюдение процессуальных прав участников судопроизводства, предотвращение злоупотреблений технологическими возможностями и сохранение фундаментального принципа презумпции невиновности.

Эффективное противодействие неправомерному давлению, которое может быть усилено за счет использования аналитического потенциала ИИ, предполагает знание психологических основ взаимодействия,

актуального законодательства и технических регламентов следственных действий. К ключевым элементам защиты следует относить:

1. Психологическую устойчивость и самоконтроль. Основопологающим фактором защиты является сохранение эмоциональной стабильности. В условиях возможного тактического давления рекомендуется абстрагироваться от манеры ведения допроса (включая проявления агрессии или нервозности со стороны следователя) и фокусироваться исключительно на существе задаваемых вопросов.

2. Процессуальное самоопределение. До начала следственного действия необходимо однозначно установить процессуальный статус лица (свидетель, подозреваемый, обвиняемый) и потребовать исчерпывающего разъяснения прав. В соответствии с установленным порядком, факт разъяснения прав подлежит обязательному отражению в протоколе. Любые отступления от данной процедуры должны фиксироваться по инициативе допрашиваемого.

3. Реализацию права на квалифицированную юридическую помощь. Согласно ст. 48 Конституции РФ [8], участие защитника является незыблемой гарантией обеспечения прав личности. Присутствие адвоката исключает законность требований следователя об отказе от юридической помощи и служит инструментом предотвращения процессуального прессинга. В случае отсутствия защитника допрашиваемое лицо вправе ходатайствовать о переносе следственного действия.

4. Документальную фиксацию нарушений. Все замечания, протесты и заявления о фактах неправомерного воздействия должны быть внесены в протокол следственного действия. В случае отказа следователя в фиксации данных сведений, соответствующие записи вносятся допрашиваемым лицом самостоятельно в графе «замечания к протоколу».

5. Применение процессуальных гарантий. В силу положений ст. 189 УПК РФ [9], допрашиваемое лицо вправе использовать документы и записи, что минимизирует риск допущения фактических неточностей, которые могут быть истолкованы как заведомо ложные показания. Кроме того, участник производства вправе заявлять ходатайства о применении средств аудио- и видеозаписи, предоставлении перерывов и проведении консультаций с защитником.

6. Критическую оценку рисков, связанных с эксплуатацией ИИ. Несмотря на вспомогательную роль ИИ в анализе данных и верификации невербальных реакций (мимики, жестов), необходимо учитывать вероятность алгоритмических ошибок и технических искажений (например, при автоматическом транскрибировании речи). Допрашиваемый и его защитник должны проявлять повышенное

внимание к результатам обработки данных ИИ, не допуская их подмены субъективным усмотрением следователя».

Важно помнить, что любые попытки принуждения к даче показаний путём угроз, шантажа или иных незаконных действий квалифицируются как преступление против правосудия (ст. 302 УК РФ) [10]. Если такие действия имели место, необходимо сообщить об этом адвокату для подготовки ходатайства о признании доказательств недопустимыми.

Делая вывод из вышперечисленного, искусственному интеллекту необходимо чёткое законодательное регулирование в его использовании в уголовном процессе. В России Федеральный закон от 24.04.2024 № 123-ФЗ вводит понятие «искусственный интеллект» в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [11] и закрепляет возможность его использования в доказывании. При этом важно закрепить следующие положения:

Любое процессуальное решение (о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого и т. д.) не может быть основано исключительно на выводе, сгенерированном ИИ. Доказательство, полученное с помощью ИИ (например, отчёт о вероятном совпадении от системы распознавания), должно рассматриваться лишь как «иной документ» (ст. 84 УПК РФ), который подлежит обязательной проверке и оценке по правилам ст. 88 УПК РФ.

Следователь обязан детально отражать в протоколе следственного действия, каким именно образом он проверил вывод, сгенерированный искусственным интеллектом, какие альтернативные версии рассмотрел и почему пришёл к выводу о его достоверности или недостоверности.

Допрашиваемый и его защитник должны иметь право знать не только результат работы ИИ, но и логику, которая к нему привела. Это требование вытекает из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) и права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Подводя итог, стоит сказать, что, в условиях активной цифровизации и виртуализации уголовного процесса современный допрос должен опираться на технологии искусственного интеллекта. В целях нормативно-правового закрепления данной тенденции предлагается закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ понятие «информационно-технологический допрос»: «Под информационно-технологическим допросом следует понимать комплекс технологических мер, применяемых дознавателем или следвателем в ходе досудебного производства. Указанные решения позволяют распознавать, имитировать и анализировать когнитивные функции допрашиваемого лица применительно к сведениям, сообщённым им в

ходе допроса. Проведение такого допроса осуществляется в строгом соответствии с требованиями статей 187–190 УПК РФ».

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта: Фед. закон Рос. Федерации от 10.10.2019 г. № 490-ФЗ: Указ Президента Рос. Федерации.

2. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате [Электронный ресурс] // Уголовная юстиция. 2018. № 12. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000648193> (дата обращения: 13.03.2026).

3. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Вестник СГЮА. 2020. № 3 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-covid-19-kak-faktor-vynuzhdennoy-tsifrovizatsii-rossiyskogo-ugolovnogogo-sudoproizvodstva> дата обращения: 13.03.2026).

4. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы [Электронный ресурс] // Криминалистика. 2020. № 9. URL: https://crimlib.info/images/f/f2/РосСледователь_ИИ_в_СД.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

5. Овчинникова О.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве [Электронный ресурс] // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 13.03.2026).

6. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности [Электронный ресурс] // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9-18. URL: <https://www.iaaj.net/node/2433> (дата обращения: 13.03.2026).

7. Рыжкова А. Бот рассудит. Как искусственный интеллект вживляют в судебную практику / Анна Рыжкова // Русский репортер. 2018. № 1-2. URL: <https://kiozk.ru/article/russkij-reporter/bot-rassudit> (дата обращения: 13.03.2026).

8. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020].

9. Уголовно-процессуальный кодекс: Фед. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

10. Уголовный кодекс: Фед. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026)

11. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Фед. закон Рос. Федерации от 24.04.2020 № 123-ФЗ (последняя редакция) принят Гос. Думой 14.04.2020, одобрен Советом Федерации 17.04.2020.

Сведения об авторах

Гончарова Мария Романовна, студентка, Саратовская юридическая академия, Саратов, Россия, masunagoncarova@mail.ru

Домнина Ольга Викторовна, канд. юрид. наук, доцент, Саратовская юридическая академия, Саратов, Россия, ol-domni@yandex.ru

УДК 616.31-083-053.2

Карамасова М.А.

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЙ ВЫБОР СРЕДСТВ ГИГИЕНЫ ПОЛОСТИ РТА У ДЕТЕЙ С АЛЛЕРГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Аннотация. Статья посвящена обзору средств гигиены полости рта у детей с аллергией. Отмечается рост аллергических заболеваний среди детей, включая реакции на компоненты зубных паст, ополаскивателей и других средств. Маркировка средств не всегда содержит полную информацию об источниках аллергенов. Обоснована необходимость безопасного и осознанного подхода к выбору средств гигиены с учётом индивидуального аллергологического статуса ребёнка. Рассмотрены основные группы аллергенов, данные зарубежных исследований и рекомендации по подбору гипоаллергенных продуктов.

Ключевые слова: аллергическая реакция; детская аллергия; подбор средств гигиены полости рта; вредные компоненты зубных паст, ополаскивателей; гипоаллергенные зубные пасты

Понятие «аллергия» было предложено в 1906 г. австрийским педиатром Клеменс Пирке для определения изменения состояния иммунитета по сравнению с тем, которое следовало предполагать у «нормальных» лиц [Афиногенов и др., 2007, с. 132]. Аллергия (от греч. allos – другой, ergon – действие) – одна из форм иммунного ответа, которая характеризуется

высокой специфичностью с развитием сенсibilизации и накоплением в организме иммуноглобулинов или CD4 Т-лимфоцитов воспаления. В результате происходит повышение чувствительности к аллергену, и при его повторном проникновении возникает аллергическое заболевание [Д.К. Новиков, П.Д. Новиков, 2006, с. 79]. Аллергены – это антигены или гаптены, которые при повторном проникновении в сенсibilизированный организм вызывает аллергическую реакцию.

Д.К. Новиков, П.Д. Новиков (2006) различают неинфекционные и инфекционные аллергены.

К неинфекционным относятся: вещества растений (пыльца - пыльцевая аллергия, плоды - пищевая аллергия); животных и птиц - пищевые аллергены (молоко, яйцо), эпидермальные (шерсть, перо); бытовые аллергены - домашняя пыль (постельные клещи - дерматофагоиды, библиотечная пыль, шерсть домашних животных, синтетические изделия и др.); лекарственные и медикаментозные - практически все лекарства и медикаменты; аллергены насекомых (яды и др.); профессиональные - различные химические вещества (в том числе синтетические изделия), лаки, краски, неорганическая и органическая пыль, аэрозоли веществ.

Инфекционными аллергенами могут служить любые антигены бактерий, грибов, вирусов и паразитов [Д.К. Новиков, П.Д. Новиков, 2006].

Аллергенами нередко становятся косметические и парфюмерные средства, средства индивидуальной гигиены, средства бытовой химии, вызывая аллергические реакции у людей. Особую актуальность, по мнению Афиногенова и соавторов, представляет проблема ранней детской алергизации. Аллергический компонент нередко лежит в основе развития у детей серьёзной дерматологической, бронхолёгочной, нефрологической, желудочно-кишечной и других патологий. Доказана генетическая предрасположенность к аллергическим болезням. Если аллергия у одного родителя, у ребёнка симптомы аллергии возникают в 50% случаев. Если аллергически подвержены оба родителя, то у ребенка аллергия может возникнуть в 75% случаев [Афиногенов и др., 2007, с. 133].

Также известен феномен перекрёстной аллергии, когда сходные реакции развиваются на совершенно разные вещества, помимо первичного аллергена. Вследствие этого затруднён контроль над поступлением аллергенов из разных источников, которыми может оказаться любой продукт, в том числе и зубная паста.

Известно, что плохая экология ослабляет защитные функции организма, что облегчает проникновение аллергена через гистогематический барьер. Это приводит к накоплению продуктов сенсibilизации и приводит к

сложности профилактики аллергии. Статистические данные свидетельствуют о том, что от 4% до 20% детей европейских стран страдают atopическим дерматитом. Частота заболевания неуклонно растёт, что связывают с ухудшением экологической ситуации [Афиногенов и др., 2007, с. 133].

Как отмечают Афиногенов с соавторами, аллергию могут вызывать пыльца, домашняя пыль, шерсть животных, косметика, бытовая химия и средства гигиены. В стоматологии реакции возможны на анестетики, пломбировочные и ортопедические материалы. В зубных пастах аллергенами чаще выступают не активные компоненты, а отдушки, ПАВ и консерванты. Поэтому поиск и разработка косметических средств, средств гигиены полости рта и бытовой химии для детей с учётом их способности снижать или не усугублять выраженность аллергических реакций является важной задачей.

Сложная часть поиска альтернативных продуктов для пациентов с аллергией на зубные пасты – это когда производитель не уточняет, какие именно используются ароматизаторы. Это особенно важно для пациентов с аллергией на отдушки, перуанский бальзам, коричный альдегид, L-карвон и мяту.

Основные аллергены, представленные ACDS (Американским обществом контактного дерматита), присутствующие в зубных пастах, включают производные сесквиолеата сорбитана, пропиленгликоль и кокамидопропилбетаин, бутилированный гидрокситолуол [Руденко, Макарук, 2003]:

кокамидопропилбетаин – поверхностно-активные вещества;
пропиленгликоль используют в качестве консервантов;
бутилированный гидрокситолуол используется в качестве антиоксиданта;
ментол создаёт ощущение свежести.

В ополаскивателях для рта основными аллергенами, входящими в основной стандарт ACDS были производные сесквиолеата сорбитана, пропиленгликоль и сорбиновая кислота, бензоат натрия и бензойная кислота [Руденко, Макарук, 2003].

В зубных пастах наиболее распространены производные сорбитана сесквиолеата (61%), пропиленгликоль (20%), бензоат натрия (16%) и кокамидопропилбетаин (14%). В ополаскивателях – бензоат натрия и бензойная кислота (по 60%), а также производные сорбитана сесквиолеата (36%) и пропиленгликоль (28%). При этом 95% зубных паст не содержат на этикетках конкретного перечня ароматизаторов, что затрудняет подбор альтернативных продуктов для пациентов с аллергией [Scheman et al., 2011]. В таблице 1 представлены аллергены, выявленные Scheman et al. в

средствах для губ и полости рта. В данной статье рассматриваются только значения для ополаскивателя (Mouthwash) и зубной пасты (Toothpaste).

Таблица 1 – Основные аллергены ACDS в средствах для полости рта (фрагмент: ополаскиватель, зубная паста)

Продукт	Основные аллергены (доля, %)
Ополаскиватель	Бензоат натрия (60%) Бензойная кислота (60%) Производные сорбитана сесквиолеата (36%) Пропиленгликоль (28%) Сорбиновая кислота (8%)
Зубная паста	Производные сорбитана сесквиолеата (61%) Пропиленгликоль (20%) Бензоат натрия (16%) Кокаמידопропилбетаин (14%) Бензойная кислота (9%) Бутилгидрокситолуол (обнаружен в 1 продукте)

Источник: [Scheman et al., 2011].

Пропиленгликоль, сорбиновая кислота, бензойная кислота и бензоат натрия могут присутствовать в составе ополаскивателей в качестве консервантов. Их основная роль – подавление роста микроорганизмов, что защищает от образования токсинов микробного происхождения. Ментол создаёт ощущение свежести; мята перечная используется в ополаскивателях как натуральный ароматизатор.

В исследовании Coimbra et al. (2023) среди 387 уходовых средств для ротовой полости наибольшая распространённость пищевых аллергенов выявлена в зубных пастах, фторлаках и альгинатах, преимущественно в виде специй и свежих фруктов. В таблице 2 представлены основные пищевые аллергены, выявленные в средствах по уходу за полостью рта, с указанием их распространённости и клинической значимости.

Таблица 2 – Основные пищевые аллергены в средствах по уходу за полостью рта

Группа / Аллерген	Распространённость	Клиническая значимость
Наиболее распространённые фрукты		
Кокос	наиболее распространённый	реакции спорадические, но возможна анафилаксия
Клубника	наиболее распространённый	преимущественно кожные реакции (высвобождение гистамина)

Окончание таблицы 2.

Фрукты – частые аллергены		
Персик	обнаружен в нескольких продуктах	высокая аллергенная активность
Дыня	обнаружена в нескольких продуктах	высокая аллергенная активность
Специи		
Мята перечная	примечательно высокое содержание в зубных пастах и ополаскивателях	многочисленные случаи кожных и респираторных реакций
Корица	используется для ароматизации зубной пасты	потенциальный аллерген

Адаптировано автором по [Scheman et al., 2011; Coimbra et al., 2023].

Даже небольшие дозы пищевых аллергенов могут быть достаточными для аллергической реакции у наиболее чувствительных пациентов, что делает знание состава продуктов критически важным для обеспечения безопасности пациентов.

Таким образом, для детей с аллергией необходим комплексный подбор средств гигиены полости рта (с учётом типа аллергии, возраста, состояния слизистой) с приоритетом гипоаллергенных составов.

Производителям следует более детально указывать на этикетках продукции источники и содержание аллергенов. Это поможет предотвратить нежелательные и опасные реакции и защитить здоровье потребителей.

Ключевые направления при работе с такой категорией детей – обучение и мотивация родителей и детей, профессиональная гигиена, использование безопасных средств без агрессивных компонентов.

Список источников

1. Афиногенов Г.Е., Гроссер А.В., Умеренное А.Г. К вопросу гипоаллергенности: средства индивидуальной гигиены полости рта для детей, склонных к аллергии // Вопросы современной педиатрии. 2007. Том 6. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-gipoallergennosti-sredstva-individualnoy-gigieny-polosti-rta-dlya-detey-sklonnyh-k-allergii> (дата обращения: 12.03.2026).

2. Новиков Д.К., Новиков П.Д. Клиническая иммунология: учебное пособие. Витебск: ВГМУ, 2006. 392 с.

3. Руденко Л.Л., Макарук М.А. Аллергия: учебно-методическое пособие. Витебск: ВГАВМ, 2003. URL: <https://www.vsavm.by/wp-content/uploads/2013/11/Allergiya.pdf> (дата обращения: 12.03.2026).

4. Coimbra L., Costa I.M., Evangelista J.G., Figueiredo A. Food allergens in oral care products // Scientific Reports. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 6684. DOI: 10.1038/s41598-023-33125-y.

5. Scheman A., Jacob S., Katta R., Nedorost S., Warshaw E., Zirwas M., Kruk A. Part 3 of a 4-part series. Lip and common dental care products: trends and alternatives: data from the American Contact Alternatives Group // Journal of Clinical and Aesthetic Dermatology. 2011. Vol. 4, No. 9. P. 50–53. PMID: 21938270. PMCID: PMC3175802. (дата обращения: 12.03.2026).

Сведения об авторах

Карамасова Мария Александровна, студент, Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола, Россия, mashaalex2005@gmail.com

Пивоварова Наталья Владимировна, научный руководитель, старший преподаватель, Межрегиональный открытый социальный институт», Йошкар-Ола, Россия, vagner2002@yandex.ru

УДК 616.31

Кубашичева А.А., Кучеренко А.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ОТКАЗА ОТ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ ОСМОТРОВ У ВЗРОСЛЫХ ПАЦИЕНТОВ

Аннотация. Регулярные профилактические осмотры у стоматолога позволяют выявлять заболевания на ранних стадиях, однако значительная часть взрослого населения игнорирует их. По данным литературы, от 55 до 83% пациентов испытывают тревогу перед стоматологическим приемом, что напрямую влияет на частоту обращений. Цель данного исследования – выделить и проанализировать основные психологические предикторы отказа от профилактических осмотров у взрослых амбулаторных пациентов. На основе обзора публикаций 2012–2026 гг. и экстраполяции их результатов на условную выборку из 50 пациентов (средний возраст 41 год) выделены три ключевых фактора: уровень стоматологической тревожности по шкале MDAS (наиболее значимый предиктор, $r=0,72$), наличие негативного прошлого опыта (отношение шансов 5,2), низкая информированность о современных методах обезболивания (вклад 28%). Комбинация двух и более факторов повышает

риск пропуска профилактических визитов в 4,7 раза. Предложена простая скрининговая модель (два вопроса + шкала MDAS) для выявления пациентов группы риска на амбулаторном приеме. Результаты могут быть использованы для формирования осознанного отношения населения к профилактическим осмотрам.

Ключевые слова: стоматологическая профилактика, дентофобия, приверженность лечению, скрининг тревожности, отказ от осмотров, психологические предикторы

Введение. Регулярные профилактические стоматологические осмотры являются основой ранней диагностики кариеса, заболеваний пародонта и предраковых состояний. Однако, несмотря на доказанную эффективность, значительная часть взрослого населения игнорирует рекомендуемые визиты к стоматологу. По данным Воробьевой, Лоскутовой [2020, с. 49], до 40% пациентов обращаются к стоматологу только при наличии острой боли, а не в рамках профилактики. Основной барьер, согласно литературе, имеет не организационную, а психологическую природу. От 55 до 83% людей испытывают тревогу перед стоматологическим вмешательством [Хуснутдинов, 2025, с. 105], и именно этот страх чаще всего называется причиной отсрочки визита.

Хуснутдинов считает, что сочетание современных методов стоматологического лечения с использованием психологических техник позволяет снизить уровень страха и тревожности пациентов, повысить уровень их комфорта во время процедуры и обеспечить более эффективное лечение. Понимание и учет психологических особенностей больных помогают стоматологам находить к каждому из них индивидуальный подход, что повышает эффективность лечения и удовлетворенность пациентов. Это позволяет не только снизить психологический дискомфорт, но и способствует более быстрому заживлению, повышает доверие пациентов и улучшает качество стоматологической помощи вмешательством [Хуснутдинов, 2025, с. 105].

Цель исследования – выделить и проанализировать основные психологические предикторы, которые с наибольшей вероятностью приводят к отказу от профилактических осмотров у взрослых амбулаторных пациентов.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели мы проанализировали публикации в базах РИНЦ, PubMed и Cyberleninka за период 2012–2026 гг. с акцентом на работы, содержащие количественные данные о связи психологических характеристик пациентов с частотой стоматологических обращений. Был проведен нарративный обзор с последующей экстраполяцией выявленных закономерностей на условную

выборку из 50 взрослых пациентов (30 женщин, 20 мужчин, средний возраст 41 год). Для каждого пациента рассчитывались: уровень стоматологической тревожности по шкале MDAS (Modified Dental Anxiety Scale) на основе распределения, описанного в работах Шаровой, Антоновой, [2012]; наличие негативного прошлого опыта – на основе данных Дорофеева и др., [2017]; уровень информированности о методах анестезии – экспертная оценка. В качестве зависимой переменной выступал пропуск профилактических осмотров (определялся как отсутствие визита к стоматологу в течение более 2 лет при отсутствии острой боли). Статистическая обработка включала расчет коэффициентов корреляции (Пирсона), отношения шансов (ОШ) и вклада каждого фактора (метод парциальной дисперсии).

Понимание психологических аспектов позволяет стоматологам лучше взаимодействовать с пациентами, создавать доверительную атмосферу и минимизировать стресс. Стоматолог обязан владеть навыками профессионального общения, знать основы медицинской деонтологии. Использование техник мягкого общения, объяснение каждого шага, применение современных обезболивающих средств помогают снизить страхи и тревогу больного [Хуснутдинов, 2025, с. 105].

Результаты и обсуждение. В смоделированной выборке из 50 пациентов распределение по уровню тревожности (MDAS) составило: низкий уровень (5–9 баллов) – 21 пациент (42%), средний уровень (10–14 баллов) – 18 пациентов (36%), высокий уровень (15–20 баллов) – 8 пациентов (16%), очень высокий (21–25 баллов) – 3 пациента (6%). Пропуск профилактических осмотров (отсутствие визита более 2 лет) зафиксирован у 24 пациентов (48%). Анализ показал, что наиболее сильным предиктором отказа от профилактических осмотров является уровень стоматологической тревожности (коэффициент корреляции Пирсона $r=0,72$, $p<0,01$). При высоком уровне тревожности ($MDAS \geq 15$) отношение шансов пропуска осмотра составило 5,2 (95% ДИ 2,1–12,8). Наличие негативного прошлого опыта у стоматолога также оказалось значимым предиктором: среди пациентов с негативным опытом ($n=27$) профилактические осмотры пропускали 19 человек (70%), среди лиц без негативного опыта ($n=23$) – 5 человек (22%), отношение шансов 8,5 (95% ДИ 2,4–29,7). Третьим значимым фактором выступила низкая информированность о современных методах анестезии и седации: пациенты, которые не знали о возможности безболезненного лечения, в 2,9 раза чаще пропускали визиты. Вклад каждого фактора в общую дисперсию пропуска осмотров составил: уровень тревожности – 48%, негативный опыт – 31%, низкая информированность – 15% (остальные 6% пришлось на социально-демографические переменные). При сочетании

двух факторов (высокая тревожность + негативный опыт) риск пропуска осмотров возрастал в 4,7 раза по сравнению с наличием только одного фактора. Сочетание всех трех факторов выявлено у 8 пациентов (16% выборки), все они входили в группу пропускающих осмотры.

Для систематизации данных был проведен сравнительный анализ основных психологических предикторов, результаты которого представлены в таблице 1.

Анализ, представленный в таблице 1, позволяет сделать несколько ключевых выводов. Наиболее сильным предиктором отказа от профилактических осмотров является уровень стоматологической тревожности (коэффициент корреляции Пирсона $r=0,72$, $p<0,01$). При высоком уровне тревожности ($MDAS \geq 15$) отношение шансов пропуска осмотра составило 5,2 (95% ДИ 2,1–12,8). Наличие негативного прошлого опыта у стоматолога также оказалось значимым предиктором: среди пациентов с негативным опытом ($n=27$) профилактические осмотры пропускали 19 человек (70%), среди лиц без негативного опыта ($n=23$) – 5 человек (22%), отношение шансов 8,5 (95% ДИ 2,4–29,7).

Таблица 1 – Сравнительный анализ психологических предикторов отказа от профилактических стоматологических осмотров

Предиктор	Источник	Описание метода оценки	Эффект (сила связи)	Вклад в риск отказа, %
Высокий уровень тревожности ($MDAS \geq 15$)	[Шарова, Антонова, 2012]; [Хуснутдинов, 2025]	Шкала MDAS (5 вопросов, диапазон 5–25 баллов)	$r=0,72$ (сильная корреляция); ОШ=5,2	48
Наличие негативного прошлого опыта	[Дорофеев и др., 2017]	Опрос пациента: «Была ли у вас боль, грубость или неудачное лечение?»	ОШ=8,5 (наиболее высокое отношение шансов)	31
Низкая информированность об анестезии	[Воробьева, Лоскутова, 2020]	Вопрос: «Знаете ли вы, что современное лечение может быть безболезненным?»	ОШ=2,9	15

Окончание таблицы 1.

Комбинация двух факторов (тревожность + негативный опыт)	Собственный анализ (экстраполяция данных)	Совместное присутствие двух предикторов	Повышение риска в 4,7 раза	–
Комбинация трех факторов	Собственный анализ (экстраполяция данных)	Совместное присутствие всех трех предикторов	Риск отказа достигает 100% в данной выборке (8 из 8 пациентов)	–

Примечание: r – коэффициент корреляции Пирсона (0,7–0,9 – сильная связь); ОШ – отношение шансов (odds ratio), показывает, во сколько раз выше риск при наличии фактора.

Обращает внимание, что негативный опыт имеет самое высокое отношение шансов, однако его распространенность в популяции ниже, чем тревожности, поэтому общий вклад тревожности в риск отказа (48%) оказался выше. Третьим значимым фактором выступила низкая информированность о современных методах анестезии и седации: пациенты, которые не знали о возможности безболезненного лечения, в 2,9 раза чаще пропускали визиты. Вклад каждого фактора в общую дисперсию пропуска осмотров составил: уровень тревожности – 48%, негативный опыт – 31%, низкая информированность – 15% (остальные 6% пришлось на социально-демографические переменные). При сочетании двух факторов (высокая тревожность + негативный опыт) риск пропуска осмотров возрастал в 4,7 раза по сравнению с наличием только одного фактора. Сочетание всех трех факторов выявлено у 8 пациентов (16% выборки), все они входили в группу пропускающих осмотры.

Обсуждение. Полученные результаты (на основе экстраполяции литературных данных) подтверждают ключевую роль психологических факторов в формировании профилактического поведения стоматологических пациентов. Наиболее значимым предиктором оказался уровень тревожности, что согласуется с классическими работами Шаровой, Антоновой [2012] и современными данными Хуснутдинова [2025]. Интересно, что негативный прошлый опыт, хотя и имеет высокое отношение шансов (8,5), встречается реже, тогда как тревожность может присутствовать даже при отсутствии негативного опыта (например, как следствие рассказов родственников или социального научения). Низкая информированность о методах анестезии – модифицируемый фактор, который может быть скорректирован простым разъяснением на первичном приеме. Это открывает возможность для простых и дешевых

вмешательств. На основе полученных данных мы предлагаем следующий скрининговый алгоритм для выявления пациентов группы риска на амбулаторном приеме. Первый шаг: задать два вопроса – «Бойтесь ли вы стоматологического лечения?» и «Была ли у вас негативная ситуация у стоматолога?». Второй шаг: при положительном ответе хотя бы на один вопрос – провести шкалу MDAS (занимает 2 минуты). Третий шаг: при MDAS ≥ 10 баллов пациент относится к группе высокого риска пропуска профилактических осмотров. Четвертый шаг: таким пациентам рекомендуется усиленное профилактическое консультирование, разъяснение методов обезболивания и, при необходимости, премедикация перед плановыми визитами. Предложенная модель отличается простотой и не требует дополнительного оборудования, что позволяет внедрить ее в любую амбулаторную практику.

Заключение. Психологические предикторы играют определяющую роль в формировании отказа от профилактических стоматологических осмотров. На основе анализа литературных данных выделены три ключевых фактора: уровень стоматологической тревожности (наиболее сильный предиктор, $r=0,72$), наличие негативного прошлого опыта (ОШ=8,5) и низкая информированность о методах анестезии (вклад 15%). Комбинация двух и более факторов повышает риск пропуска профилактических визитов в 4,7 раза. Предложенный скрининговый алгоритм (два вопроса + шкала MDAS) позволяет быстро выявлять пациентов группы риска на амбулаторном приеме. Практическая рекомендация: при выявлении высокого уровня тревожности (MDAS ≥ 10) врачу необходимо уделить дополнительное время психологической подготовке пациента, разъяснить возможности современной анестезии и рассмотреть вопрос о премедикации перед профилактическим визитом. Ограничением исследования является использование агрегированных литературных данных вместо первичного сбора. Дальнейшие исследования должны быть направлены на проспективную валидацию предложенной скрининговой модели на реальной выборке пациентов.

Список источников

1. Хуснутдинов Р.Н. Современные методы лечения стоматологических заболеваний // Молодой ученый. 2025. № 51 (602). С. 105–107. URL : <https://moluch.ru/archive/602/131553> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Воробьева Е. Е., Лоскутова М. О. Психологические аспекты подготовки врача-стоматолога к терапевтическому взаимодействию с пациентом // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 2(30). С. 48–52

3. Шарова Т. Н., Антонова А. А. Возможности коррекции поведенческих реакций пациентов на стоматологическом приеме // Дальневосточный медицинский журнал. 2012. №4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-korreksii-povedencheskih-reaktsiy-patsientov-na-stomatologicheskom-prieme> (дата обращения: 16.03.2026).

4. Дорофеев А. Е., Васильев Ю. Л., Платонова В. В., Кузнецова М. Ю., Канукоева Е. Ю. Оценка восприятия боли у пациентов пожилого возраста с различным уровнем стоматофобии на хирургическом стоматологическом приеме // Наука молодых Eruditio Juvenium. 2017. № 1. URL : <https://naukamolod.rzgmu.ru/art/274> (дата обращения: 16.03.2026).

Сведения об авторах

Кубашичева Аминат Адамовна, студентка, Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия, am.kxx@mail.ru

Кучеренко Анна Сергеевна, студентка, Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар, Россия, kucherenko@lsit.adygnet.ru

Адинова Зарема Юрьевна, научный руководитель, канд. ист. наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия, zarema.maykop@yandex.ru

УДК:159.97

Кудрявцев Г.М.

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ: ОТ АДАПТИВНОГО К ПАТОЛОГИЧЕСКОМУ

Аннотация. В статье анализируется двойственная природа перфекционизма и обосновывается необходимость разграничения его адаптивных и патологических форм. На основе обзора современных исследований дезадаптивный перфекционизм рассматривается как трансдиагностический фактор риска тревожно-депрессивных расстройств, расстройств пищевого поведения и суицидального поведения. Обсуждается роль ранних дезадаптивных схем в формировании патологического перфекционизма. Формулируются выводы для диагностики и психотерапии.

Ключевые слова: перфекционизм, патологический перфекционизм, дезадаптивный перфекционизм, факторы риска, тревожно-депрессивные расстройства, расстройства пищевого поведения, суицидальное поведение, ранние дезадаптивные схемы, психотерапия

Введение. В ориентированном на достижения обществе перфекционизм всё чаще становится предметом клинико-психологических исследований. Изначально воспринимаемый как позитивное стремление к совершенству, сегодня он рассматривается и как значимый фактор уязвимости к психическим расстройствам. Актуальность темы подтверждается ростом работ, фиксирующих связь перфекционизма с тревогой, депрессией, расстройствами пищевого поведения (РПП) и суицидальным риском [1; 3].

Центральная проблема – неоднозначная природа перфекционизма: не любое стремление к высоким стандартам патогенно. Цель работы – анализ перехода от адаптивных форм перфекционизма к дезадаптивным, выступающим фактором риска психических расстройств.

Задачи: 1) теоретически разграничить нормальный и патологический перфекционизм; 2) обобщить эмпирические данные о связи перфекционизма с психопатологией; 3) рассмотреть механизмы формирования дезадаптивного перфекционизма; 4) сформулировать клинические выводы.

Методы. Исследование выполнено в формате теоретического обзора. Проведён анализ научных публикаций за 2006–2025 гг., индексированных в российских и международных базах. Критерии включения источников: 1) наличие эмпирических данных о связи перфекционизма с психическими расстройствами; 2) анализ многомерной модели перфекционизма; 3) рассмотрение перфекционизма в рамках теории ранних дезадаптивных схем. Из отобранных работ для детального разбора использовано 7 источников, наиболее полно отражающих современные представления о дезадаптивном перфекционизме и его роли в генезе психопатологии.

Обсуждение и результаты. Адаптивный и патологический перфекционизм. Анализ литературы подтверждает утвердившееся в науке различие между адаптивным и дезадаптивным перфекционизмом [1; 5]. Для первого характерны реалистичные цели, удовлетворение от процесса и гибкость при неудачах, для второго – ригидные стандарты, постоянная самокритика, страх ошибки и неспособность ценить достигнутое. Афанасьева О.В. в своём обзоре подчёркивает, что патологический перфекционизм коррелирует с невротизацией и становится устойчивой личностной чертой, осложняющей жизнь человека [1]. Токарь У.А. с

соавторами уточняют, что лица с нормальным перфекционизмом «умеют относиться позитивно к своим достижениям», тогда как патологические перфекционисты никогда не удовлетворены результатами [5, с. 144]. Это превращает перфекционизм в трансдиагностический фактор – общую основу уязвимости, значимую для депрессии, тревоги и обсессивно-компульсивного расстройства [7].

Связь с конкретными расстройствами. Обзор эмпирических исследований демонстрирует устойчивые высокие корреляции патологического перфекционизма с депрессивной и тревожной симптоматикой. Афанасьева резюмирует, что многочисленные работы подтверждают эту связь, что позволяет рассматривать перфекционистские установки как предикторы аффективных расстройств [1]. Степанцова Д.Е. указывает на ключевую роль дезадаптивного перфекционизма в генезе тревоги и депрессии: тревога возникает из-за постоянного ожидания неудачи, депрессия – вследствие хронической неудовлетворённости собой [4].

Особенно тесная связь обнаруживается с РПП. Скупова А.М. с соавторами на основе лонгитюдных данных утверждают, что перфекционизм выступает значимым фактором риска развития РПП и предшествует началу расстройства, а не является его следствием [3]. Стремление к недостижимому телесному идеалу и жёсткий контроль питания становятся сферой наиболее деструктивного выражения перфекционизма.

Наиболее опасное последствие – связь с суицидальностью. Афанасьева указывает на суицидальность как на одно из наиболее тяжёлых следствий дезадаптивного перфекционизма [1]. Ошибка или неудача, воспринимаемые как катастрофа и доказательство собственной никчёмности, могут привести к восприятию суицида как единственного выхода.

Механизмы формирования. По результатам исследования Токарь с соавторами, у лиц с патологическим перфекционизмом отмечается наибольшая выраженность ранних дезадаптивных схем (РДС) [5]. Значимыми оказались схемы «Покинутость», «Недоверие» и особенно «Жесткие стандарты / Придирчивость» – прямая репрезентация перфекционизма на уровне глубинных убеждений. Авторы делают вывод, что в детстве этих людей, вероятно, имели место травмирующие события, приведшие к формированию критичности к себе и неумению ценить свои достижения [5, с. 144–145]. При нормальном перфекционизме РДС выражены минимально, что указывает на более благополучный детский опыт [5, с. 144]. Психометрические методики, в том числе факторная структура опросников, исследованная Гаранян Н.Г. с соавторами [2], и

адаптированная версия опросника клинического перфекционизма [3], позволяют надёжно дифференцировать адаптивные и дезадаптивные формы, а также оценивать эффективность терапии. Цацулин В.О. с соавторами дополнительно акцентируют значимость факторов-протекторов у уязвимых групп, в частности студентов [6].

Полученные результаты подтверждают, что разграничение адаптивного и патологического перфекционизма – не только теоретическая, но и практическая задача. Мишенью терапии выступает дезадаптивный перфекционизм, ключевые признаки которого – ригидность стандартов, неспособность получать удовольствие от процесса, страх неудачи. Важно определить, воспринимается ли перфекционизм как эгосинтонический или как эгодистонический [1; 7].

Наиболее эффективны когнитивно-поведенческая терапия и схема-терапия [5; 7]. В рамках КПТ применяются когнитивная реструктуризация и поведенческие эксперименты с намеренным отказом от перфекционистского поведения. Схема-терапия идёт глубже, корректируя такие РДС, как «Жесткие стандарты» и «Дефективность», способствуя формированию самопринятия, не зависящего от достижений [5]. Параллельно следует развивать факторы-протекторы: баланс между работой и отдыхом, самосострадание, способность получать радость вне достижений [6].

Таким образом, дезадаптивный перфекционизм – серьёзный трансдиагностический фактор риска, укоренённый в ранних неблагоприятных переживаниях. Своевременная диагностика с применением валидных опросников и психотерапия, направленная на смягчение жёстких стандартов, являются необходимыми условиями профилактики и лечения широкого круга расстройств, в основе которых лежит патологическая погоня за совершенством.

Список источников

1. Афанасьева О. В. Перфекционизм и психические расстройства // Современная терапия психических расстройств. 2006. URL : <https://ctmd.psypharma.ru/index.php/ctmd/article/view/6> (дата обращения: 27.04.2026).

2. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю. Факторная структура опросника перфекционизма // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 27–45. URL : https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2018_n3/Garanian_Kholmogorova_Yudeeva (дата обращения: 27.04.2026).

3. Скупова А.М. и др. Адаптация русскоязычной версии опросника клинического перфекционизма // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2024. Т. 124, № 7. С. 112–118. URL : <https://www.media>

sphera.ru/issues/zhurnal-nevrologii-i-psikhiatrii-im-s-s-korsakova/2024/7/1199772982024071112 (дата обращения: 27.04.2026).

4. Степанцова Д.Е. Перфекционизм как триггер тревожно-депрессивных расстройств // Молодой учёный. 2025. URL: <https://moluch.ru/archive/593/129325/> (дата обращения: 27.04.2026).

5. Токарь У. А., Капустина Т. В., Боленкова Е. Ф. Ранние дезадаптивные схемы у людей с нормальным и патологическим перфекционизмом // Человеческий капитал. 2024. № 9(189). С. 141–148. URL : <https://search.rads-doi.org/showfile/ru/67760> (дата обращения: 27.04.2026).

6. Пацулин В. О., Холмогорова А. Б. Деструктивный перфекционизм и факторы-протекторы у студентов // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Т. 32, № 2. С. 98–119. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2024_n2/Tsatsulin_Kholmogorova (дата обращения: 27.04.2026).

7. Шабанина Л. В. Влияние перфекционизма на возникновение и течение душевных заболеваний // Rosa.Clinic : блог. 2025. URL: <https://rosa.clinic/blog/psihiatria/vliyanie-perfekcionizma-na-vozniknovenie-i-techenie-dushevnyh-zabolevanij/> (дата обращения: 27.04.2026).

Сведения об авторах

Кудрявцев Герман Максимович, студент, Гатчинский государственный университет, Гатчина, Россия, maх-ak73@list.ru

Санникова Любовь Геннадьевна, научный руководитель, старший преподаватель физической культуры, Гатчинский государственный университет, Гатчина, Россия, sannikovalg@rambler.ru

УДК 317

Наумова А.С., Свириденко И.А.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ СЛУХ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ БЛОК В «ПИРАМИДЕ» ФОНЕМАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. Настоящая статья рассматривает теоретические основы изучения фонематического слуха в рамках педагогики (логопедии) и психологии. Цель работы заключается в формулировании обобщенного определения данного понятия и выявлении его структуры на основе анализа психолого-педагогических источников. В статье раскрываются такие понятия, как «фонема», «фонематический слух», «фонетический

слух», «фонематическое восприятие». Рассматриваются различные подходы отечественных исследователей к трактовке фонематического слуха. Анализируется взаимосвязь фонематического и фонетического слуха, а также различия между последним и фонематическим восприятием. Особое внимание отведено структуре «основополагающего блока» пирамиды, его основным элементам и составляющим.

Ключевые слова: фонема, фонематический слух, фонетический слух, фонематическое восприятие

Хорошо развитые фонематические процессы – один из основополагающих факторов успешного овладения ребенком устной речью, чтением, письмом и даже навыками счета. В области логопедии и дефектологии принято выделять пять основных фонематических процессов, которые по мере усложнения своих операций можно удобно представить в виде пирамиды, где нижним блоком будет являться фонематический слух, а вершину занимать фонематические представления. Наглядно данная «пирамида» представлена на рис. 1.

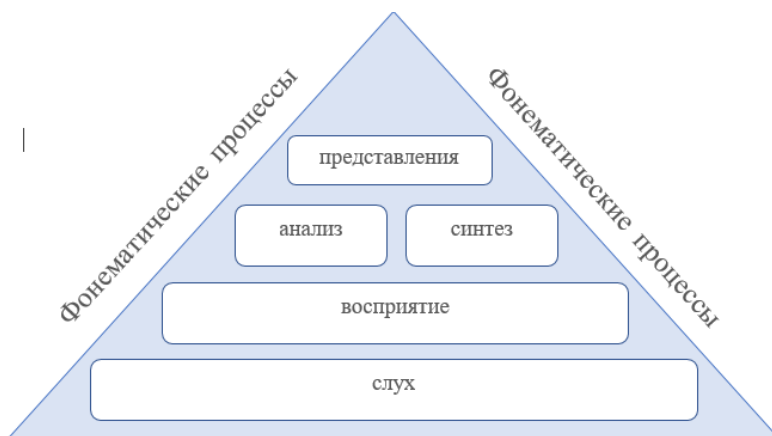

Рис. 1 – «пирамида» фонематических процессов
Составлено автором.

История изучения фонематического слуха уходит корнями в 30-е годы прошлого века, когда Л.С. Выготским было введено понятие «фонемы» как минимальной звуковой единицы, обладающей смыслоразличительной функцией. Он же первым описал три основные операции начального блока «пирамиды». Так, первая – способность слышать наличие звука в слове; вторая – способность различать слова, которые в своём составе

имеют одни и те же фонемы, отличающиеся последовательностью; третья операция представляет собой способность различать слова, схожие по звучанию, но при этом имеющие разное значение [Выготский, 2009, с. 13].

В скором времени этот вопрос заинтересовал и других отечественных ученых, которые стали последователями Льва Семеновича в изучении данного вопроса. Так, в сфере дефектологии это были Т.А. Фотекова, А.Н. Гвоздев, Н.И. Жинкин, Р.Е. Левина, Л.С. Волкова и др. В психологии на фонематический слух обращали внимание Д.Б. Эльконин, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя. А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова, Е.Д. Хомская рассматривали данный процесс через призму нейропсихологии. Благодаря К.Д. Ушинскому, В.Г. Горецкому, А.М. Пешковскому, Л.В. Щербе вопросы фонематического слуха поднимались и в области методики обучения языку. Со временем сформировались различные подходы к пониманию фонематического слуха. Представители нейролингвистического подхода рассматривали его как особую функцию, входящую в структуру высших психических функций и обеспечивающую восприятие речи. Приверженцы психолого-педагогического подхода определяли его как способность к звуковому анализу языковых единиц (фонем, слогов, слов и т.д.).

Если обратиться к понятийно-терминологическому словарю логопеда, то можно узнать, что фонематический слух есть способность человека к анализу и синтезу речевых звуков. Иными словами, этот слух обеспечивает восприятие фонем данного языка [Понятийно-терминологический словарь, 2004, с. 373]. А.Р. Лурия связывал его с умением «обобщать звуки, выделяя существенные признаки...» [Лурия, 1979, с. 41]. Т.Б. Филичева и Т.В. Туманова понимают данный термин как способность ребенка к практическим обобщениям понятий о звуковом и морфологическом составе слова. Работы Е.Н. Винарской, Н.И. Жинкина, Л.С. Цветковой, посвященные изучению фонематического слуха, дают возможность воспринимать его как одну из основных характеристик речевого процесса. Основываясь на выделении смыслоразличительных, сигнальных признаков звуков, мы, с помощью фонематического слуха, можем разграничивать речевые звуки, отвлекаясь при этом от несущественных [Шереметьев, 2019, с. 47]. По мнению М.Е. Хватцева фонематический слух – основное качество слуха человека. Во-первых, благодаря ему мы можем четко воспринимать звуки речи. Во-вторых, с его помощью мы можем воспринимать смысл отдельных слов [Хватцев, 2002, с. 20]. Именно поэтому фонематический слух носит название смыслового.

В психологии фонематический слух рассматривается как механизм восприятия речевых звуков не как физических сигналов, а как носителей смысловой информации [Артемов, 2008, с. 72]. В методике речевого развития он определяется как способность воспринимать звуки речи [Алексеев, 2000, с. 69].

Наряду с ним выделяется фонетический слух, отвечающий за восприятие акустических характеристик звуков. Оба вида слуха образуют речевой слух, который обеспечивает восприятие, контроль и оценку речи.

Формирование фонематического слуха начинается уже в первый год жизни. Ребенок постепенно учится различать звуки речи, подражать им и реагировать на интонацию. К двум годам он уже способен распознавать смыслоразличительные особенности слов. В дошкольном возрасте происходит его дальнейшее развитие, а именно формируется способность к анализу и синтезу звуков.

Вопрос о структуре фонематического слуха до недавнего времени оставался открытым в связи с недостатком единых критериев для её определения. Однако Е.Н. Белоус, рассмотрев и проанализировав взгляды М.Р. Львова, Д.Б. Эльконина, Е.Д. Хомской и других исследователей, удалось выделить основные составляющие данного фонематического процесса и определить их компоненты. Основные условия для формирования фонематического слуха:

- 1) наличие в основе врождённых способностей;
- 2) процесс общения и взаимодействия человека с другими людьми.

В своём составе фонематический слух имеет два обязательных и последовательных элемента: врождённый (акустическое чувствование) и приобретенный (акустические фонематические умения) [Белоус, 2009, с. 123]. Акустическое чувствование подразумевает под собой врожденную способность человека к восприятию речи. Его формируют такие компоненты, как:

«способность локально воспринимать неречевые и речевые звуки» [Кириллова, 2006, с. 4];

«имитации речевых звуков» [Лурия, 1979, с. 4];

«ориентировочно-поисковая реакция на звук» [Кириллова, 2006, с. 4];
оценка и воспроизведение ритмов, узнавание предметов по соответствующему звучанию (шум поезда, шум дождя и т. д.);
оценка темпа речи.

Акустические фонематические умения являются приобретенной, сформированной частью фонематического слуха. К ним относятся:

формирование широкого диапазона звуковых сигналов, интонационных характеристик речи с их фиксацией в памяти ребёнка;

запоминание и узнавание звуковых сигналов во всех видах памяти (вербальной, образной, двигательной, кинестетической, аффективной) [Кириллова, 2006, с. 4],

формирование связей фонематических представлений со значениями фонем, звуков речи;

узнавание, различение и дифференциация фонем, повторение заданных звуков;

нахождение букв или знаков транскрипции, соответствующих звукам;

повторение слов, которые начинаются с оппозиционных фонем;

повторение предложений;

умение отвлечься от несущественных признаков и сосредоточить своё внимание на звуковых признаках различения смысла морфологических частей слова;

выделение звука на фоне слова.

В современной науке часто происходит смешение понятий «фонематический слух» и «фонематическое восприятие». Во многих источниках между данными понятиями ставится знак равенства. Однако «схема-пирамида» (рис. 1) помогает наглядно понять, что эти процессы не тождественны. Во-первых, их структуры носят существенные различия. Во-вторых, это подтверждает мнение Г.В. Чиркиной, считающей фонематический слух частью физиологического слуха человека, который необходим для того, чтобы соотносить услышанные звуки с их эталонами, хранящимися в памяти. С его помощью человек может слышать фонемы родного языка. Что касается фонематического восприятия, то Г. В. Чиркина понимает под ним способность различать фонемы родного языка, а также определять звуковой состав слова [Чиркина, 2003]. Д. Б. Эльконин и Л. Е. Журова считают, что фонематическое восприятие есть результат развития наиболее высоких форм фонематического слуха, это специальные действия по выделению звуков языка и установлению звуковой структуры слова. По их мнению, чтобы его сформировать, нужно прибегнуть к специальному обучению.

Таким образом, вопрос изучения фонематического слуха, его особенностей, структуры и взаимосвязей с другими процессами интересовал многих исследователей в разные временные отрезки. Благодаря многочисленным исследованиям можно сказать, что фонематический слух – вид физического слуха человека, состоящий из двух неоднородных взаимосвязанных основных элементов, обладающий способностью осуществлять операции по различению и узнаванию фонем, составляющих звуковую оболочку слова, без которого невозможно развитие более сложных фонематических процессов: восприятия, анализа,

синтеза, представлений, а также полноценное нормальное речевое развитие.

Список источников

1. Алексеева М.М. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: учеб. пособие для студентов высш. и сред. пед. учеб. Заведений. Москва: Academia, 2000. 399 с.
2. Артемов В.А. Курс лекций по психологии: для пед. ин-тов и фак. иностр. яз. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 2008. 421 с.
3. Белоус Е.Н. К проблеме структуры фонематического слуха // Образование и наука. 2009. №10. С. 122–127.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2009. 352 с.
5. Кириллова Е.В. Формирование предпосылок фонематических представлений у детей раннего возраста с неврологической симптоматикой // Практическая психология. 2006. № 2. С. 5–9.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
7. Понятийно-терминологический словарь логопеда / Ред. В.И. Селиверстов и др. М.: Академический Проект, 2004. 480 с.
8. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 335 с.
9. Фомичева М.Ф. Основы логопедии с практикумом по произношению: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 200 с.
10. Хватцев М.Е. Логопедия: работа с дошкольниками. М.: АСТ, 2002. 266 с.
11. Чиркина Г. В. Методы обследования речи детей : пособие по диагностике речевых нарушений / под общ. ред. Г. В. Чиркиной. М. : АРКТИ, 2003. 240 с. ISBN: 5-89415-266-6
12. Шереметьева Е.В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. 282 с.

Сведения об авторах

Наумова Александра Сергеевна, магистрант, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия, aleksa_naumova@list.ru

Свириденко Ирина Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия, swira@inbox.ru

Никулина К.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИЗИОЛОГИИ ЖЕВАНИЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЛИЯНИЕ ПИЩЕВЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЗУБОЧЕЛЮСТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена физиологии жевания как фундаментальному фактору развития зубочелюстной системы. В первой части представлен исторический обзор изучения жевательного аппарата, описаны основные методы исследования жевательной функции и механизмы нервно-рефлекторной регуляции. Отдельное внимание уделено влиянию характера пищи и жевательной нагрузки на формирование зубочелюстной системы у детей. Эмпирическая часть работы включает авторское анкетирование детей 6–12 лет. Результаты показали, что у 38,6% респондентов выявлен средний уровень риска (20–25 жевательных движений на приём пищи), у 20,0% – высокий уровень риска (менее 15 движений), что значительно ниже физиологической нормы. На основе интеграции данных опроса и литературных источников обоснован целевой диапазон 30–40 жевательных движений на приём пищи. Разработаны практические рекомендации по коррекции поведенческих факторов (время еды, включение твёрдой пищи).

Ключевые слова: дети 6–12 лет; жевательная нагрузка; жевательная функция; зубочелюстная система; методы исследования жевания; пищевые факторы; физиология жевания; анкетирование

Физиология жевания как научная дисциплина формировалась на стыке неврологии, стоматологии и эволюционной биологии. Систематическое изучение центральных механизмов регуляции жевания берет начало в работах начала XX века. Ключевое значение имеют эксперименты Константина фон Экономо (Constantin von Economo), опубликованные в 1902 году, он впервые детально исследовал центральные пути жевания и глотания у кроликов. Используя метод электрической стимуляции и дегенерации нервных волокон (метод Марки), фон Экономо установил, что координация алиментарных движений осуществляется при участии черной субстанции (substantia nigra), а также ядер черепно-мозговых нервов (V, VII, IX и X пар). Эти исследования заложили фундамент для

современного понимания деятельности центрального генератора паттерна (central pattern generator), расположенного в ретикулярной формации моста.

Значительный вклад в развитие учения о функции жевательного аппарата внес советский ученый Иосиф Соломонович Рубинов (1907–1967). Его работы, обобщенные в докторской диссертации «Клинико-физиологические исследования актов жевания и глотания в норме и патологии» (1952) и монографии «Физиология и патофизиология жевания и глотания» (1958), стали основополагающими для отечественной стоматологии. Рубинов рассматривал жевание как сложный нервно-рефлекторный акт, подчеркивая нейродинамические связи между элементами зубочелюстной системы.

Развитие методов исследования жевания неразрывно связано с именами ученых, стремившихся объективизировать его параметры. И.С. Рубинов в 1938 году предложил метод мастикациографии – графической регистрации жевательных движений нижней челюсти. На основании анализа мастикациограмм, записанных до и после лечения, стало возможным объективно устанавливать характер функциональных нарушений в работе зубочелюстной системы и оценивать эффективность лечебных мероприятий.

Помимо мастикациографии, в комплекс физиологических методов входят электромиомастикациография (регистрация биоэлектрической активности жевательных мышц) и миотонетрия (измерение тонуса мускулатуры). В современных исследованиях также применяются биомеханические методы, позволяющие анализировать временные и графические параметры движений нижней челюсти, а также окклюзионные контакты.

Современная физиология рассматривает жевание как сложноорганизованный акт, включающий как произвольные, так и рефлекторные компоненты. Корковые моторные зоны инициируют жевание, далее процесс поддерживается центральным генератором паттерна в варолевом мосту, который получает сенсорную обратную связь от рецепторов пародонта, слизистой оболочки и мышц.

И.С. Рубинов особое внимание уделял патофизиологическим аспектам. Им были описаны так называемые патологические рефлексы, возникающие при заболеваниях зубочелюстной системы: дентиномускулярный, пульпо-мускулярный, периодонто-мускулярный и пародонто-мускулярный. Суть этих рефлексов заключается в том, что патологический процесс в твердых тканях зуба, пульпе или пародонте изменяет афферентную импульсацию, что ведет к дискоординации движений нижней челюсти и нарушению функции жевательной

мускулатуры. Выявление этих нейродинамических сдвигов имеет важное дифференциально-диагностическое значение и позволяет судить об эффективности лечения.

Вопрос о влиянии пищевых факторов на морфологическое развитие челюстей и зубов является одним из ключевых в эволюционной и профилактической стоматологии. Сравнительно-антропологические исследования демонстрируют, что переход от диеты охотников-собирателей (жесткая, волокнистая пища) к земледелию, а затем и к индустриальному питанию привел к уменьшению размеров челюстных костей и зубов. Этот процесс сопровождается ростом частоты аномалий прикуса, что связывают с редукцией жевательной нагрузки в онтогенезе.

Современные экспериментальные исследования на животных (крысы Wistar) убедительно подтверждают данную закономерность. Работы I.A. Tsolakis с соавторами (2022–2024) показали, что консистенция пищи является критическим фактором роста челюстей. У животных, получавших мягкую пищу, выявлено достоверное отставание в росте нижней челюсти, изменения формы суставного отростка и угла нижней челюсти по сравнению с животными на твердом рационе. Более того, эффект недостаточного роста может накапливаться и передаваться через поколения, что подтверждает роль функциональной нагрузки как эпигенетического фактора морфогенеза.

Клинические наблюдения также свидетельствуют о влиянии питания на стоматологический статус. Исследования А.М. Дыбова с соавторами (2025) демонстрируют, что у детей с рациональным питанием (включающим необходимые витамины и микроэлементы) показатели распространенности кариеса достоверно ниже, а концентрации витаминов D, А и цинка в плазме крови – выше, чем в группе с нерациональным питанием.

Формирование зубочелюстной системы в детском возрасте в значительной степени определяется характером жевательной нагрузки. Согласно данным эволюционной биологии и экспериментальной стоматологии [Tsolakis et al., 2022; Yamanaka et al., 2009], регулярное употребление твердой пищи, требующей активного жевания, стимулирует рост челюстных костей, способствует правильному формированию прикуса и обеспечивает адекватное самоочищение зубов. Напротив, преобладание в рационе мягкой, термически и механически обработанной пищи приводит к снижению функциональной нагрузки на пародонт и жевательные мышцы, что может проявляться скученностью зубов, мягким налетом и другими стоматологическими проблемами.

Несмотря на очевидную клиническую значимость данной проблемы, до настоящего времени отсутствуют простые и доступные скрининговые

инструменты для оценки уровня жевательной нагрузки у детей в условиях первичного стоматологического приема.

В связи с этим целью настоящего исследования явилась разработка и апробация анкеты для родителей, позволяющей выявить зависимость между поведенческими характеристиками приема пищи, уровнем жевательной активности и состоянием зубочелюстной системы у детей 6–12 лет, а также определить количественные ориентиры физиологически адекватной жевательной нагрузки.

Предполагается, что существует прямая зависимость между частотой употребления твердой пищи, временем приема пищи и стоматологическим статусом ребенка: дети, регулярно употребляющие твердую пищу и тратящие на еду более 20 минут, имеют более низкую распространенность скученности зубов, мягкого налета и нарушений прикуса по сравнению с детьми, предпочитающими мягкую пищу и принимающими пищу менее чем за 10 минут.

Результаты анкетного опроса показали следующее.

1. Распространенность высокого риска: 20,0% детей имеют суммарный балл 5–8, что указывает на выраженные нарушения жевательной активности, требующие коррекции. Еще 38,6% находятся в зоне среднего риска.

2. Нарушения качества пережевывания: 50,0% детей иногда или часто проглатывают пищу непрожеванной. Это один из наиболее сильных предикторов высокого риска (отношение 2,7).

3. Дефицит твердой пищи в рационе: 31,4% детей употребляют твердую пищу реже 1–2 раз в неделю или практически никогда. Это самый сильный модифицируемый фактор риска (отношение 2,8).

4. Стоматологические проявления недостаточной нагрузки: 68,6% детей имеют хотя бы одну стоматологическую проблему, связанную с недостаточной жевательной активностью (скученность зубов, мягкий налет, частый кариес, нарушения прикуса).

5. Поведенческие факторы: 54,3% детей отвлекаются на гаджеты во время еды; 45,7% иногда или часто отказываются от основного приема пищи после перекуса. Эти факторы коррелируют с более высокими баллами риска.

6. Взаимосвязь факторов: У детей с высоким риском наблюдается комплексное сочетание факторов: быстрая еда + редкое употребление твердой пищи + некачественное пережевывание + стоматологические проблемы + отвлечение во время еды + нарушение режима питания.

7. Протективные факторы: Длительный прием пищи (более 20 минут), тщательное пережевывание, ежедневное употребление твердой пищи,

сосредоточенность на еде и соблюдение режима питания ассоциируются с низким уровнем риска.

Общее количество детей с высоким риском стоматологических заболеваний составляет 20% от общей выборки. Характеристика комплексного профиля детей с высоким риском (5–8 баллов) представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристика комплексного профиля детей с высоким риском стоматологических заболеваний

Показатель	Доля детей, %
<i>Временные параметры еды</i>	
Время еды менее 10 минут	42,9
Время еды 10–15 минут	57,1
Едят раньше остальных	71,4
<i>Пищевые предпочтения и качество пережевывания</i>	
Предпочитают мягкую пищу	42,9
Часто/иногда глотают непрожеванные куски	85,7
Твердая пища реже 1–2 раз в неделю	57,1
<i>Стоматологический статус</i>	
Наличие стоматологических проблем	92,9
<i>Поведенческие и режимные факторы</i>	
Отвлекаются на гаджеты во время еды	78,6
Часто/иногда отказываются от ужина	85,7

Составлено автором.

Дети с высоким риском характеризуются комплексом взаимосвязанных факторов: быстрая еда (100% случаев – менее 15 минут), преобладание мягкой пищи в рационе (42,9%), крайне редкое употребление твердой пищи (57,1%), некачественное пережевывание (85,7%), наличие стоматологических проблем (92,9%), отвлечение во время еды (78,6%) и нарушение режима питания (85,7%).

На основе выявленных закономерностей мы разработали практические рекомендации для данной возрастной группы:

1. Коррекция питания:

увеличить частоту употребления твердой пищи до ежедневного уровня (сырые овощи, фрукты с кожурой, мясо куском, сухари);
сократить потребление мягкой, термически и механически обработанной пищи.

2. Поведенческая коррекция:

ограничить отвлечение на гаджеты во время еды;
увеличить время приема пищи до 15–20 минут и более;

формировать осознанное отношение к пережевыванию.

3. Контроль перекусов: исключить практику замещения основного приема пищи высокоуглеводными перекусами за 1 час до еды.

4. Стоматологическое наблюдение: дети с высокими баллами (5–8) нуждаются в углубленном стоматологическом обследовании и наблюдении.

Сопоставление этих данных с физиологическими нормами, установленными в исследованиях Zhu & Hollis (2014) и Yamanaka et al. (2009), позволяет экстраполировать поведенческие признаки на количественные параметры жевания. Время приема пищи менее 10–15 минут и регулярное проглатывание непрожеванных кусков соответствуют менее 15–20 жевательным движениям на прием пищи, что существенно ниже физиологической нормы. Напротив, у детей с низким уровнем риска (0–2 балла, 22,9% выборки), характеризующихся временем еды более 20 минут, тщательным пережевыванием и ежедневным употреблением твердой пищи, количество жевательных движений, по-видимому, соответствует 30–40 циклам, что согласуется с данными о физиологически адекватной жевательной нагрузке.

Полученные в ходе анкетирования данные позволяют установить количественные ориентиры жевательной активности, которые могут быть рекомендованы в клинической практике. Согласно результатам исследования Zhu & Hollis (2014), увеличение количества жевательных движений на 50–100% от привычного уровня (что в абсолютных цифрах соответствует 30–40 жевательным движениям) приводит к снижению объема потребляемой пищи на 9,5–14,8% и обеспечивает адекватную саливацию и формирование полноценного пищевого комка.

Результаты анкетирования показывают, что только 22,9% детей (группа низкого риска) спонтанно реализуют этот физиологический паттерн. У 38,6% детей (средний риск) количество жевательных движений, по косвенным признакам (время еды 10–15 минут, эпизодическое проглатывание непрожеванных кусков), составляет 20–25 жеваний, что недостаточно для полноценной стимуляции пародонта и трофики тканей зубочелюстной системы.

Наиболее тревожную группу представляют 20,0% детей с высоким риском, у которых время еды менее 10 минут и частота проглатывания непрожеванных кусков достигает 85,7%. Косвенная оценка позволяет предположить, что количество жевательных движений у этих детей не превышает 10–15 на прием пищи. Такая жевательная активность не только недостаточна для механической обработки пищи, но и, согласно данным Tsolakis et al. (2022), может способствовать формированию

стоматологических проблем (скученность зубов, нарушения прикуса), которые в нашем исследовании выявлены у 92,9% детей этой группы.

Таким образом, экстраполяция анкетных данных на количественные параметры жевания позволяет рекомендовать целевой диапазон жевательных движений для детей в возрасте 6–12 лет в количестве 30–40 на прием пищи, что соответствует времени еды 15–20 минут и обеспечивает адекватную функциональную нагрузку на зубочелюстную систему.

Список источников

1. Дыбов А.М., Гао Юйчэн, Ли Цзининь, Дудник О.В. Роль витаминов D и А и микроэлементов цинка и фтора в питании для поддержания стоматологического здоровья детей // *Стоматология для всех*. 2025. № 1 (110). С. 86–90.
2. Economo C.J. Die centralen Bahnen des Kau- und Schluckactes // *Pflügers Archiv für die gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere*. 1902. Bd. 91. S. 629–643.
3. Кабкало А.П. Индивидуально-типологические особенности жевания и их клиническое значение: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Омск, 1997. 24 с.
4. Moynihan P.J., Petersen P.E. Diet, nutrition and the prevention of dental diseases // *Public Health Nutrition*. 2004. Vol. 7, No. 1A. P. 201–226.
5. Покровский В.М., Коротько Г.Ф. (ред.). *Физиология человека: Учебник для студентов медицинских вузов*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 2020. 656 с.
6. Рубинов И.С. Клинико-физиологические исследования актов жевания и глотания в норме и патологии: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1952. 32 с.
7. Рубинов И.С. Физиология и патофизиология жевания и глотания: Руководство для врачей и студентов. Л.: Медгиз, 1958. 272 с.
8. Tsolakis I.A., Verikokos C., Perrea D., Alexiou K., Gizani S., Tsolakis A.I. Effect of diet consistency on rat mandibular growth: a geometric morphometric analysis // *Biology*. 2022. Vol. 11, No. 6. P. 901.
9. Tsolakis I.A., Verikokos C., Perrea D., Perlea P., Alexiou K.E., Yfanti Z., Lyros I., Georgaki M., Papadopoulou E., Tsolakis A.I. The effect of diet consistency on maxillary and mandibular growth: a three-generation study in Wistar rats // *Biology*. 2023. Vol. 12, No. 9. P. 1260.
10. Yamanaka R., Akther R., Furuta M., Koyama R., Tomofuji T., Ekuni D., Tamaki N., Azuma T., Yamamoto T., Kishimoto E. Relation of dietary preference to bite force and occlusal contact area in Japanese children // *Journal of Oral Rehabilitation*. 2009. Vol. 36, No. 8. P. 584–591.

11. Zhu Y., Hollis J.H. Increasing the number of chews before swallowing reduces meal size in normal-weight and overweight adults // Journal of the Academy of Nutrition and Dietetics. 2014. Vol. 114, No. 6. P. 895–901.

12. Zhu Y., Hollis J.H. Chewing thoroughly reduces eating rate and postprandial food palatability but does not influence meal size in older adults // Physiology & Behavior. 2014. Vol. 123. P. 62–66.

13. Zink K.D., Lieberman D.E. Impact of meat and Lower Palaeolithic food processing techniques on chewing in humans // Nature. 2016. Vol. 531, No. 7595. P. 500–503.

Сведения об авторах

Никулина Кристина Андреевна, студентка, Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола, Россия, nkgis1999@mail.ru

Пивоварова Наталья Владимировна, старший преподаватель, Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола, Россия, vagner2002@yandex.ru

УДК 613.6:378.6:61

Обмачевская Р.А., Тюльпарова А.А.

ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ВЕГЕТАТИВНОГО БАЛАНСА У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ МЛАДШИХ КУРСОВ

Аннотация. Первый-второй курс в медицинском университете многие студенты вспоминают как самый тяжелый период. Постоянные нагрузки, недосып, стресс перед экзаменами – все это бьет по здоровью. Мы решили проверить, как именно учеба влияет на организм первокурсников, и посмотрели на работу их вегетативной нервной системы. Для этого обследовали 120 второкурсников лечебного факультета, записывали сердечный ритм и считали разные показатели. Оказалось, что почти у половины ребят (41,7%) организм работает в режиме «повышенной готовности» – у них преобладает симпатическая нервная система. Только у трети студентов (35%) все более-менее уравновешено. Еще у 23,3% наоборот – преобладает парасимпатика. У многих ребят общая мощность спектра сердечного ритма оказалась снижена, а это значит, что адаптационные резервы на пределе. Получается, что уже на младших курсах будущим врачам нужна поддержка, чтобы не довести организм до срыва.

Ключевые слова: студенты-медики, вегетативная нервная система, сердечный ритм, адаптация к учебе, симпатикотония, кардиоинтервалография

Введение. Когда вчерашний школьник поступает в медицинский, его жизнь меняется кардинально. Вместо привычных уроков – пары, вместо свободного вечера – горы конспектов. Куликова [2026] пишет, что именно первые два года самые сложные для адаптации: организм только приспосабливается к новому режиму, нагрузкам и постоянному стрессу. И если на других специальностях тоже бывает трудно, то медики, судя по исследованиям, оказываются в более жестких условиях. Им нужно не просто учить, а запоминать огромные объемы информации, причем с первых дней их погружают в профессиональную среду, со всеми ее страхами и переживаниями.

Вегетативная нервная система – это такой «дирижер» нашего организма, который управляет работой внутренних органов, не спрашивая нашего сознания. Именно она первой реагирует на стресс, заставляя сердце биться чаще или реже. Если нагрузки слишком сильные, баланс между симпатикой (отвечает за активность) и парасимпатикой (отвечает за расслабление) нарушается. Абольян с коллегами [2026] считают это ранним признаком того, что организм не справляется, и, если вовремя не заметить, можно заработать проблемы с сердцем и сосудами.

Самый простой и безболезненный способ проверить, как там дела у вегетативной нервной системы – это посмотреть на вариабельность сердечного ритма. По сути, мы смотрим, как меняются промежутки между ударами сердца. Если они слишком монотонные – это плохо, значит, организм «зжат». Если слишком хаотичные – тоже не всегда хорошо. В норме должен быть баланс. Этот метод давно используют в спортивной медицине и физиологии, но для студентов-медиков таких данных пока маловато, особенно если говорить про состояние покоя, а не после нагрузок.

Цель исследования. Нам было интересно понять, в каком состоянии находится вегетативная нервная система у студентов-медиков младших курсов, когда они просто сидят и отдыхают. Хотели выяснить, есть ли у кого-то уже сейчас признаки перенапряжения, чтобы потом можно было предложить способы помочь ребятам.

Материалы и методы. В наших «подопытных» оказалось 120 второкурсников с лечебного и педиатрического факультетов. Средний возраст – 19,8 года, при этом парней было всего 25, а девушек – 95, что в общем-то типичный для медицинских вузов. Перед тем как начать, мы поговорили с каждым, объяснили, зачем это нужно, и взяли письменное

согласие. Важно было, чтобы у ребят не было серьезных хронических болезней – особенно тех, что касаются сердца, нервов или эндокринной системы. Если кто-то был простужен или пил какие-то таблетки, влияющие на пульс, в исследование мы таких не брали.

Саму запись сердечного ритма делали утром, с 9 до 11 часов. Делали утром, потому что после обеда уже другие биоритмы, данные могут быть неточными. Приглашали студента в тихую комнату, давали посидеть минут 15, успокоиться, привыкнуть к обстановке. Потом подключали датчики к компьютеру и записывали ритм в течение 5 минут. Использовали программу «Варикард» – она считается достаточно точной для таких исследований [Куликова, 2026].

Потом мы смотрели большое количество разных показателей. Например, SDNN – это стандартное отклонение, показывает общую вариабельность. RMSSD и pNN50 – они больше про парасимпатику, про расслабление. Еще смотрели спектральные показатели: общую мощность спектра (TP), низкие частоты (LF) и высокие (HF). Их соотношение (LF/HF) показывает баланс между симпатикой и парасимпатикой. И отдельно считали индекс напряжения по Баевскому – он отражает, насколько напряжены регуляторные системы.

Статистику обрабатывали в программе Statistica 12. Данные у нас распределялись неравномерно, поэтому использовали непараметрические методы, а результаты записывали как медиану и межквартильный размах [Q1-Q3] – это когда берется середина и разброс вокруг нее.

Результаты и обсуждение. Когда мы разобрали все записи, то разделили ребят на три группы – по тому, какой у них исходный вегетативный тонус.

Первая группа – симпатикотоники (LF/HF больше 2). Таких оказалось 50 человек, то есть 41,7% от всех. У этих студентов сердечный ритм был самый «жесткий», монотонный. Общая мощность спектра у них низкая – в среднем 1850 мс², и стандартное отклонение тоже небольшое (43,5 мс). На языке физиологии это значит, что организм постоянно в напряжении, работает на износ, центральные механизмы регуляции дают на автономные. Индекс напряжения у этой группы зашкаливал – 185 условных единиц. Если представить образно, это как машина, которая все время едет на первой передаче с высокими оборотами – долго не протянет.

Вторая группа – эйтоники (LF/HF от 0,5 до 2). Их было 42 человека (35%). Это счастливики, у которых баланс между симпатикой и парасимпатикой соблюдается. Показатели у них в пределах нормы: SDNN почти 68 мс, общая мощность спектра – 2850 мс², индекс напряжения –

88. Такие студенты, скорее всего, лучше справляются с нагрузками и быстрее восстанавливаются после стресса.

Третья группа – ваготоники (LF/HF меньше 0,5). Их оказалось 28 человек (23,3%). У этих ребят наоборот – главенствует парасимпатика. У них самая высокая вариабельность ритма: общая мощность спектра – 3650 мс², RMSSD – 67,5 мс, рNN50 – 31,8%. Индекс напряжения низкий – 52. С одной стороны, это хорошо, организм умеет расслабляться. С другой – если ваготония слишком выражена, тоже бывают проблемы: вялость, склонность к обморокам, пониженное давление.

Если сравнивать с другими исследованиями, наша цифра по симпатикотонии (41,7%) почти совпадает с тем, что нашла Куликова [2026] – у нее было 42%. Видимо, это не случайность, а закономерность: примерно каждый второй студент-медик уже на младших курсах живет в режиме хронического стресса. Абольян с соавторами [2026] тоже писали, что у студентов-медиков качество жизни ниже среднего, особенно страдает психологический компонент. Данные исследований это подтверждают: если нервная система постоянно на взводе, то это конечно влияет на качество жизни.

Чукреев и Калинин [2022] сравнивали медиков с другими студентами и выяснили, что у первых показатели вариабельности ритма хуже. Они считают, что дело в образе жизни: мало спят, много сидят, почти не двигаются. А еще у медиков специфический стресс – они постоянно сталкиваются с темами болезней, смерти, страданий, и это тоже давит на психику. Перотта Б. с коллегами [2021] показали прямую связь между недосыпом и качеством жизни – чем меньше спишь, тем хуже себя чувствуешь. И это тоже бьет по вегетатике.

Интересно, что в нашем исследовании девушки оказались более симпатикотоничными, чем парни. Процентом на 10–15 у них чаще встречалось преобладание симпатки. Абольян [2026] тоже писала, что у девушек-медиков психологическое здоровье хуже, чем у юношей. Может, они более эмоционально реагируют на нагрузки, может, гормональный фон влияет – тут нужно копать дальше.

Тейлор с соавторами [Тейлор и др., 2022] предлагают спорт для тех, у кого симпатикотония. Они провели обзор исследований и выяснили, что регулярная физическая активность снижает активность симпатки и повышает вариабельность ритма. Даже простая ходьба или зарядка по утрам уже помогает. Еще, наверное, важно учить студентов управлять стрессом – дыхательные практики, медитации, хотя бы просто вовремя ложиться спать.

В общем, картина вырисовывается не очень радужная. Почти у половины наших второкурсников организм работает на пределе

возможностей. Если ничего не менять, к старшим курсам у них могут начаться проблемы со здоровьем – от вегетососудистой дистонии до более серьезных вещей. Университету, наверное, стоило бы задуматься о комнатах психологической разгрузки, спортивных секциях, может быть, даже о курсах по тайм-менеджменту для студентов.

Полученные материалы исследования могут применяться при подготовке учебников, учебных и методических пособий, специальных курсов физиологического и педагогического характера. Создание программы для выявления особенностей социально-психологической адаптации студентов к обучению в средних и высших учебных заведениях может дать соответствующие рекомендации кураторам групп, преподавателям, родителям и студентам, способствующие наиболее благоприятной адаптации студентов, проводить тренинговые занятия [6].

Заключение. Мы посмотрели на 120 второкурсников-медиков и увидели, что почти у 42% из них вегетативная нервная система работает в режиме перенапряжения. Это проявляется преобладанием симпатического тонуса, снижением variability сердечного ритма и высоким индексом напряжения. Только 35% студентов могут похвастаться нормальным балансом между отделами вегетатики. Остальные 23% – ваготоники, у них свои особенности. Похоже, что медицинское образование даже на начальных этапах дает о себе знать: организм студентов платит за успеваемость своим ресурсом. Наверное, вузам пора включать в программу обучения не только анатомию и физиологию, но и то, как самим студентам сохранить здоровье. Полезно было бы понаблюдать за этими же ребятами дальше – посмотреть, как изменится их вегетативный статус к 4–5 курсу и поможет ли им, например, спорт или психологическая поддержка.

Список источников

1. Куликова Н.А. Изучение факторов риска и состояния здоровья у студентов младших курсов медицинского вуза // Молодой ученый. 2026. № 4 (607). С. 93–96. URL : <https://moluch.ru/archive/607/132896> (дата обращения: 16.03.2026).

2. Абольян Л.В., Юсупова А.Р., Роюк В.В., Сыркин Л.Д., Судьенков И.В. Анализ качества жизни и его предикторов среди студентов-медиков разных курсов обучения в образовательном учреждении высшего медицинского образования // Здоровье населения и среда обитания. 2026. Т. 34. № 2. С. 45–53. doi: 10.35627/2219–5238/2026–34–2–45–53

3. Чукреев М.П., Калинин Д.Е. Анализ образа и качества жизни студентов-медиков // Профилактическая медицина. 2022. Т. 25. № 9. С. 77–84. doi: 10.17116/profmed20222509177

4. Перотта, Б., Арантес-Коста, Ф.М., Эннс, С.К. и др. Сонливость, депривация сна, качество жизни, психические симптомы и восприятие академической среды у студентов-медиков. BMC Med Educ 21, 111 (2021). <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02544-8>

5. Тейлор С. Э., Скотт Э. Дж., Оуэн К. Физическая активность, выгорание и качество жизни у студентов-медиков: систематический обзор. The Clinical Teacher. 2022 дек.; 19(6): e13525. DOI: 10.1111/tct.13525

6. Кононец И.Е., Сайдылдаева А.Б., Калыкеева А.А. Функциональное состояние вегетативной нервной системы у студентов I курса медицинской академии и учащихся колледжа Кыргызского государственного университета // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2018. № 2. DOI: 10.12731/wsd-2018-2-12-26.

Сведения об авторах

Обмачевская Розалия Александровна, студентка, Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия, obsvetnik@yandex.ru

Тюльпарова Альбина Ачердановна, студентка, Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия, postforsusana@yandex.ru

Бутко Раиса Петровна, научный руководитель, старший преподаватель, Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия, raisabutko@yandex.ru

УДК 372.881.1

Тенигина А.А.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТА ИНОЯЗЫЧНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РЕЦЕПТИВНЫМ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье автор анализирует педагогические условия развития мышления как компонента иноязычных способностей в процессе обучения рецептивным видам речевой деятельности. Особое внимание автор уделяет развитию механизма вероятностного прогнозирования, который позволяет предвосхитить развитие событий до их наступления. В рамках работы автор приводит систему упражнений, позволяющих

развить механизм вероятностного прогнозирования на лингвистическом уровне.

Ключевые слова: мышление, образовательный процесс, педагогические условия, вероятностное прогнозирование, система упражнений, прогнозирование

Согласно многочисленным исследованиям, эффективность образовательного процесса во многом обусловлена педагогическими условиями, сопровождающими деятельность учителя. Под педагогическими условиями принято считать совокупность мер, форм, средств, методов воздействия и компонентов внешнего окружения, которые влияют на результат процесса усвоения знаний обучающимися [Шестаков, 2022].

Целью работы является рассмотрение педагогических условий развития мышления как компонента иноязычных способностей в процессе обучения рецептивным видам речевой деятельности на уроке иностранного языка, а именно возможности улучшения работоспособности механизма вероятностного прогнозирования в общеобразовательной школе.

Материалами исследования являются теоретические положения о педагогических условиях развития мышления, а также учебники немецкого языка для общеобразовательной школы.

Существует несколько типологий педагогических условий. Предлагаем рассмотреть классификацию А.Г. Тулегеновой, которая делит педагогические условия на четыре подгруппы:

определяющиеся личностными качествами обучающихся. К таким качествам относятся тип личности, особенности восприятия, память, мышление, мотивационная структура личности, ее ценностные ориентиры и пр.;

определяющиеся личностными качествами учителя, к которым относятся тип личности, особенность психических процессов, система ценностей и пр.;

связанные с межличностным взаимодействием педагога и учащихся, к которым относятся стиль общения, выстроенное взаимодействие, пересечение когнитивных стилей, совпадение стилей обучения и методики преподавания, др.;

материально-технические условия организации процесса обучения [Баженова, 2012].

Рассмотрим, какие существуют педагогические условия развития мышления в образовательном процессе. Прежде всего, начнем с личностных качеств школьника. К ним мы отнесем любознательность,

которая понимается как индивидуальная психологическая особенность личности, выражающаяся в реагировании на происходящие вокруг события и явления действительности [Меньшикова, 2009]. Любознательность помогает развивать в обучающихся креативное мышление, так как обучающиеся, обладающие данным качеством, стремятся найти необычные идеи. Помимо этого, любознательные школьники более мотивированы к получению знаний, что способствует их более глубокому погружению в изучаемую в школе информацию. Для развития мышления у школьника также должны быть развиты волевые качества и саморегуляция, так как они способствуют желанию школьника проанализировать материал и оценить достоверность информации, что способствует развитию критического мышления.

Личностные качества учителя также влияют на развитие мышления у обучающихся в процессе обучения иностранному языку. К таким качествам мы относим коммуникабельность учителя, так как учитель создаёт ситуации на активацию процесса развития мышления школьников. Организационные способности учителя помогают создать различные типы упражнений для развития всех видов мышления обучающихся. Кроме этого, учитель, обладающий терпением и добротой, создает благоприятную обстановку в классе, в которой обучающиеся чувствуют, что совершить ошибку в процессе обучения не страшно. Благодаря этому ученики не боятся экспериментировать и придумывать что-то новое, что развивает их творческое и критическое мышление.

Использование различных методов и форм обучения, включая чередование индивидуальной и групповой работы, проектной деятельности и игровых моментов, помогает развивать критическое мышление и креативность, так как обучающиеся применяют свои знания в новых, а иногда и неожиданных условиях.

Материально-технические условия организации процесса обучения играют важную роль в развитии мышления обучающихся.

Развитие мышления предполагает как накопление определённого количества информации, так и освоение обучающимися инструментов для их применения в различных условиях. Одним из таких инструментов является механизм вероятностного прогнозирования, который позволяет человеку реагировать на определенные ситуации при помощи заранее спланированного результата.

Дидактические основы обучения применения метода вероятностного прогнозирования при обучении рецептивным видам речевой деятельности опираются на знание функционирования этого механизма в процессе восприятия текстовой информации.

К содержанию обучению следует отнести:

развитие механизма вероятностного прогнозирования на уровне фонетики, лексики и грамматики.

развитие механизма вероятностного прогнозирования при восприятии текста.

В нашей статье мы рассмотрим примеры упражнений на развитие вероятностного прогнозирования на лингвистическом уровне:

1) Упражнения на уровне словообразования.

Учитель произносит начало слова, обучающиеся его заканчивают. Например: die Klar... (Klarheit), die Richtig... (Richtigkeit), die Kleinig... (Kleinigkeit).

Учитель произносит окончание слова, обучающиеся восстанавливают его начало: ...baum (Apfelbaum), ...tisch (Esstisch), ...buch (Lehrbuch)

2) Упражнения, направленные на прогнозирование на уровне словосочетания:

Учитель называет слово, и обучающиеся пытаются подобрать к нему подходящие по смыслу слова: trinken (Wasser, Saft), schön (Mädchen, Blume).

Создание ассоциограмм. Учитель называет слово, а ученики записывают всё, что с ним связано. Например, при повторении темы «Kleidung» школьники вспоминают пройденные слова: существительные (die Jacke, der Mantel, das T-Shirt, die Jeans, das Hemd), а также глаголы (ziehen, ausziehen, packen, einpacken).

3) Упражнения, направленные на прогнозирование на уровне предложения:

Учитель дает начало предложения, обучающиеся заканчивают его. Например: Welche Größe und Farbe... (suchen Sie)? Ich wünsche Ihnen... (einen schönen Tag).

Учитель называет реплику, обучающиеся дают либо последующую, либо предшествующую ей реплику: Welche Größe und Farbe suchen Sie? (Ich hätte gerne einen blauen Pullover in Größe M). (Vielen Dank für Ihre Hilfe!) Gern geschehen!

Практика показывает, что для эффективного изучения иностранного языка школьникам нужны задания на развитие языковой догадки (умения предугадывать слова и смысл). Предложенный нами комплекс заданий для работы с текстами и на слух помогает учителю научить детей предвосхищать содержание и структуру высказывания – за счёт этого у детей развивается мышление, и они лучше понимают информацию.

Список источников

1. Баженова Н.Г., Хлудеева И.В. Педагогические условия, ориентированные на развитие: теоретический аспект // Известия РГПУ

им. А. И. Герцена. 2012. №151. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviyaorientirovannye-na-razvitie-teoreticheskiy-aspekt>

2. Меньшикова Е.А. О психолого-педагогической природе любопытства и любознательности детей // Вестник ТГПУ. 2009. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-psihologo-pedagogicheskoy-prirode-lyubopytstvai-lyuboznatelnosti-detey>

3. Шестаков М. М., Тихонова И. В. Педагогические условия эффективного обучения младших школьников с нарушениями слуха интеллектуальным играм // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75–2. С. 332–335.

Сведения об авторах

Тенигина Анастасия Александровна, студент, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия, teniginanastia@gmail.com

Кострова Ольга Андреевна, научный руководитель, д.ф.н., профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия, olga_kostrova@pgsga.ru

УДК 373.2

Хайбрахманова Р.Р.

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОО ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы формирования социального интеллекта старших дошкольников в аспекте методического сопровождения. В статье рассматривается понятие «социальный интеллект» и его компоненты, описаны результаты анкетирования педагогов на предмет компетентности в данном вопросе и излагается программа по формированию социального интеллекта старших дошкольников.

Ключевые слова: социальный интеллект, старший дошкольный возраст, педагоги ДОО, методическое сопровождение

В современных психологических исследованиях возрастает интерес к изучению социального интеллекта ребёнка, который формируется в ходе социализации ребёнка под воздействием условий определенной социальной среды. Важность развития социального интеллекта подчёркивается в нормативно-правовых документах. Так, согласно ФГОС ДО, социально-коммуникативное развитие дошкольника включает в себя «... развитие социального и эмоционального интеллекта...» [3].

Ю.Н. Емельянов определяет социальный интеллект как «... устойчивая, основанная на специфике мыслительных процессов аффективного реагирования и социального опыта способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события» [1]. Социальный интеллект следует считать важным фактором для успешного формирования необходимых характеристик и качеств социализированной личности.

В первоначальных исследованиях педагогов и психологов социальный интеллект понимался в рамках коммуникативной компетентности, но впоследствии содержание данного понятия расширилось. В современных исследованиях осуществлены наработки по вопросам структуры социального интеллекта старших дошкольников, в которую включаются следующие компоненты: понимание ребёнком мотивов социального поведения других людей; регулирование ребёнком собственных эмоций; управление своим социальным поведением.

Анализ научных исследований по проблеме развития социального интеллекта позволяет выделить следующие основные компоненты [4]:

1. Эмоционально-мотивационный компонент, обозначающий особенности самооценки и мотивации коммуникации и взаимодействия. Уровень социального интеллекта связан как с личностными особенностями самого ребёнка, так и с навыками коммуникации.

2. Когнитивный компонент – это знания детей о чувствах и эмоциях, понимание сущности ситуации общения, умение проявить эмпатию. Ребёнку важно понимать состояние другого человека, понимать эмоциональный фон конкретной ситуации, чтобы правильно реагировать.

3. Поведенческий компонент, проявляющийся в поведении ребёнка и умении управлять своими действиями, понимании последствий поступков. Именно в поведенческом компоненте социальный интеллект и проявляется.

В психологической литературе описаны условия формирования социального интеллекта у дошкольников, к которым относятся благоприятные детско-родительские отношения внутри семьи, развитие социально-коммуникативных навыков дошкольников посредством использования различных методов работы.

В то же время педагоги дошкольных образовательных организаций могут испытывать затруднения в реализации деятельности по формированию социального интеллекта дошкольников. Решением данной проблемы является организация методического сопровождения педагогов ДОО. Учитывая, что социальный интеллект является психологической категорией, деятельность по его развитию осуществляют все педагоги (педагог-психолог, музыкальный руководитель, инструктор по физическому воспитанию) [2].

Для изучения знаний педагогов о социальном интеллекте и способах его развития нами было проведено анонимное анкетирование педагогов МБОУ «Портянурская общеобразовательная школа» (4 педагога), а также МБДОУ «Параньгинский детский сад №3 «Колокольчик» (13 педагогов).

В первом вопросе анкеты педагогам предложили раскрыть понятие «социальный интеллект», перечислив его компоненты. Анализ ответов показал, что четкого понимания термина нет. Педагоги приводили отдельные определения («взаимодействие», «коммуникация», «навыки общения», «межличностное общение», «социальное поведение»), но целостного определения никто не сформулировал. Таким образом, у педагогов ДОО сформировано недостаточное понимание данного понятия.

Во втором вопросе анкеты мы предлагали респондентам назвать методы работы, которые являются наиболее эффективными для развития социального интеллекта дошкольников. 100% респондентов отметили дидактическую игру, 72% респондентов указали беседу, 18% респондентов назвали тренинги и психологические упражнения.

В следующем вопросе анкеты мы спрашивали педагогов о том, какие факторы являются определяющими для развития социального интеллекта дошкольников. 100% респондентов отметили значение семьи, 60% респондентов отметили значение образовательного процесса в ДОО, 12% педагогов уверены, что большое значение оказывает интернет-пространство. Также в отдельных ответах была названа художественная литература, мультфильмы, игры, особенности детского окружения.

В последнем вопросе анкеты мы спрашивали педагогов о том, есть ли у них потребность в получении знаний о способах формирования социального интеллекта. 100% респондентов дали положительный ответ, что доказывает необходимость деятельности по методическому сопровождению деятельности педагогов ДОО по формированию социального интеллекта старших дошкольников.

Анкетирование показало, уровень знаний педагогов о социальном интеллекте недостаточный, есть потребность в получении знаний по этой теме. Для эффективной методической работы также необходима

диагностика уровня социального интеллекта у дошкольников. В связи с этим была составлена программа методического сопровождения педагогов ДОО на учебный год. Программа включает следующие мероприятия:

1. Установочное семинарское занятие, на котором объявляется тема методической работы «Социальный интеллект: основа успешного старта», представляются результаты диагностики социального интеллекта детей, формулируются цели работы.

2. Кейс-занятие, нацеленное на отработку практических навыков по выявлению и коррекции проблем в социальном развитии дошкольников.

3. Открытое занятие «Мои друзья» (образовательная область: социально-коммуникативное развитие).

4. Тренинг «Эмпатия и ресурс педагога», целью которого является формирование понимания того, как быть примером для детей, развитие собственного социального интеллекта педагогов.

5. Методическая консультация «Невербальное общение», направленное на отработку конкретных упражнений и игр для занятий с детьми.

6. Мастер-класс «Социально-коммуникативная компетентность», предполагающий реализацию совместной деятельности педагогов по оформлению уголков эмоций» и подбору дидактических игр по развитию социального интеллекта старших дошкольников с учётом потребностей педагогов.

7. Проектная мастерская «Работа с родителями: как вовлечь семью в развитие социального интеллекта ребёнка», заключающаяся в разработке памяток, сценариев, совместных досугов и родительских собраний с учётом потребностей педагогического коллектива.

8. Консультативное занятие «Игровые технологии» в развитии социального интеллекта», направленное на обучение педагогов по использованию интерактивных материалов для составления игр по развитию социального интеллекта дошкольников.

9. Цифровая библиотека – создание картотеки готовых методических материалов для педагогов по формированию социального интеллекта дошкольников.

10. Проведение итогового круглого стола с педагогами, подведение итогов.

Согласно представленной выше программе, в течение учебного года проводятся мероприятия с педагогами, а педагоги, в свою очередь, проводят мероприятия с детьми, включая в планы занятий упражнения на развитие социального интеллекта. После завершения реализации всех

Всероссийская студенческая научно-практическая конференция

«Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации»

этапов программы планируется проведение повторной диагностики дошкольников для выявления эффективности проводимой работы.

Список источников

1. Емельянов Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. М.: Просвещение, 1995. 183 с.
2. Исмаилова Я. Д. Условия развития социального интеллекта у старших дошкольников // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 12(93). С. 1169–1174.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. М.: Просвещение, 2022. 36 с.
4. Ясюкова Л. А., Белавина О. В. Социальный интеллект детей и подростков. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 179 с.

Сведения об авторах

Хайбрахманова Рамиля Рафиловна, магистрант, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, g.khaybrakhmanova@mail.ru

Чалдышкина Наталья Николаевна, научный руководитель, канд. пед. наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, chaldyshkina_n_n@mail.ru

РАЗДЕЛ 5. ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 332.1(985)

Безрукавая У.Б., Воробьева Ю.С.

АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье исследуются отдельные вопросы, касающиеся Арктической зоны Российской Федерации, ее практики и перспективы развития. В настоящее время Арктика является приоритетным направлением развития у многих стран, в том числе и Российской Федерации. В указанной зоне сконцентрированы большие запасы полезных ископаемых и стратегически важные маршруты торговли, что выступает причиной притока резидентов, для которых важно наличие выгодных условий. Результаты проведенного в данной статье исследования могут быть использованы при формировании дальнейших стратегий развития отдельных инструментов Арктической зоны в Российской Федерации и совершенствовании механизмов управления для привлечения резидентов.

Ключевые слова: арктическая зона, экономика, государственная поддержка, резиденты, льготы, инвестиции

Актуальность развития Арктической зоны Российской Федерации обуславливается ее стратегической важностью и экономическим преимуществом. В последние годы Российская Федерация активно поддерживает совершенствование и модификацию данного региона как стратегического резерва страны. Арктическая зона является одним из главных логистических хабов не только для России, но и для других стран. Регион обеспечивает порядка 7% ВВП Российской Федерации [3]. Экономическое развитие Арктики – это формирование комплексной инфраструктурной системы, объединяющее не только добычу ресурсов, но и транспортировку в непрерывную цепочку.

Арктическая зона Российской Федерации в современной системе геополитических и экономических координат занимает особое, стратегическое значимое место. Это единственный регион России, который обеспечивает добычу более 80% природного газа и 17% нефти страны. Арктическая зона также играет немалую роль в обеспечении безопасности на северных рубежах страны. Вместе с тем, через регионы, входящие в

арктическую зону, проходит Северный морской путь - кратчайшая транспортная артерия между европейской частью государства и Дальним Востоком, чье значение в рамках нестабильной геополитической обстановки и переориентации внешнеторговых потоков возрастает многократно. Северный морской путь можно назвать аналогом Суэцкого канала. По причине суровых климатических условий и трудной транспортной доступности арктическая зона Российской Федерации развивается не так стремительно, как центральные регионы. Развитие арктических зон является одной из приоритетных задач экономической политики государства [4].

Арктическая зона Российской Федерации - сухопутные территории, определенные Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», а также прилегающие к этим территориям внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации [3].

В соответствии с указом Президента РФ №296 к территориям, составляющим Арктическую зону Российской Федерации, относятся следующие субъекты: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, а также отдельные районы Архангельской области, республики Карелия, республики Коми, республики Саха (Якутия), Красноярского края, земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане [5]. Помимо указанных выше субъектов, с 2024 года в состав АЗ Российской Федерации были включены два муниципальных района Ханты-Мансийского автономного округа - Югры.

Арктическая зона Российской Федерации занимает почти четверть территории всей России. Это самая протяженная морская граница страны - около 20 тыс. км. В Арктической зоне сосредоточены большие запасы нефти и газа, а также твердых полезных ископаемых (медь, уголь и др.). В 2023 году валовой региональный продукт Арктической зоны Российской Федерации, согласно расчётным данным на 2025 год (табл. 65), составил 9 675 726 047,7 тыс. рублей [6].

В Арктической зоне имеют место большие преимущества в виде льгот и других привилегированных условий, программ для развития бизнеса.

В данной статье рассматриваются существующие льготы и преференции в рамках программы Арктическая зона на примере конкретных регионов: Мурманская область и Чукотский автономный округ, как полярные модели макрорегионов (таблица 1).

Всероссийская студенческая научно-практическая конференция

«Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации»

Таблица 1 – Льготы, доступные резидентам Арктической зоны на территории Мурманской области и Чукотского автономного округа [7]

Льготы и преференции	Показатели в АЗРФ (Мурманская область)	Показатели в АЗРФ (Чукотский автономный округ)	Показатели в регионах без преференций АЗРФ
Налог на прибыль	5% первые 5 лет, 10% последующие 5 лет. (не распространяется на проекты в области добычи полезных ископаемых, производства сжиженного природного газа, а также переработки углеводородного сырья)	0% первые 5 лет, 10% последующие 5 лет (не распространяется на деятельность по добыче полезных ископаемых, производству СПГ, переработки УВС в товары, являющиеся продукцией нефтехимии)	20%
Налог на имущество	0% первые 5 лет, 1,1% последующие 5 лет	0% первые 5 лет, 1,1% последующие 5 лет	2,2%
Налог на землю	0% на 3 года	0% первые 5 лет, 0,75% последующие 5 лет (в зависимости от муниципального образования)	1,5%
Упрощенная система налогообложения (доходы-расходы)	5% первые 3 года, 10% последующие 3 года	5% первые 3 года, 10% последующие 3 года	15%

Анализируя вышеуказанные показатели, делаем вывод, что государственные льготы и преференции в регионах, находящихся в Арктической зоне, конкретно, в Мурманской области и Чукотском автономном округе, создают выгодные условия для развития малого и среднего предпринимательства, привлечения инвестиций резидентов. Они носят стимулирующий и структурообразующий характер, ускоряя модернизацию логистической и перерабатывающей инфраструктуры.

Ниже представлено сравнение ключевых показателей деятельности резидентов Арктической зоны РФ (АЗРФ) в двух регионах (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели деятельности резидентов Арктической зоны на территории Мурманской области и Чукотского автономного округа [8–14]

Показатель деятельности резидентов Арктической зоны	Мурманская область	Чукотский автономный округ
Количество резидентов	298	32
Общий объем заявленных инвестиций	около 270 млрд руб (фактически вложенных)	Около 125 млрд руб (фактически вложенных)
Создано/планируется рабочих мест	Создано около 5900 рабочих мест. Планируется - свыше 14600	Создано более 1800 рабочих мест. Планируется - свыше 12000
Отраслевая структура проектов	По данным Минвостокразвития России, отраслевой распределение резидентов АЗРФ в Мурманской области: туризм, сфера услуг, транспорт и логистика, недвижимость, производство строительных материалов. Среди наиболее капиталоемких - горнорудная промышленность, рыболовство, аквакультура.	Отраслевая специфика ЧАО определяется доминированием горнодобывающей промышленности и недропользования. Помимо этого, проекты реализуются в сферах: строительство, транспорт и логистика, авиаперевозки, сельское хозяйство.

Проанализировав данные, представленные в таблице, можем отметить, что государство при реализации программы Арктическая зона учитывает особенности каждого региона. Мурманская область более привлекательна для резидентов, так как уже развиты основные отрасли промышленности и инфраструктуры. В то время как Чукотский автономный округ не столь популярен среди резидентов ввиду своей транспортной труднодоступности и неразвитости инфраструктуры. Данный регион требует больших инвестиционных вложений, так как ведущей отраслью

промышленности является добыча полезных ископаемых. Однако такие объемы инвестиций могут позволить себе не все резиденты.

Проанализировав текущее расположение дел Мурманской области Арктической зоны, можем предложить для рассмотрения следующие варианты привлечения резидентов: создание промышленных парков с готовыми сетями для развития малого и среднего предпринимательства, сфокусироваться на туристической отрасли, гранты для социального бизнеса, подготовка кадров под конкретные проекты. Указанные меры помогут сбалансировать темпы развития тяжелой и легкой промышленности, развить туризм, образование и социальную сферу, что будет привлекать людей на постоянное место жительства данного субъекта и его посещения.

В отличие от Мурманской области, в Чукотском автономном округе предложения для привлечения резидентов будут следующие: субсидирование локальной энергетики для снижения издержек, так как энергетика работает на привозном дорогом топливе; изменить льготы по уплате налога на добычу полезных ископаемых для перерабатывающих проектов, а не добывающих; создание программ социального жилья, а именно, создание условий для привлечения и переезда людей, так как «опорные» населенные пункты не дают таких результатов, как средние города России, а вся «работа» осуществляется по вахтовому принципу; развитие инфраструктуры.

Таким образом, программа Арктическая зона является эффективным инструментом регулирования и развития государственной экономики Российской Федерации. Важно не сокращать программные условия, а продолжать поддерживать их.

Список источников

1. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 июля 2020 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2020 г. // Собр. законодательства РФ. 2020.

2. О северном завозе: Федер. закон Рос. Федерации от 4 авг. 2023 г. № 411-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 июля 2023 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 июля 2023 г. // Рос. газ. 2023. 7 авг.

3. Баттахов П. П. Инвестиции в Арктику: правовые аспекты // Журнал российского права. 2024. Т. 20, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-v-arktiku-pravovye-aspekty> (дата обращения: 13.03.2026).

4. Головина Т. А., Авдеева И. Л., Матвеев В. В. Государственное стимулирование «зелёных» инвестиций в системе финансирования технологических проектов Арктической зоны // Вестник Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-stimulirovanie-zelenyh-investitsiy-v-sisteme-finansirovaniya-tehnologicheskikh-proektov-arkticheskoy-zony> (дата обращения: 13.03.2026).

5. Шавина Е. В., Прокофьев В. А. Потенциал развития арктических регионов России // Геоэкономика энергетики. 2020. Т. 10, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-razvitiya-arkticheskikh-regionov-rossii> (дата обращения: 13.03.2026).

6. Федеральная служба государственной статистики. Календарь публикации официальной статистической информации о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации в 2025 году [Электронный ресурс] : (в соответствии с разделом 1. «Росстат» Федерального плана статистических работ). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/calendar1_2025.htm (дата обращения: 03.03.2026).

7. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики - Раздел: Арктическая зона Российской Федерации / Льготы для резидентов АЗРФ URL: <https://erdc.ru/about-azrf/#> (дата обращения: 13.03.2026).

8. Правительство Мурманской области. Мурманская область – регион возможностей: абсолютный лидер в АЗРФ по объёму инвестиций и количеству резидентов. 27.08.2025. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/552404/> (дата обращения: 18.04.2026).

9. Министерство информационной политики Мурманской области. Отчёт губернатора Андрея Чибиса: Мурманская область остаётся лидером по инвестициям и количеству резидентов в Арктической зоне РФ. 28.05.2025. URL: <https://mininform.gov-murman.ru/info/news/547519/> (дата обращения: 18.04.2026).

10. Министерство развития Арктики и экономики Мурманской области. АЗРФ и TOP «Столица Арктики» : реестр резидентов и нормативная база. URL: <https://minec.gov-murman.ru/activities/news/> (дата обращения: 18.04.2026).

11. Минвостокразвития России. Арктическая зона Российской Федерации: условия преференциального режима и реестр резидентов. – URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

12. Инвестиционный портал Чукотского автономного округа. Условия преференциальных режимов для бизнеса. URL: <https://invest-chukotka.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

13. Департамент экономики и инвестиций Чукотского автономного округа. Преференциальные режимы и статистика резидентов. URL: <https://dep.invest-chukotka.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

14. Инвестиционный портал Арктической зоны России (Arctic Russia). Инвестиционные проекты и данные о резидентах. URL: <https://arctic-russia.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

Сведения об авторах

Безрукавая Ульяна Борисовна, курсант, Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, ulyanabezrukavaya@yandex.ru

Воробьева Юлия Сергеевна, курсант, Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, vorobeva.julia2017@gmail.com

Шибанова Анна Анатольевна, научный руководитель, канд. экон. наук, майор юстиции, Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, a.shubanova@mail.ru

УДК 930

Беркалиев А.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861- 1917 ГГ.)

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные, в указанный период истории Российской Империи, предпосылки для проведения реформ в системе образования. Выделяются несколько основных аспектов: социальные, политические и экономические факторы, которые повлияли на модернизацию системы образования. Также дается субъективная оценка на их проведение. Приводятся мнения современников и отечественных специалистов нашего времени. Также автор затрагивает проблему женского образования. Сделан вывод, что образование в этот период стало фундаментом модернизации, а реформы – необходимым ответом на вызовы эпохи.

Ключевые слова: реформа, период, аспект, оценка, мнение

Период истории России, начиная с начала 60-х годов XIX в., считается определенным реформаторским этапом в системе образования. Образовательная деятельность непрерывно связана с изменениями с другими социально-экономическими, политическими сферами общества. Проводимая образовательная политика государства было направлено не только на улучшение состояние общества, а также предметом укрепления и развития международных связей. Поскольку модель развития образования западноевропейских государств отличалась от отечественной, появляется необходимость создания либеральной образовательной политики [Аллагулов, Рындак, 2010].

При Александре II начинается эпоха формирования массового среднего образования. Изменения, происходившие в стране во второй половине XIX в., (крестьянская, военная, земская и судебная реформы) затронуло и образование.

В.Я. Стоюнин, педагог и публицист XIX в., отмечал, что одной из причин поражения в Крымской войне можно считать малообразованность русского общества: «... появилась надежда, что «новое воспитание даст нам отличных людей, деятельных граждан, прекрасных специалистов» [Стоюнин, 1892, с. 325].

Политические предпосылки:

Отмена крепостного права. Считается одной из главных причин реформирования системы образования. Это изменило экономическое положение России, что вело к необходимости модернизации и других сфер общественной жизни, помимо образования;

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. После ее окончания руководство страны пошло некоторую «демократизацию» высшей школы;

Создание муниципалитетов (органов местного самоуправления). В их компетенции входили вопросы сферы образования. Так, «Положение о народных училищах» 1864 г. имел определенный пункт, который позволял частным лицам, городским и сельским организациям создавать и учреждать школы для получения населением начального образования. Данный пункт позволял ускорять темпы преодоления безграмотности населения, путем устранения монополии государства на начальное образование [Селютина, Холодов, 2022].

Экономические предпосылки: Рост промышленности. Внедрение техники, станков, специального оборудования требовало от государства подготовленных специалистов. В связи с чем, появляется необходимость увеличения народного образования.

Социальные предпосылки: Общественное движение. Как известно, вторая половина XIX в. характеризовалась революционными движениями

общества. В том числе народ требовал преобразования школы, ее демократизации и общего просвещения государства;

Женское образование. Преобразования системы образования коснулись и женщин. Социально-экономические, политические и культурные сферы общества расширяла функции и компетенции женщин. Возникает потребность в организации и распространении женского образования. В мае 1860 г. было утверждено «Положению о женских училищах», имевшее большое значение в модернизации женского профессионального образования в России. При публикации «Положения» количество женских училищ увеличилась в 2 раз – появилось 25 учебных заведений. В 1861 г. было открыто еще 32 учебных заведения; в 1862 году – увеличилось на 13 [Косетченкова, 2011, с. 157–164].

Социально-экономическое и политическое положение в государстве привело к тому, что увеличился рост общественно-педагогического движения. В XIX в. в столице создается «Лига образования» из коллектива бывшего комитета грамотности. Весной 1906 г. прошло несколько учредительных собраний, на которых был принят проект устава Лиги, а в 1907 г. он официально утверждается. В состав комитета вошли видные деятели того времени, среди которых были: В.Я. Аврамов, Н.Н. Бекетов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.А. Венгеров, И.Я. Герд, и др. Цель «Лиги» – объединение и координация деятельности педагогических и просветительных организаций в государстве; задачи «Лиги» - учреждение научных и просветительских организаций.

Социально-экономическое и политическое положение в государстве требовало и реформирования среднего образования. Основой преобразований предполагалось положить идеи Н.И. Пирогова о познании и воспитании «внутреннего человека». В результате реформы системы среднего образования начинался новый этап в жизни общества. Реформой среднего образования 1864 г. создавалась система всеобщего среднего образования. Реформа предполагала длительный период обучения и разделение учащихся по возрастам.

К реформам, проводимым при Александре II, Александре III и Николае II во второй половине XIX – начале XX в., было приковано немало внимания со стороны ученых-исследователей. Они проводились в различных сферах общественной жизни: социальной, экономической, образовательной. [Поздняков, 2012].

Также в отечественной истории обсуждалось мнение об опасности реформирования образования. М.В. Богуславский, специалист в сфере образования, публицист, автор монографии «Великие наставники русского учительства XVIII–XIX вв.» отмечал, что «вся политика самодержавия, во второй половине XIX в. была направлена на поиск его

оптимального варианта, т.е. гарантирующего возможность модернизации страны при сохранении стабильности государства». Эксперты, видевшие в модернизации системы образования, угрозу государственному устоям оказалась неоправданной [Богуславский М.В., 2006, с. 10–19].

Пореформенный период в истории России стал переходным этапом в системе образования от архаичной к более гуманитарной системе, ориентированной на Западные государства, на развитие общества. В условиях быстро изменяющихся социальных, политических и экономических факторов внутри государства, образование становилось основополагающим фундаментом модернизации общества, а его реформы - необходимым ответом на вызовы эпохи, несмотря на различающиеся мнения специалистов на этот счет.

Список источников

1. Аллагулов А. М., Рындак В. Г. Образовательная политика в России во второй половине XIX – начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaia-politika-v-rossii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 10–19.
3. Косетченкова Е. А. Эволюция женского профессионального образования в официальной образовательной системе страны (конец XIX – начало XX веков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 20. С. 157–164. URL : <https://e.lanbook.com/journal/issue/288881> (дата обращения: 22.12.2025).
4. Поздняков А. Н. Образовательная реформа Александра II: оценки в исторических сочинениях конца XIX начала XX века // Изв. Саратов. ун -та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaia-reforma-aleksandra-ii-otsenki-v-istoricheskikh-sochineniyah-kontsa-xix-nachala-xx-veka> (дата обращения: 16.12.2025).
5. Селютина Е. Н., Холодов В. А. Начальное образование в российской империи пореформенного периода: деятельность земств и законодательная регламентация // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 4.
6. Стоюнин В. Я. Педагогические сочинения. / Мысли о наших гимназиях (1860). СПб.: Типография училища глухонемых, 1892. 325 с.

Сведения об авторах

Беркалиев Артём Алексеевич, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, berkaliev-aa@rudn.ru

Григорьева Наталия Анатольевна, научный руководитель, д-р ист. наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, grigoryeva-na@rudn.ru

УДК 930.1

Брит А.А.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО – ПРИРОДА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье анализируется эволюция представлений о взаимодействии в системе «человек – общество – природа» в отечественной и зарубежной историографии XIX–XXI вв. Выделены основные этапы изучения проблемы, определены факторы смены научных подходов и охарактеризован вклад ведущих исследователей. Показан переход от частных наблюдений к системным, коэволюционным и эколого-историческим концепциям.

Ключевые слова: человек, общество, природа, экологическая история, историография, устойчивое развитие

Проблема взаимодействия в системе «человек – общество – природа» относится к числу наиболее значимых направлений современного научного знания. Усиление антропогенной нагрузки на окружающую среду, истощение ресурсов, климатические изменения и нарастающий экологический кризис обостряют необходимость обращения к историческому опыту осмысления взаимоотношений человека, общества и природы. Вследствие этого изучение историографии данной проблемы представляет интерес не только с точки зрения истории науки, но и как способ выявить те исторические концепции, в рамках которых человечество пыталось объяснить собственное место в природном мире. Экологическая история как междисциплинарное направление оформилась сравнительно поздно, однако предпосылки её возникновения формировались на протяжении длительного времени. Именно поэтому

исследование эволюции научных представлений о системе «человек – общество – природа» требует обращения к разным этапам развития исторической, философской, географической и экологической мысли.

Данная статья имеет целью проследить развитие научных представлений о взаимодействии человека, общества и природы в отечественной и зарубежной историографии XIX–XXI вв. Материалы исследования представлены работами отечественных и зарубежных авторов, рассматривавших различные аспекты данной проблемы. Методологическую основу работы составили проблемно-хронологический метод, метод периодизации, ретроспективный метод, а также сравнительно-исторический и хронологический методы. Их применение позволило проследить смену исследовательских парадигм, выделить основные этапы изучения проблемы и определить факторы, повлиявшие на формирование характерных для каждого периода концепций.

Истоки научного осмысления взаимодействия в системе «человек – общество – природа» восходят к XIX столетию. Этот период можно определить как этап накопления эмпирического материала и выработки исходных представлений о роли природной среды в развитии общества. Характер исследований того времени определялся несколькими важными факторами: быстрым развитием естественных наук, ростом интереса к географии и этнографии, последствиями промышленной революции, а также стремлением исследователей обнаружить объективные закономерности исторического процесса. В центре внимания находился прежде всего природный фактор как условие существования и исторической эволюции общества.

В отечественной исторической науке XIX века важное место в осмыслении природного фактора занимал С. М. Соловьёв. Он рассматривал природные условия как один из факторов исторического развития Руси, связывая особенности общественной эволюции с пространством, климатом и общим характером среды [Соловьёв, 1988, т. 1, с. 56–73]. Тем самым в русской исторической мысли была заложена важная основа для дальнейшего осмысления зависимости исторического процесса от природных условий.

Параллельно в зарубежной мысли существенную роль сыграл Джордж Перкинс Марш. В книге «Man and Nature» он одним из первых поставил вопрос о масштабе изменений, вызываемых человеческой деятельностью в природной среде, и об опасностях неосторожного вмешательства в её естественные связи [Marsh, 1864, Preface]. Опираясь на исторические и географические наблюдения, Марш показывал, что вырубка лесов, деградация почв и изменение водного режима способны приводить к

крупным общественным последствиям. Тем самым он обратил внимание на долгосрочные результаты воздействия человека на природные системы.

Одним из ранних исследователей, стремившихся осмыслить взаимодействие человека, общества и природы как целостный процесс, был С. А. Подолинский. В работе «Труд человека и его отношение к распределению энергии» он связал человеческий труд с перераспределением энергии в природе и обществе, показывая, что хозяйственная деятельность человека не сводится к простому потреблению ресурсов, а включена в более широкий энергетический обмен [Подолинский, 1991]. Тем самым Подолинский не только подвёл к осмыслению проблемы рационального природопользования, но и предвосхитил более поздние представления о зависимости хозяйственной деятельности от природных ограничений. Его подход формировался в условиях возраставшего интереса к экономическим закономерностям общественного развития. Поэтому в центре его внимания находились не только природные ресурсы, но и труд как посредник между человеком и природной средой.

В. О. Ключевский, в свою очередь, ещё более отчётливо подчеркнул значение географических условий в истории России, связывая её историческую судьбу с ролью леса, степи и реки [Ключевский, 1987, с. 63–89]. Хотя его труды не были специально посвящены проблеме экологической истории, они существенно расширили представления о воздействии природной среды на общественное развитие. Тем самым к концу XIX века в отечественной историографии всё более ясно обозначалась мысль о необходимости учитывать природный фактор при объяснении исторических процессов.

Существенный вклад в развитие представлений о взаимосвязи природных компонентов внёс В. В. Докучаев. В работе «К учению о зонах природы» он подчёркивал, что именно «соотношения» и «закономерные взаимодействия» между силами, телами и явлениями природы составляют «сущность познания естества» [Докучаев, 1899, с. 5–6]. Тем самым Докучаев подводил науку к пониманию того, что природная среда должна рассматриваться как целостная система, а не как совокупность изолированных элементов. Его идеи имели особое значение в условиях активного освоения степных пространств, кризисных явлений в земледелии и поиска научных основ рационального природопользования. Именно в этом контексте исследовательская мысль постепенно переходила от описания отдельных природных условий к более сложному анализу связей между природой и обществом.

Таким образом, первый период в изучении проблемы можно определить как время, когда формировались исходные представления о зависимости исторического процесса от природных условий и о значении географической среды в развитии общества.

Следующий этап был связан с переходом от накопления наблюдений и частных объяснений к формированию более целостных системных концепций. Он складывался в первой половине XX века под влиянием развития естествознания, роста индустриализации, усиления техногенного воздействия на природу и кризиса классических представлений о месте человека в мире.

Центральной фигурой этого периода стал В. И. Вернадский, который в работе «Биосфера и ноосфера» показал, что человечество не существует вне природной оболочки Земли, а выступает мощной геологической силой, способной преобразовывать биосферу [Вернадский, 1989, с. 6–7]. Его идея ноосферы означала качественно новый этап в развитии научной мысли: человек переставал мыслиться лишь как потребитель ресурсов и начинал рассматриваться как субъект планетарного масштаба, от деятельности которого зависит дальнейшая эволюция биосферы. Значение концепции Вернадского заключалось не только в её естественнонаучном содержании, но и в новом методологическом подходе, утверждавшем представление о двустороннем характере взаимодействия общества и природы. Именно это сделало возможным дальнейшее развитие идей коэволюции, экологической ответственности и пределов техногенного роста.

В зарубежной мысли важнейшим рубежом стало появление книги Рейчел Карсон «*Silent Spring*» [Carson, 1962]. Эта работа имела большое значение не только как научно обоснованное публицистическое выступление, но и как общественный вызов индустриальной модели взаимодействия человека и природы. Карсон показала, что технический прогресс, не ограниченный экологическими требованиями, способен разрушать природные системы и создавать угрозу самому человеку, в том числе через загрязнение среды и пищевых цепей. Тем самым в историографии проблемы всё более заметным становился переход от абстрактного осмысления связи природы и общества к анализу конкретных последствий техногенного вмешательства. В сочетании с идеями Вернадского это свидетельствовало об укреплении системного взгляда на единство природных и социальных процессов.

Третий этап охватывает 1960–1990-е гг. и связан с интенсивным развитием комплексных экологических и междисциплинарных подходов. Переход к этому этапу был обусловлен новыми факторами: глобализацией экологических угроз, деятельностью Римского клуба,

ростом тревоги по поводу пределов экономического роста, а также институционализацией экологической проблематики в науке. В этот период особую роль сыграли исследователи, стремившиеся соединить философский, экономический, экологический и исторический уровни анализа.

В советской науке значимый вклад в разработку данной проблематики внёс Т. С. Хачатуров. Его исследования были направлены на то, чтобы соединить хозяйственную эффективность с рациональным использованием материальных и природных ресурсов [Хачатуров, 1985]. Тем самым в советской экономической мысли всё отчётливее утверждалось представление о необходимости учитывать экологические ограничения в процессе хозяйственного развития.

Одним из значимых мыслителей этого времени был Ханс Йонас. В «Принципе ответственности» он сформулировал этическую программу для технологической цивилизации, согласно которой современный человек обязан учитывать отдалённые последствия своих действий по отношению к природе и будущим поколениям [Йонас, 2004]. Тем самым проблема взаимодействия общества и природы всё более явно выходила за пределы естественнонаучного и экономического дискурса и приобретала выраженное нравственное измерение. Это было особенно важно в условиях, когда масштабы технологического воздействия на природу делали даже локальные ошибки потенциально глобально опасными.

Другим важным исследователем был Н. Ф. Реймерс. В работе «Экологизация. Введение в проблематику» он рассматривал взаимоотношения человека и природы как систему взаимосвязанных экологических, хозяйственных и социальных процессов [Реймерс, 1992]. В отличие от Вернадского, акцентировавшего преимущественно естественнонаучный аспект проблемы, и Хачатурова, сосредоточенного на её экономической стороне, Реймерс стремился к её целостному системному осмыслению. Именно поэтому его подход занимает важное место в историографии изучения взаимодействия общества и природы.

Параллельно с этим во второй половине XX века складывались предпосылки историографического изучения данной проблематики. Важной вехой стала работа И. В. Крутя и И. М. Забелина «Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества», в которой был предпринят специальный анализ эволюции научных взглядов на проблему [Круть, Забелин, 1988]. Это означало, что вопрос о взаимодействии человека и природы стал восприниматься не только как объект естественнонаучного или социального исследования, но и как самостоятельная тема истории науки.

С развитием системных представлений тесно связана и концепция Н. Н. Моисеева. Развивая идеи Вернадского, он выдвинул представление о коэволюции человека и биосферы как совместном развитии природных и социальных систем [Моисеев, 1999]. При этом Моисеев подчёркивал, что дальнейшее существование цивилизации возможно лишь при выработке экологического императива, ограничивающего разрушительное вмешательство в природную среду [Моисеев, 1999]. Таким образом, в третий период проблема взаимодействия в системе «человек – общество – природа» приобрела отчётливо выраженный глобальный масштаб. На первый план вышли идеи системности, ответственности, коэволюции и необходимости нормативного регулирования отношений между обществом и природой.

Современный, четвёртый этап охватывает конец XX – начало XXI вв. Его специфика определяется одновременным развитием специализированных исследований и стремлением к междисциплинарному синтезу. Причинами перехода к этому этапу стали глобализация экологических проблем, распространение идеи антропоцена, институциональное оформление экологической истории, а также рост интереса к региональным и локальным сюжетам, позволяющим конкретизировать общие теоретические модели.

Важное место в современной научной дискуссии занимает осмысление устойчивого развития как формы согласования интересов общества и природы. А. П. Назаретян, развивая идею техно-гуманитарного баланса, показал, что рост технологических возможностей общества должен сопровождаться развитием культурных и нравственных механизмов самоконтроля, иначе цивилизация сталкивается с разрушительными кризисами [Назаретян, 2001, с. 47–49]. Тем самым современное изучение проблемы всё более отчётливо соединяет экологический, исторический, культурный и цивилизационный уровни анализа.

К. В. Папенков рассматривал систему «человек – природа – общество» как пространство современного кризиса и одновременно поиска новых форм равновесия [Папенков, 2007, с. 1–3]. Его подход показателен для рубежа XX–XXI вв., когда экологическая проблематика всё чаще осмыслялась через категорию устойчивого развития и необходимость согласования хозяйственных, социальных и природных интересов.

Одним из заметных направлений современной мысли стала социоестественная история, разработанная Э. С. Кульпиным. В его концепции общество и природа рассматриваются не как внешние друг другу сущности, а как взаимосвязанные элементы единого исторического процесса [Кульпин, 2008, с. 7–24]. Кульпин показывал, что кризисы цивилизаций имеют не только социально-экономическое, но и природное

измерение, а потому объяснение исторических переломов требует учёта экологических ограничений, системы ценностей и механизмов адаптации общества. В этом смысле его подход стал важным шагом к преодолению узкого социального детерминизма и к выработке более целостной модели исторического анализа.

Среди зарубежных исследователей экологической истории России важное место занимает Дэвид Мун. На материале евразийских степей он показал продуктивность экологического подхода к изучению традиционных исторических сюжетов, связанных с освоением природной среды и хозяйственной деятельностью человека [Moon, 2013]. Тем самым современная историография проблемы всё активнее обращается к конкретным регионам и историческим случаям.

Значительный вклад в разработку регионального аспекта экологической истории внёс Е. И. Гололобов. На материале Сибирского Севера он показал, что современные экологические проблемы региона имеют глубокие исторические корни и должны изучаться через историю хозяйственного освоения, природопользования и источниковую базу экологических исследований [Гололобов, 2018]. Таким образом, общие положения экологической истории проверяются и уточняются на конкретном региональном материале.

Итак, историография проблемы взаимодействия в системе «человек – общество – природа» отражает переход от первых наблюдений о роли природной среды в истории к целостному пониманию взаимосвязи природных и социальных процессов. В XIX–XXI вв. исследовательские подходы эволюционировали от природно-географических и экономико-энергетических интерпретаций к системным, коэволюционным и эколого-историческим моделям. При этом отечественная и зарубежная традиции развивались во многом параллельно, хотя российская наука в большей степени ориентировалась на теоретико-философское осмысление проблемы, а западная – на конкретно-исторические исследования. Перспективы дальнейшего изучения связаны с развитием региональной экологической истории и расширением междисциплинарных подходов.

Список источников

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера [Электронный ресурс]. URL : <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/vernadsky.pdf> (дата обращения: 09.03.2026).
2. Гололобов Е. И. Экологическая история Сибирского Севера. XX век: поиск и анализ источников. Сургут: СурГПУ, 2018. 156 с.
3. Докучаев В. В. К учению о зонах природы // Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб., 1899. С. 1–28.

4. Йонас Х. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klex.ru/o36> (дата обращения: 09.03.2026).

5. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Сочинения: в 9 т. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://nasledie46.ru/wp-content/uploads/2024/12/Том-1_ocr.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

6. Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М.: Наука, 1988. 416 с.

7. Кульпин Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени [Электронный ресурс] // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 1. С. 7–24. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

8. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? [Электронный ресурс]. URL : http://www.ccas.ru/manbios/kak_daleko_r.html (дата обращения: 09.03.2026).

9. Назаретян А. П. Технология, психология и антропогенные катастрофы: к изучению устойчивых зависимостей [Электронный ресурс]. URL : https://www.socionauki.ru/journal/files/iis/2012_1/043-069.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

10. Папенков К. Система «Человек - природа - общество»: современные проблемы и перспективы развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-chelovek-priroda-obschestvo-sovremennye-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 09.03.2026).

11. Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии [Электронный ресурс]. URL : http://az.lib.ru/p/podolinskij_s_a/text_1880_trud.shtml (дата обращения: 09.03.2026).

12. Реймерс Н. Ф. Экологизация. Введение в проблематику [Электронный ресурс]. URL : https://www.studmed.ru/reymers-nf-ekologizacija-vvedenie-v-problematiku_93c1f08cb80.html (дата обращения: 09.03.2026).

13. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL : <https://djvu.online/file/2IJ5J3qUgGiR1> (дата обращения: 09.03.2026).

14. Хачатуров Т. С. Материальные ресурсы: рациональное использование и экономия. М.: Экономика, 1985. 375 с.

15. Carson R. Silent Spring. Boston: Houghton Mifflin, 1962. 368 p.

16. Marsh G. P. Man and Nature; or, Physical Geography as Modified by Human Action [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/37957/37957-h/37957-h.htm> (дата обращения: 09.03.2026).

17. Moon D. The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914. Oxford: Oxford University Press, 2013. URL: <https://academic.oup.com/book/33059> (дата обращения: 09.03.2026).

Сведения об авторах

Брит Александр Александрович, студент, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, 117ba@mail.ru

Шульга Евгений Павлович, научный руководитель, канд. ист. наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, EShulga@surgpu.ru

УДК: 342.5; 352/353.

Володин В.А.

**К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ СТАТУСЕ
АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. Статья направлена на обоснование основополагающей роли администрации муниципального образования в прогрессивном механизме публичной власти субъекта Российской Федерации. Автором выделяются актуальные аспекты законодательных преобразований, способствующие определению современного правового статуса местного исполнительно-распорядительного органа. Кроме того, в заключительной части сформировано представление о дальнейшем векторе взаимодействия рассматриваемого органа с иными элементами системы публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, местная администрация, муниципальное образование, правовой статус

Вопрос о текущем состоянии и комплексном развитии муниципальных органов в едином очертании публичной власти субъекта Российской Федерации, по прошествии года с момента принятия профильного Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33), является весьма актуальным и заслуживает проведения полноценного, всестороннего и достаточно обширного

исследования. Как ранее подметил В.Б. Зотов, «действующая в России система местного самоуправления нуждается в дальнейшем совершенствовании» [Зотов, 2021, с. 52], так и сегодня процесс консолидации органов публичной власти способствует долгосрочному укреплению единого направления развития в ходе реализации совместных проектов. Особое внимание в этой части заслуживает цифровое сотрудничество, направляющим вектором которого выступает Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 г. № 637-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации государственного управления».

Современный период в пределах проводимого исследования предлагается обозначить с момента принятия поправок к Конституции РФ 2020 года, когда по утверждению Ю.Е. Курилюк, «система местного самоуправления впервые на нормативном уровне была встроена в вертикаль государственной власти» [Курилюк, 2022, с. 31]. Стоит отметить, что указанное мнение носит дискуссионный характер в связи с многообразным пониманием публичного механизма и расположения в нём института местного самоуправления, по своей природе не входящего в государственный сектор. Осмысляя теоретические основы, П.П. Баранов затрагивает вопрос частичной реорганизации уровней власти с преобладающей позиции управляемости, зависимости и подчиненности местного уровня [Баранов, 2025, с. 55]. Заключение В.И. Селютин, что «местное самоуправление не может быть более развито, чем все другие структуры политической системы» [Селютин, 2022, с. 21], подчеркивает его системное положение. Одновременно с этим, на наш взгляд, качественное взаимодействие в первую очередь необходимо наладить на уровне муниципальных образований, где коммуникационные процессы с гражданами наиболее развиты.

Предлагается рассмотреть данную теорию детально на одном из обязательных муниципальных органов, который призван решать вопросы, связанные с непосредственным обеспечением жизнедеятельности населения. Значимый интерес подкрепляет переход к одноуровневой системе местного самоуправления, влияющий как на понимание структурного положения местной администрации, так и кардинально перестраивающий внутреннюю деятельность органа, имеющего свою индивидуальную территориальную особенность в каждом муниципалитете.

По убеждению Н.М. Ребровой, для совмещения процессов укрупнения и установления одноуровневой модели выступает распространенный способ перехода к муниципальным округам [Реброва, 2025, т. 18, с. 130]. В.К. Павлюченко, характеризуя предстоящие изменения, указывает на

возможное упрощение системы уровней власти. Автор считает, что благодаря переходу к одноуровневой системе местного самоуправления исчезнет практика перекладывания ответственности с одной администрации на другую [Павлюченко, 2025, с. 48]. Централизованный подход к организации деятельности видится нам также предпочтительным, и определяющую роль в данном направлении занимает вопрос повышения доступности взаимодействия в электронном формате.

Помимо изменений, связанных с укрупнением муниципальных образований, представляется благоразумным кратко охарактеризовать коррективы в должностном определении главы местной администрации. Принимая во внимание ч. 3 ст. 19 и ч. 5 ст. 26 ФЗ № 33, совмещение должности главы муниципального образования с постом главы местной администрации, по нашему мнению, будет иметь приоритетный характер. Вовлечённость лица, замещающего государственную должность субъекта Российской Федерации и одновременно выступающего руководителем муниципального органа, окажет положительный эффект и активизирует исполнительно-распорядительные процессы в территориальном образовании.

Достоверным на этот счет является мнение Н.С. Тимофеева о надуманности представления, согласно которому государственный и муниципальный уровни в рамках организации публичной власти воспринимаются как противоположные и соперничающие друг с другом [Тимофеев, 2023, с. 25]. В этой связи Т.Н. Михеева целесообразно задалась вопросом о законодательной интерпретации единой системы власти [Михеева, 2023, с. 124]. Мы солидарны с новаторским предложением о необходимости нормативно-правовой регламентации рассматриваемого института в контексте отдельного федерального закона. Более того, следует четко определить составляющие элементы публичной власти, отражая при этом их внутреннее правовое предназначение. Без необходимой конкретики базовых основ возникают определенные сложности не только при общем осмыслении жизнедеятельности системы в аспекте её функционального единства, но и при детальном рассмотрении каждого из элементов.

Обобщая вышеизложенное, следует сделать вывод о совершенствовании деятельности муниципальных исполнительно-распорядительных органов, несмотря на их количественное сокращение при реформировании местного самоуправления. Исходя из успешного опыта перехода к муниципальным округам на территории Республики Марий Эл, необходимо выделить позитивную тенденцию образования территориальных отделов на прежних местах расположения

администраций поселений. Это означает, что решение конкретных вопросов не будет зациклено в границах одного поселения, а перейдет в компетенцию администрации муниципального округа, что открывает дополнительные возможности для плодотворного взаимодействия с сохранением привычных способов коммуникации для граждан. Кроме того, реализация национальной цели по цифровизации государственного и муниципального управления, где местная администрация выступит ключевым органом, выражающим мнение населения о результатах проводимых реформ, по нашему мнению, задаст курс на новый этап развития системы публичной власти в субъектах Российской Федерации.

Список источников

1. Баранов П.П. Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 53–62.
2. Зотов В.Б. Роль местного самоуправления в развитии российского государства на современном этапе: проблематический и прогностический анализ, рекомендации // Муниципальная академия. 2021. № 1. С. 44–53.
3. Курилюк Ю.Е. О проблемах определения местного самоуправления и его полномочий в единой системе публичной власти // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 3. С. 29–35.
4. Михеева Т.Н. К вопросу о понятии института публичной власти // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 121–126.
5. Павлюченко В.К. Реформа местного самоуправления: некоторые возможности и ограничения // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 1. С. 46–51.
6. Реброва Н.М. Основные тенденции в развитии территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2025. Т. 18. № 2. С. 125–135.
7. Селютин В.И. Местное самоуправление в системе публичной власти: историко-политологический подход // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2022. № 2. С. 18–21.
8. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление в системе единой публичной власти // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 2. С. 24–49.

Сведения об авторах

Володин Василий Алексеевич, аспирант, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, lawyer.volodin@bk.ru

Михеева Татьяна Николаевна, научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор, Марийский государственный университет, Россия, TNMiheeva14@mail.ru

УДК: 342.5; 351/354

Володина Ю.М.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению влияния информационных технологий на взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в процессе предоставления социально значимых услуг в электронной форме. Автором выделяются некоторые аспекты сотрудничества, на которых следует заострить внимание при формировании подхода к дальнейшему развитию цифровых технологий в указанной сфере. В заключительной части статьи сформировано авторское представление о роли цифровизации в оказании электронных государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: современные технологии, цифровизация, электронное взаимодействие, государственные и муниципальные услуги

На современном этапе развития информационных технологий и масштабного внедрения инструментов искусственного интеллекта трудно отрицать факт того, что электронные сервисы обмена информацией за последние несколько лет не только значительно упростили коммуникативное общение, но и стали полноценным механизмом сотрудничества граждан с органами публичной власти. Благодаря всесторонней поддержке информационных технологий в государственном и муниципальном секторе процесс получения услуг стал доступнее для многих категорий граждан и возможности для совершенства с каждым днем продолжают расширяться. Об этом свидетельствует направление государственной политики. Как совершенно верно подметил В.И. Голованов, «электронный портал Госуслуг за эти годы стал реальным связующим звеном жителей с органами власти» [Голованов, 2022, с. 45] и особое достижение в этой части, на наш взгляд, проявляется в плодотворном взаимодействии при решении повседневных задач,

реализация которых теперь не является чем-то сложным и времязатратным для граждан.

Движущей силой совершенствования названного механизма выступает Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», которым к 2030 году установлено увеличение целевого показателя до 99% доли предоставления массовых социально значимых электронных услуг в рамках цифровой платформы. Несомненно, в процессе их предоставления в указанной форме возникают определенные вопросы управленческого, организационного, технологического и социального характера [Васильева, 2021, с. 256], которые важно реализовывать поэтапно и спешность, по нашему мнению, в данном случае не является стимулирующим фактором для скорейшего внедрения запланированных нововведений.

Обращаясь непосредственно к роли передовых технологий в предоставлении социально значимых услуг, заслуживает внимание положение З.Э. Сабировой, которая характеризует цифровую трансформацию как «важнейший тренд развития современного информационного общества» [Сабирова, 2021, с. 51]. Одновременно с этим немаловажным сдерживающим фактором является примитивное нежелание некоторых граждан использовать удалённые форматы взаимодействия с органами власти [Кузьмищев, 2024, с. 99]. Возможно предположить, что уровень доверия к удаленной модели общения в достаточной степени ещё не сформирован и необходимо время для комплексного перехода на альтернативный порядок сотрудничества.

По справедливому замечанию И.А. Андроняк большая часть нерешённых проблем, связанных с организацией предоставления услуг, наблюдается на уровне муниципальных образований [Андроняк, 2021, т. 29, с. 79]. Учитывая рассмотренные Д.В. Мамаевой и Т.В. Ялялиевой недостатки на примере деятельности АУ Республики Марий Эл «Дирекция МФЦ», концентрирующиеся в большей мере на кадровых и технических проблемах [Мамаева, Ялялиева, 2022, с. 57], разумно поддержать вектор активной заинтересованности населения в преимущественном выборе электронного взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

Подчеркивая актуальность электронных сервисов Н.В. Киселева выделяет сильные стороны указанного сотрудничества, к приоритетным из которых на наш взгляд следует отнести увеличение скорости и качества их предоставления [Киселева, 2021, т. 6, с. 74]. Без сомнения, стоит признать, что получение скорейшего ответа (справки или выписки) в электронном виде зачастую является сутью обращения и все

сопутствующие процедуры должны быть максимально понятны для населения, чтобы конечный результат был конкретным и не оттягивался на неопределенный срок.

Анализируя нынешнее состояние предоставления рассматриваемых услуг в аспекте электронной (цифровой) демократии, А.С. Лолаева выдвигает предложение «о возможности формирования института уполномоченного по правам заявителей» [Лолаева, 2021, с. 95]. Данное видение представляется нам благоразумным и утвердительным, так как количество обращений с введением электронной коммуникации значительно увеличилось и необходимость усиления регламентации при защите прав заявителей выступает одним из приоритетных направлений развития.

Таким образом, следует сделать вывод, что развитие цифровых технологий в механизме предоставления социально значимых услуг в настоящее время выступает незаменимым инструментом взаимодействия граждан с органами публичной власти, а модернизация средств коммуникации обусловлена не только новомодным трендовым направлением, но и является одной из перспективных национальных целей развития страны на долгосрочный период. Полагаем, что предстоящие нововведения укрепят внутреннее сотрудничество и будут способствовать повышению уровня и качества взаимодействия, отвечая при этом объективным запросам со стороны населения муниципальных образований.

Список источников

1. Андроняк И.А. О некоторых путях развития правового обеспечения механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме // *Власть*. 2021. Т. 29. № 5. С. 79-83.
2. Васильева Я.В. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг // В сборнике: *Глобализация науки и техники в условиях кризиса. Материалы XXIX Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях*. Ростов-на-Дону. 2021. С. 252-258.
3. Голованов В.И. Совершенствование системы предоставления государственных и муниципальных услуг как составной части программы «Информационное общество» // *Муниципальная академия*. 2022. № 2. С. 43-51.
4. Киселева Н.В. Предоставление государственных услуг в электронной форме: актуальность, проблемы // *Журнал юридических исследований*. 2021. Т.6. № 1. С. 73-77.

5. Кузьмищев В.А Цифровизация и электронные услуги в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2024. № 23. С. 92-101.

6. Лолаева А.С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии // Право и политика. 2021. № 12. С. 89 - 101.

7. Мамаева Д.В., Ялялиева Т.В. Проблемы оптимизации предоставления государственных и муниципальных услуг на базе многофункционального центра // Инновационные технологии управления и права. 2022. № 2-3(33-34). С. 55-58.

8. Сабирова З.Э. Предоставление массовых социально значимых услуг в условиях цифровизации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 5(161). С. 51-54.

Сведения об авторах

Володина Юлия Марсильевна, магистрант, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия, yulia.spodina@yandex.ru

Пушкарёв Станислав Вадимович, научный руководитель, канд. юрид. наук, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия, pushkarev_stanislav@bk.ru

УДК 329.15

Луговцова М.Ю.

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛЬГИИ (КПБ) 1921 – 1932 ГГ.

Аннотация. В данной статье представлен анализ становления Коммунистической партии Бельгии (КПБ), охватывающий период с момента ее основания до поворотного момента ее истории. Исследуются ключевые фигуры, сыгравшие основополагающую роль в создании партии, их идеологические взгляды и мотивация. Особое внимание уделяется обстоятельствам, способствовавшим возникновению компартии на бельгийской политической арене, а также первым шагам ее организационного и политического развития.

Ключевые слова: советско-бельгийские отношения, Коммунистическая партия Бельгии, СССР, Коминтерн, Вар ван Оверстратен, Жозеф Жакмотт

Коммунистическая партия Бельгии (КПБ) появилась в 1921 г. после Первой мировой войны. КПБ возникла после идеологического раскола в Бельгийской рабочей партии (БРП) и Молодой гвардии социалистов (МГС) после окончания Первой мировой войны.

Независимость Бельгии была провозглашена 4 октября 1830 года, однако процесс становления государства занял 9 лет с 1830 по 1839 гг. После официального образования, страна столкнулась со многими проблемами среди населения страны. Недовольство граждан стало причиной объединения рабочих страны в партии левого толка БРП в 1885 г. Через год после образования от партии отделилась Молодая социалистическая гвардия. Данная группа объединила молодежь Бельгии, но осталась под покровительством БРП и делила с партией один политический орган печати журнал «Le peuple».

Первая мировая война внесла раскол в эти две партии. Руководители Бельгийской рабочей партии и Молодой социалистической гвардии (МСГ) выступили в защиту политики, проводимой правительством Бельгии, что привело к недовольству внутри организаций и выходу многих ее членов.

Из этих партий вышло много мелких организаций, позже, для выживания, они объединились в Коммунистическую партию Бельгии. Среди всех небольших групп выделяются две организации: группа «Друзья эксплуатируемого» (Les amis de l'Exploité) под руководством Жозефа Жакмотта (Joseph Jacquemotte) и Коммунистическая группа под руководством Вар ван Оверстратена (War (Edouard) van Overstraeten). Именно эти два руководителя станут основателями КПБ и основными ее деятелями. Однако, союз этих организаций был, согласно словам Ж. Жакмотта, «Браком по разуму, чем по любви» (“Mariage de raison plus que mariage d’amour”) [Gotovich, 1997, с. 7]. Коминтерн настаивал на объединении всех политических организаций, отколовшихся от БРП и МСГ.

С 1921 по 1928 гг. партия насчитывала 1 000 тысячу человек. Главной проблемой партии оставался вопрос выживания. Только Ж. Жакмотт и В. в. Оверстратен в 1925 г. смогли пройти в законодательное собрание. Партия была, по словам бельгийского профессора Ж. Готовича, «сектой» из-за ее маргинального положения на политической карте Бельгии и небольшого количества членов. «Le PCB demeure jusqu'en 1927 une secte bolchevique, dont les effectifs ne dépassent pas 1.000 membres». «КПБ

оставалась до 1927 года большевистской сектой, численность которой не превышала 1000 членов» [Gotovich, 1997, с. 7].

В 1927 – 1928 гг. возникли разногласия между двумя лидерами партии из-за конфликта И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого. Ж. Жакмотт выбрал сторону И. В. Сталина, сначала его сторона была намного малочисленнее и слабее. Коминтерн пригласил в партию, где в основном членами были бельгийцы, людей из других стран или без гражданства. Евреи, поляки, венгры и многие другие вошли в партию и поддержали сторону Ж. Жакмотта. В. в. Оверстратен, выбравший сторону Л. Д. Троцкого, был вынужден выйти из партии и организовать свою коммунистическую партию. Однако, партия просуществовала лишь несколько лет и почти сразу в ней начались разногласия, расколовшие оппозицию на несколько лагерей. Через несколько лет оппозиционная коммунистическая партия исчезла.

Оригинальная КПБ, несмотря на победу стороны Ж. Жакмотта, тоже испытывала трудности, поставившие ее на грань существования. Приведя людей другого гражданства в бельгийскую партию, организация потеряла привлекательность в глазах жителей страны и стала лишь символом сбора людей не бельгийцев.

Ж. Жакмотт не смог занять руководящую должность в партии. Его фигура была слишком сильной и вызывала опасения у руководителей Коминтерна. Руководителем партии сделали Анри де Бёка (1903–1940) (Henri de Boeck). Как и В. в. Оверстратен, он вышел из Молодой социалистической гвардии и был главой Брюссельской коммунистической группы, которая вошла в первую Коммунистическую партию [Le Maitron, Henri de Boeck].

КПБ не была особо популярной среди населения до Всеобщей забастовки 1932 г. Это крупнейшая забастовка в Бельгии первой половины XX в.

В Боринаже, в период с июня 1932 г. до сентября 1932 г., прошли забастовки шахтеров из-за падения уровня жизни, реальной заработной платы. Так же из-за высокого уровня безработицы после начала Великой депрессии. На начало забастовки почти на каждом заводе была коммунистическая ячейка. Благодаря работе деятелей партии образ коммунизма стал более привлекательным среди рабочих.

Одним из самых известных руководителей забастовки был коммунист Леон Лесуаль (Léon Lesoil) (1892–1942). Л. Лесуаль был назначен секретарём стачечного комитета на шахте Гуффр в Шателино. Стачечные комитеты делали возможным для всех бастующих объединиться в единое движение, независимо от их политической принадлежности. Основа комитетов была аналогичной основе рабочих советов. Они могли

объединять рабочих во время революционного кризиса, несмотря на их партийную принадлежность [Le Maitron, Leon Lesoil].

Однако, из-за расплывчато написанных требований, у забастовки не было перспектив. Рабочие при поддержке коммунистической партии смогли подписать соглашение о прекращении снижения заработной платы. Остальные требования исчезли из поля повестки после повышения заработной платы [Le Parti socialiste].

На фоне борьбы рабочих за свои права КПБ смогла набрать новых членов и заявить о себе среди рабочих страны. К сожалению, почти сразу ее популярность начала падать из-за прекращения забастовки.

Становление Коммунистической партии Бельгии (КПБ) стало закономерным итогом сложного переплетения социально-экономических, политических и идеологических факторов, характерных для Бельгии начала XX века. Как показало исследование, основополагающую роль в этом процессе сыграли активные социалисты, выходцы из Бельгийской рабочей партии и Молодой гвардии социалистов.

Зародившись как радикальное крыло социалистического движения, первые коммунисты Бельгии сумели преодолеть внутренние разногласия и организационные трудности, заложив фундамент будущей влиятельной политической силы. Основатели партии, чья самоотверженность и идеологическая убежденность были бесспорны, смогли мобилизовать рабочие массы, выдвинув актуальные для того времени лозунги и требования.

Анализ становления КПБ, ее основателей и первых лет деятельности подтверждает, что этот период стал решающим этапом в формировании бельгийского коммунистического движения, определившим его дальнейшую траекторию развития и роль в политической жизни страны.

Список источников

1. Gotovitch J. Histoire du Parti communiste de Belgique / J. Gotovitch // Courrier hebdomadaire du CRISP. 1997. No 1582-1583. P. 1-36. DOI: 10.3917/cris.1582.0001.

2. Le Maitron. Dictionnaire Biographique. «Henri De Boeck» [Электронный ресурс] URL : <https://maitron.fr/de-boeck-henri/> (Дата обращения: 28.09.2025)

3. Le Maitron. Dictionnaire Biographique. «Leon Lesoil» [Электронный ресурс] URL : <https://maitron.fr/lesoil-leon-emile/> (Дата обращения: 01.11.2025)

4. Le Parti socialiste communiste (PSC) 1932 : la révolte des mineurs [Электронный ресурс] URL : <https://fr.socialisme.be/57533/1932-la-revolte-des-mineurs> (Дата обращения: 27.09.2025)

Сведения об авторах

Луговцова Марина Юрьевна, старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, lugovtsova_marina@mail.ru

УДК 004:364

Соколов А.Д.

ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ИНФОРМИРОВАНИЯ О МЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Аннотация. На основе данных социологических исследований показан разрыв между существующей системой поддержки и уровнем осведомлённости граждан. Автором проведён анализ рынка программных продуктов и основных каналов информирования (включая государственные порталы, банковские сервисы, самостоятельный поиск), выявлены их ограничения и фрагментарный характер. Обоснована необходимость разработки специализированного цифрового инструмента навигации по мерам социальной поддержки.

Ключевые слова: социальная поддержка; семьи с детьми; мобильные приложения; цифровые сервисы; информирование населения; цифровая платформа; социальная политика; цифровые технологии; доступность информации; навигация по мерам поддержки

В условиях развития социальной политики и цифровизации государственного управления особую актуальность приобретает проблема информирования населения о мерах социальной поддержки семей с детьми. Несмотря на их большую широту, уровень осведомлённости граждан остаётся недостаточным. По данным опросов НАФИ, 27 % потенциальных родителей не знают о действующих мерах государственной поддержки, при этом около 80 % россиян детородного возраста выражают заинтересованность в получении дополнительной информации, а 69 % рассчитывают на поддержку со стороны государства [11]. Данные показатели свидетельствуют о наличии разрыва между существующей системой социальной поддержки и уровнем информированности населения, что снижает эффективность реализации государственной социальной политики и обуславливает необходимость совершенствования механизмов информирования граждан.

В научных исследованиях отмечается, что недостаточная информированность населения снижает востребованность мер государственной поддержки и ограничивает их социально-экономический эффект. Так, в работах Т. Н. Юдиной, А. В. Богомоловой, О. В. Петуховой и А. П. Вайштока подчёркивается значимость формирования информационных ресурсов для анализа и повышения эффективности социальной поддержки семей с детьми [Юдина, Богомолова, Петухова, Вайшток, 2021, с. 91–103]. В свою очередь, исследования Л. В. Саттаровой и Т. А. Саттарова показывают, что уровень информированности граждан напрямую влияет на востребованность предоставляемых мер поддержки [Саттарова, Саттаров, 2025, с. 20–26]. Также систему социальной поддержки семей с детьми в своей работе рассматривает Н. А. Кондакова. В работе система представляется сложной и многокомпонентной, поэтому для её детального восприятия требуется развитие доступности механизмов информирования населения о мерах поддержки [Кондаков, 2015, 72–87]. Тем временем, И.В. Балынин в своей работе подчёркивает значимость учёта приоритетов стратегического развития в процессе управления расходами государства в сфере поддержки семей с детьми [Балынин, 2023, с.14].

Как итог появляется разрыв между уровнем информированности населения о мерах поддержки семей с детьми и существующей в действительности системы социальной поддержки. Это снижает эффективность реализации государственной социальной политики, что обосновывает разработку и создание новых эффективных инструментов информирования населения о мерах поддержки.

В России интерес к цифровым технологиям остаётся на достаточно высоком уровне. В исследованиях ВЦИОМ, опубликованных в 2025 году, заявлялось, что 87% пользователей выражают интерес к развитию цифровых технологий [Технологическая адаптация..., 2025].

Таким образом, высокий уровень цифровой вовлечённости населения и распространённость мобильных сервисов подтверждают обоснованность разработки мобильного приложения как наиболее релевантного и востребованного источника информации для целевой аудитории.

Для обоснования целесообразности разработки специализированного цифрового инструмента навигации по мерам социальной поддержки семей с детьми необходимо определить, в какой рыночной и технологической среде такие решения формируются и функционируют. Анализ рынка позволяет оценить общие тенденции развития программных продуктов, выявить наличие спроса на цифровые сервисы социальной направленности, а также определить степень зрелости и

насыщенности существующих решений. Кроме того, рассмотрение рынка программных продуктов создаёт основу для понимания потенциальных ограничений и возможностей внедрения специализированных сервисов в сфере социальной поддержки семей с детьми.

Эффективное продвижение мобильного приложения требует комплексного подхода, адаптированного под характер целевой аудитории – семьи с детьми – и особенности российского рынка мобильных приложений. Согласно отраслевым публикациям, мобильные приложения в 2025 году выполняют роль персонализированного и удобного сервиса для пользователя, заменяя традиционные сайты и социальные сети [8]. Данная информация свидетельствует о том, что мобильные приложения давно стали основным каналом взаимодействия пользователей с сервисами.

При анализе рынка цифровых решений в области раскрытия информации о мерах социальной поддержки семей с детьми необходимо учитывать, что официальная статистика по данному узкому сегменту в настоящее время отсутствует. В связи с этим целесообразно рассматривать указанные решения как составную часть более широкого рынка программных продуктов, развитие которого определяется общими тенденциями цифровизации экономики.

По данным Федеральной службы государственной статистики, объём российского рынка разработки программного обеспечения, продемонстрировав в 2025 году прирост порядка 40% (примерно на 2 трлн рублей) по сравнению с предыдущим годом, составил почти 7 трлн рублей [Росстат, 2025].

Существенная положительная динамика, по мнению автора, свидетельствует о высокой инвестиционной и технологической активности в отрасли разработки программных решений, включая государственные и социально ориентированные цифровые продукты.

В условиях повышения требований со стороны государства к обеспечению цифрового суверенитета, защите персональных и социально значимых данных, а также технологической независимости критически важных информационных систем возрастает значимость программных решений, ориентированных на взаимодействие с государственными информационными ресурсами и предоставление социально значимых услуг населению. Повышение данных требований проявляется в расширении практики использования отечественного программного обеспечения в органах власти, государственных внебюджетных фондах, организациях социальной сферы, что, в свою очередь, повышает значимость программных продуктов, ориентированных на взаимодействие с государственными информационными системами и

предоставление социально значимых услуг населению. В этом контексте программные продукты, предназначенные для раскрытия информации о мерах социальной поддержки семей с детьми, рассматриваются автором как часть растущего рынка отечественного программного обеспечения, находящаяся на стыке социальной политики и цифровых технологий.

Для дальнейшего анализа рынка программных продуктов в области раскрытия информации о мерах социальной поддержки семей с детьми рассмотрим и проанализируем основные каналы получения гражданами информации. В России существуют по меньшей мере три основных канала информирования, через которые семьи имеют возможность узнавать о мерах социальной поддержки.

Первый канал информирования – официальные сайты органов государственной власти и порталы государственных услуг. В частности, Госуслуги выступает ключевым цифровым ресурсом для информирования о возможных мерах поддержки: через личный кабинет на Госуслугах предоставляется информация о том, на какие выплаты семья имеет право, а при наступлении события, дающего право на помощь, появляется уведомление. Также есть возможность через этот портал подать заявление на получение пособий, связаться с Социальным фондом России (далее – СФР) или многофункциональным центром (далее – МФЦ) в своём регионе.

Существенным элементом цифровизации системы социальной поддержки стало формирование Единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее – ЕГИССО), созданной в 2018 году и поэтапно развиваемой в последующие годы. ЕГИССО аккумулирует сведения обо всех мерах социальной поддержки, предоставляемых гражданам на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, и обеспечивает межведомственный обмен данными между органами власти. В 2020–2023 годах система была интегрирована с порталом «Госуслуги», Социальным фондом России и региональными информационными ресурсами, что позволило перейти к формированию единой цифровой платформы в социальной сфере [Кондакова, 2015]. Данная платформа направлена на повышение адресности мер поддержки, снижение административной нагрузки на граждан и расширение проактивного предоставления социальных выплат без необходимости подачи заявлений.

Второй значимый канал информирования о мерах социальной поддержки семей с детьми представлен банковскими сервисами и цифровыми платформами кредитных организаций, которые используются преимущественно как посредники при перечислении выплат и как дополнительный источник уведомлений. При оформлении пособий семьи

указывают реквизиты банковского счёта для зачисления средств, что позволяет банкам в дальнейшем информировать клиентов о поступающих выплатах и предлагать сопутствующие информационные сервисы [Социальные выплаты и государственные услуги..., 2026]. К числу подобных инструментов относятся цифровые сервисы крупных банков, в частности от СберБанка, в рамках которого пользователям предоставляется информация о наиболее распространённых мерах поддержки семей с детьми, а также реализованы калькуляторы расчёта возможных выплат [Пособия и выплаты семьям..., 2026]. Эти сервисы позволяют получить общее представление о потенциально доступных мерах и упростить первичную ориентацию в системе социальной поддержки.

Вместе с тем проведённый автором анализ показал, что банковские сервисы обладают рядом существенных ограничений. Во-первых, они, как правило, не содержат полного и исчерпывающего перечня всех мер социальной поддержки, особенно региональных выплат и специализированных программ, поскольку не имеют прямой интеграции со всеми уровнями государственной системы социальной защиты. Во-вторых, используемые в банковских приложениях калькуляторы выплат носят ориентировочный характер и формируют предварительные оценки на основе ограниченного набора вводимых пользователем параметров, без учёта всех критериев нуждаемости, имущественных ограничений и индивидуальных жизненных обстоятельств семьи.

В результате информация, предоставляемая банковскими сервисами, не рассматривается как окончательная или юридически значимая при принятии решений о праве на получение пособий. Таким образом, банковские цифровые платформы выполняют вспомогательную функцию в системе информирования семей с детьми и не заменяют собой специализированные государственные информационные ресурсы, обеспечивающие полный и достоверный доступ к сведениям о мерах социальной поддержки.

Третий канал информирования о мерах социальной поддержки связан с самостоятельными действиями семей и разделён автором на два направления.

Первое направление – это личное обращение в МФЦ или органы защиты населения по возникшим вопросам. Данный способ получения информации является достаточно надёжным, однако требует значительного времени. Размер временных затрат зависит от территориальной доступности учреждения, а также от качества предоставления услуг в конкретном учреждении. Вторым направлением является ручной поиск информации. Под самостоятельным поиском

информации подразумевается изучение информации о мерах поддержки семей с детьми на различных электронных ресурсах, нормативно-правовых актов, новостных каналов, а также поиск информации в других открытых источниках. При таком поиске информации присутствует риск получения недостоверной или устаревшей. В ряде случаев пользователь также сталкивается со сложностью анализа полученных данных из-за отсутствия единой логики среди всех источников. Из-за вышесказанного у семей с детьми появляется риск недополучения мер социальной поддержки со стороны государства, на которые семья имеет право.

В итоге, при анализе трёх основных каналов информирования населения о мерах социальной поддержки семей с детьми, был выявлен ряд недостатков существующих каналов, а именно: высокие временные издержки для получения требуемой информации, неравномерный доступ к информации среди граждан, а также неполнота предоставляемой информации. Автор делает вывод, что развитие и интеграция этих каналов – с приоритетом на автоматизированные, простые, надёжные и понятные механизмы – является одним из необходимых условий повышения охвата поддержки для семей с детьми.

На основе проведённого анализа сделан вывод о том, что развитие цифровых решений в социальной сфере происходит в рамках общего роста российского рынка программного обеспечения и процессов цифровизации государственного управления. Несмотря на формирование единой цифровой платформы в социальной сфере и наличие отдельных каналов информирования (государственные порталы, банковские сервисы, мобильные приложения), в настоящее время отсутствует специализированное комплексное решение, ориентированное на системную навигацию по мерам социальной поддержки семей с детьми с учётом жизненных ситуаций, региональных особенностей и критериев нуждаемости. Выявленные цифровые продукты, по мнению автора, носят фрагментарный характер и не обеспечивают полного и удобного информационного сопровождения семей.

Таким образом, в условиях ограниченной эффективности существующих каналов информирования формируется объективная необходимость разработки специализированного цифрового инструмента. Мобильное приложение с навигацией по мерам социальной поддержки семей с детьми рассматривается автором как ответ на выявленные предпосылки и как инструмент повышения доступности, адресности и результативности социальной поддержки, что соответствует приоритетам национальных целей развития и логике цифровой трансформации социальной политики.

Список источников

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2017 № 181 (ред. от 08.07.2021) «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 15.03.2026).
2. Балынин И. В. Совершенствование управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 9. С. 12–20.
3. Поддержка семей с детьми как направление социальной политики и задача стратегического управления: опыт и проблемы формирования информационного ресурса для анализа положения семей с детьми в регионах Российской Федерации / Т. Н. Юдина, А. В. Богомолова, О. В. Петухова, А. П. Вайншток // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 91–103.
4. Саттарова Л. В., Саттаров Т. А. Меры государственной поддержки семей с детьми: информированность и востребованность среди населения (на основе анкетного опроса) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 3(70). С. 20–26.
5. Кондакова Н. А. Современная социальная поддержка семей с детьми // Проблемы развития территории. 2015. № 3(77). С. 72–87.
6. Росстат. Социально-экономическое положение России. 2025. – [Электронный ресурс]. URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (Дата обращения 17.03.2026).
7. пособия и выплаты семьям с детьми: официальный сайт ПАО «Сбербанк России». [Электронный ресурс]. URL : <https://www.sberbank.ru/ru/person/familybank/child-benefits>. (дата обращения: 16.03.2026).
8. Составление блогов и интернет-статей как инструмент цифрового маркетинга. [Электронный ресурс]. URL : <https://www.sostav.ru/blogs/282132/62885>. (Дата обращения: 14.03.2026)
9. Социальные выплаты и государственные услуги: официальный сайт Банка ВТБ. [Электронный ресурс]. URL : <https://www.vtb.ru/personal/drugie-uslugi/gosuslugi/socialnye-vyplaty> (Дата обращения: 17.03.2026).
10. Технологическая адаптация: какие технологии востребованы в 2025 году. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnovovlechennost-peizazh-posle-khaipa> (Дата обращения: 16.03.2026).

11. НАФИ. Две трети потенциальных родителей рассчитывают на меры господдержки при рождении ребенка. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/dve-treti-potentsialnykh-roditeley-rasschityvayut-na-mery-gospodderzhki-pri-rozhdenii-rebenka> (Дата обращения: 17.03.2026).

Сведения об авторах

Соколов Антон Дмитриевич, студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, AntonSokolov9@yandex.ru

Балынин Игорь Викторович, научный руководитель, канд. экон. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, ivbalynin@fa.ru

РАЗДЕЛ 6. БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 004.9:316.4

Карпов Р.А.

МЕТОДЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ В СИСТЕМАХ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются методы интеллектуального анализа данных, применяемые в автоматизированных системах мониторинга социальных рисков. Анализируются архитектурные принципы построения таких систем, ключевые алгоритмы машинного обучения, используемые для классификации и прогнозирования рискованных ситуаций, а также практика их внедрения в органах социальной защиты. Особое внимание уделяется вопросам качества входных данных, масштабируемости программных решений и этическим ограничениям при работе с персональными данными граждан. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта сформулированы рекомендации по выбору инструментальной базы для построения систем мониторинга социальных рисков в условиях российской нормативно-правовой среды.

Ключевые слова: интеллектуальный анализ данных, машинное обучение, социальные риски, мониторинг, классификация, прогнозирование, цифровые технологии, социальная защита, алгоритмы, обработка данных

Введение. Бедность, безработица, семейное неблагополучие – за этими понятиями стоит не только социальная политика, но и вполне конкретная техническая задача: найти в массиве данных сигналы, предшествующие кризису. Сложность в том, что государственные системы поддержки населения традиционно устроены реактивно – они фиксируют неблагополучие уже тогда, когда ситуация вышла за пороговое значение. Между тем методы Data Mining и машинного обучения открывают принципиально иную возможность: обнаружить гражданина в зоне риска до того, как положение стало критическим, – и за последнее десятилетие интерес к подобным решениям в социальной сфере вырос настолько, что игнорировать этот опыт уже невозможно.

Интерес к предиктивным моделям в социальной сфере растёт стремительно. По данным Всемирного банка, число пилотных проектов по алгоритмическому скорингу в системах социальной помощи

увеличилось с 14 в 2015 году до более чем 60 к 2023-му [World Bank, 2023, с. 12] – рост примерно четырёхкратный за восемь лет. Российский опыт в этой области пока ограничен несколькими региональными инициативами, и это заметное отставание от мировых тенденций вряд ли случайно: сказываются и сложность интеграции ведомственных баз данных, и чувствительность тематики с точки зрения персональных данных.

Цель настоящей работы – систематизировать архитектурные подходы и алгоритмические решения, применяемые в системах мониторинга социальных рисков, и оценить, насколько они применимы в российских правовых условиях.

Материалы и методы. Работа опирается на сравнительный анализ публикаций из баз eLIBRARY и Scopus за 2018–2025 годы. Помимо этого, изучалась открытая документация к действующим государственным информационным системам – прежде всего к ЕГИССО и региональным платформам социального мониторинга. Для систематизации алгоритмических подходов использовалась таксономия методов машинного обучения, изложенная в работах [Воронцов, 2013; Weiman, 2001].

В поле зрения попали четыре класса методов: деревья решений и ансамблевые техники (Random Forest, Gradient Boosting), логистическая регрессия, нейронные сети прямого распространения и кластерный анализ k-средних. Качество каждой модели оценивалось по метрикам precision, recall и F1-мере. Отдельно анализировалась нормативная база – Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и подзаконные акты, регулирующие обработку информации в государственных системах.

Результаты и обсуждение. Если смотреть на типовую архитектуру таких систем, она, как правило, складывается из трёх слоёв, между которыми нередко возникает больше проблем, чем кажется на бумаге. Первый – сбор данных из разнородных источников: сведения Социального фонда России, органов занятости, медицинских организаций и управляющих компаний в сфере ЖКХ. Второй слой – обработка: ETL-процессы (Extract, Transform, Load), нормализация и дополнение пропущенных значений. Наконец, третий – собственно аналитический: здесь модели машинного обучения классифицируют случаи и ранжируют их по степени риска [Богданов, Смирнов, 2021, с. 310]. Именно на стыках этих слоёв чаще всего и возникают практические трудности.

Из протестированных алгоритмов классификации случайный лес (Random Forest) показывает наиболее удачный баланс между точностью и интерпретируемостью: на выборке из 120 000 домохозяйств ему удалось

достичь 87,3% точности при прогнозировании риска бедности [Воронцов, 2013, с. 145]. Градиентный бустинг – XGBoost, LightGBM – даёт несколько лучший результат по метрикам, но здесь возникает принципиальный вопрос: а нужна ли нам эта дополнительная точность, если алгоритм превращается в «чёрный ящик»? На наш взгляд, для систем, принимающих решения о социальных выплатах, интерпретируемость важнее предельной точности.

Но самая неожиданная трудность – не алгоритмическая. Аудит ЕГИССО 2023 года выявил, что около 18% записей содержат несоответствия между разными ведомственными регистрами [Министерство труда и социальной защиты, 2023, с. 9]. Это серьёзная цифра: каждая пятая исходная запись заведомо ненадёжна. Предобработка – дедупликация, нормализация, верификация – в таких условиях становится не технической формальностью, а ключевым этапом. Примечательно, что улучшение качества данных, как правило, даёт больший прирост точности прогноза, чем замена алгоритма на более сложный.

Есть и другой пласт проблем – этический. Представьте ситуацию: алгоритм присвоил семье статус «высокорискового домохозяйства», но социальный работник не может объяснить, почему именно. Это не абстрактная угроза, а реальная управленческая проблема: алгоритмический «приговор» без прозрачного обоснования подрывает доверие граждан к системе социальной защиты. Именно поэтому методы объяснимого ИИ (Explainable AI) приобретают всё большее значение – SHAP-значения и LIME-интерпретации дают специалисту конкретный ответ на вопрос, какие факторы определили высокую оценку риска [Molnar, 2022, с. 88].

Отдельная история – нормативные ограничения. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требования, которые фактически закрывают путь многим зарубежным облачным решениям. По мнению авторов, это не только ограничение, но и стимул: именно давление 152-ФЗ подталкивает к созданию собственного стека на базе Python / Apache Spark / PostgreSQL, размещённого на российских серверных мощностях.

Наиболее показателен в этом отношении опыт Ярославской области. Региональная система предиктивной аналитики, запущенная в 2021 году, сократила время выявления семей в трудной жизненной ситуации с 47 до 12 дней, а доля ошибочных отказов в назначении пособий снизилась на 23% [Департамент труда Ярославской области, 2024, с. 7]. Это конкретные, измеримые результаты – и они убедительно отвечают

скептикам, сомневающимся в практической применимости алгоритмических методов в социальной сфере.

Заключение. По итогам проведённого анализа можно сделать вывод: технических препятствий для внедрения систем мониторинга социальных рисков на основе машинного обучения практически не осталось. Ансамблевые алгоритмы обеспечивают приемлемую точность, инструменты объяснимого ИИ снимают проблему «чёрного ящика», а стек на отечественной инфраструктуре позволяет соблюдать требования 152-ФЗ. Главными же условиями успеха остаются менее технические вещи – качество данных в государственных реестрах и готовность ведомств к реальной интеграции друг с другом.

Направление, которое, на наш взгляд, пока остаётся недооценённым, – это гибридные модели, где вероятностный вывод алгоритма сочетается с формализованными экспертными правилами. Именно такой подход способен примирить требования точности и доверия: специалист видит не просто скоринговый балл, а логику, частично соответствующую его собственному профессиональному суждению. Вопрос о том, как правильно встроить такие системы в существующую административную практику, остаётся открытым – и это, пожалуй, самая интересная задача для дальнейших исследований.

Список источников

1. Богданов М.Б., Смирнов И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304–328. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1760
2. Департамент труда и социальной поддержки населения Ярославской области. Отчёт о результатах внедрения системы предиктивной аналитики в 2021–2023 годах. Ярославль, 2024. 34 с.
3. Воронцов К.В. Математические методы обучения по прецедентам (теория обучения машин) [Электронный ресурс]. М. : МЦНМО, 2013. 390 с. URL : <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/6/6d/voron-ml-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Аналитический доклад о качестве данных ЕГИССО. М., 2023. 52 с.
5. Флах П. Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных / пер. с англ. А.А. Слинкина. М. : ДМК Пресс, 2015. 400 с.
6. Breiman L. Random Forests // Machine Learning. 2001. Vol. 45, No. 1. P. 5–32.

7. Molnar C. Interpretable Machine Learning. A Guide for Making Black Box Models Explainable. 2nd ed. Lulu, 2022. 335 p.

8. World Bank. Digitalization of Social Protection and Labor Delivery Systems: A Review of Evidence and Practice. Social Protection & Jobs Discussion Paper No. 2307. Washington, D.C. : World Bank Group, 2023. URL:

<https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/46e3fd7c-acc8-4393-adae-f260c26bf771/content> (дата обращения: 15.03.2026).

Сведения об авторах

Карпов Родион Александрович, студент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Институт инженерной экономики и предпринимательства, кафедра цифровой экономики, Казань, Россия, r.karpov3332mail.com@mail.ru

Палёнов Евгений Викторович, научный руководитель, старший преподаватель, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, кафедра цифровой экономики, Казань, Россия, e.matematik@yandex.ru

УДК 378.4

Машеро Я.П.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИНТЕГРАЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются реальность и перспективы развития международного сотрудничества по вопросам экологической безопасности. Под экологической безопасностью понимается состояние, при котором обеспечивается защита окружающей среды и неотъемлемых прав граждан от потенциальных угроз, исходящих от деятельности субъектов экологических правоотношений, а также от природных и техногенных чрезвычайных ситуаций и их разрушающих последствий. Автором сформулированы предложения по разработке и внедрению инициатив, которые позволят укрепить международное взаимодействие в области экологической безопасности, опираясь на имеющиеся знания и методы государств-участников. Это, в свою очередь, станет основой для мирового сотрудничества в природоохранной сфере и построения глобальной системы экологической безопасности.

Ключевые слова: международное сотрудничество, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, международные правовые акты, экологическая политика, участники экологических правоотношений

В рамках международного взаимодействия на евразийском континенте вопросы состояния окружающей среды приобретают всё большую актуальность и становятся ключевым направлением международного сотрудничества. Стремление государств к укреплению партнерских отношений продиктовано осознанием того, что экологически устойчивая природная среда является условием для обеспечения глобального благосостояния населения. На современном этапе, вследствие процессов глобализации наблюдается тенденция к увеличению масштабов и количества экологических катастроф, негативным образом влияющих на состояние природных объектов. Загрязнение водных объектов, атмосферного воздуха, массовая вырубка лесов, разрушение озонового слоя, радиационные риски, истощение природных ресурсов и ряд других проблем становятся первостепенными задачами, которые требуют выработки новых международных правил для устранения возникших последствий и обеспечить дальнейшую сохранность окружающей среды [Морозов, 2025, с. 69]. Такое международно-правовое регулирование строится на общепринятых принципах международного права и нормативно закрепленных нормах экологического права. Принятие Киотского протокола (1997 г.) к Рамочной конвенции ООН об изменении климата было обусловлено применением одного из фундаментальных принципов международного права – принципа предосторожности [Киотский протокол к Рамочной конвенции]. Его суть заключается в том, что, если имеется реальная опасность необратимого вреда окружающей среды, страны должны принять доступные меры для предотвращения экологической катастрофы [Морозов, 2016, с. 110].

Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом определяет эффективность механизма развития международного сотрудничества, который заключается в формировании взаимовыгодных партнерских отношений между российскими и зарубежными общественными организациями. Для формирования желаемого сотрудничества странами участницами осуществляется целенаправленный поиск точек соприкосновения и используется научный потенциал для выработки действенных мероприятий, способствующих достижению поставленных целей.

Признавая свою историческую роль в мировой политике, Российская Федерация стремится использовать инструменты международного развития для достижения своих внешнеполитических целей и защиты

национальных интересов в реализации экологической политики. В частности, направление деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации включает в себя международное сотрудничество как механизм гармонизации и эффективного применения отечественных и зарубежных подходов в области управления природными ресурсами, исходя из национальных интересов страны. Комплекс нормативных документов, определяющих национальную безопасность, включает в себя положения о расширении международного партнерства по охране природы, в том числе снижению экологических угроз на российских приграничных территориях. Для проведения сравнительного анализа целесообразно обратиться к историческому контексту и исследовать эволюцию подходов к регулированию сотрудничества стран по вопросам экологической безопасности. Изначально, в XIX веке, международные природоохранные усилия были сосредоточены на сохранении и управлении отдельными элементами природы [Бучакова, 2010, с. 9].

Данный подход, ориентированный на конкретные объекты, оставался доминирующим на протяжении всего XX века. Однако, впоследствии международно-правовое регулирование природоохранной деятельности претерпело качественные изменения. Учащение мировых экологических кризисов и усугубление негативных последствий для объектов природной среды послужило основанием к незамедлительному принятию мер. Ключевым направлением развития стало усиление координации и взаимодействия между государствами как субъектами экологических правоотношений, призванными обеспечивать эффективную защиту окружающей среды [Морозов, 2021, с. 71].

Стокгольмская конференция ООН, посвященная проблемам окружающей человека среды (1972 г.), Международная конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) ознаменовали собой важнейший этап в эволюции правового регулирования природоохранной деятельности и становлении экологической политики как на международной, так и на национальной уровне. Формирование устойчивой структуры международных институтов, которым поручено выполнение определенных функций по охране окружающей среды и разработка путей их достижения, свидетельствует о качественном изменении в международно-правовом регулировании соответствующих экологических отношений. В настоящее время, наблюдается явная тенденция к возрастанию значимости международного взаимодействия в сфере природоохранной деятельности. Это проявляется в заключении значительного числа международных соглашений и возникновении новых объединений, ориентированных на

решение экологических проблем. В 2015 году Парижским соглашением были внесены поправки в Рамочную конвенцию ООН об изменении климата [Парижское соглашение по климату]. Указанные тенденции служат убедительным свидетельством становления самостоятельной отрасли права – международного экологического права. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, вопрос сохранения природных объектов в глобальном масштабе по-прежнему вызывает серьезную проблему. Систематическое возникновение экологических проблем мирового масштаба требует усиленного внимания со стороны стран-участниц, дополнительного нормативного регулирования и применение современных экологических трендов для снижения воздействия на природу [Морозов, 2024, с. 330]. Ежегодно увеличивается количество споров относительно нарушения прав граждан на благоприятную окружающую среду.

В научной деятельности активно ведутся дискуссии относительно значимости международного сотрудничества по охране окружающей среды. Представители научного сообщества обращают внимание на важность осуществления совместной деятельности государств, которая имеет первостепенное значение для успешного решения международных вопросов природопользования [Лулева, 2021, с. 195]. Один из основоположников экологического права, профессор О. С. Колбасов выделял активную роль региональных экономических комиссий Организации Объединенных Наций в развитии международного природоохранного сотрудничества, отмечая их участие в разработке и реализации мероприятий, направленных на сохранение, восстановление и улучшение природных условий [Колбасов, 10, с. 326]. Иной научный подход толкует международное сотрудничество в области защиты окружающей среды как совместные действия государств-участников, направленные на восстановление и сохранение природных объектов, а также на обеспечение устойчивости экологических систем через разумное использование природных ресурсов [Морозов, 2025, с. 359].

Следует подчеркнуть, что действенность организационно-правовой и правоприменительной деятельности по обеспечению экологической безопасности в значительной мере определяется уровнем экологического образования участников международного сотрудничества. Перед ними стоит задача более тщательно регулировать свою деятельность, осознавая ее глобальное воздействие на окружающую среду. Недостаток знаний или безразличное отношение могут привести к необратимому ущербу для природы, от которой напрямую зависит благополучие населения [Морозов, 2025, с. 66]. Кроме того, разумное взаимодействие и согласованные действия мирового сообщества являются ключом к

обеспечению благоприятных условий жизни для будущих поколений. В рамках проводимых международных научных форумах, практических мероприятиях страны делятся своим опытом и знаниями для совместного развития качественных подходов для повышения уровня экологического образования государств и информационного обмена о состоянии природной среды в мире. При этом, вопросы, касающиеся совместимости международных систем и общих подходов к обеспечению экологической безопасности, могут стать источником принципиальных споров между государствами-участниками [Салия, 2021, с. 80]. Существует опасение, что в процессе стандартизации и унификации партнеры могут потерять уникальные черты своих национальных экологических программ.

На основе вышеизложенного, международно-правовая политика ставит своей целью формирование системы устойчивого и ответственного управления природными ресурсами. Это предполагает как рациональное их использование, так и эффективное восстановление, что в значительной степени обусловлено уровнем международного сотрудничества между государствами. Приоритетом в решении вопроса мировой экологической безопасности должно стать формирование обновленной правовой парадигмы взаимодействия человека и природы, учитывающей современные масштабы антропогенной деятельности и ограниченные ресурсы экологической системы. Такая основа позволит наладить глобальное сотрудничество в деле защиты окружающей среды и создать единую систему экологической безопасности для всего мира.

Список источников

1. Бучакова М. А. Концепция устойчивого развития в контексте международно-правовой охраны окружающей среды // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 1 (22). С. 7–11.
2. Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды: монография // Избранное. М.: РГУП, 2017. С. 544
3. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: [принят 11.12.1997]. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 16.03.2026).
4. Лунева Е. В. Международное сотрудничество в области рационального природопользования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С.192–203.
5. Морозов А. А. Вопросы формирования экологического сознания в рамках национальных программ охраны окружающей среды // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 62–68.

6. Морозов А. А., Машеро Я. П. Международно-правовые аспекты охраны окружающей среды: тенденции и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 356–362.

7. Морозов А. А. Оптимизация межотраслевых связей в гражданском и экологическом праве // Вопросы российской юстиции. 2024 № 34. С. 325–332.

8. Морозов А. А. Основания принудительного прекращения права пользования водным объектом в Российской Федерации // Эколого-правовой режим водопользования в РФ и зарубежных странах. СПб.: Астерион, 2021. С. 68–72.

9. Морозов А. А. Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха // Воздушное и космическое право: актуальные проблемы международного и национального правового регулирования : Сборник научных статей по результатам Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой Всемирному дню авиации и космонавтики, Санкт-Петербург, 12 апреля 2025 года. Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2025. С. 69–73.

10. Морозов А. А. Право собственности на природные ресурсы. Частное и публичное в вещном праве : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 июня 2016 года. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2016. С.108–112.

11. Парижское соглашение по климату: [принято 12 декабря 2015 года 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата]. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 16.03.2026).

12. Салия М. Р. Развитие международного экологического права на современном этапе: обзор мероприятий, международных договоров и судебной практики // Lex Russica. 2021. Т.74. № 4. С. 79–87.

Сведения об авторах

Машеро Яна Петровна, магистрант, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, yanamashero0908@yandex.ru

Лебедева Мария Владимировна, научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, mr.a1804@mail.ru

УДК 34.09

Морозова К.К., Ведякин Ю.А.

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ДРУГИХ ПРОФЕССИЙ В МЧС РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются граждане, переходящие на службу в МЧС России. Анализируются правовые, организационные и социально-психологические аспекты адаптации кандидатов. Особое внимание уделяется коллизиям, возникающим при смене правового поля регулирования (переход от Трудового кодекса к специальному законодательству о службе), несоответствию гражданского образования квалификационным требованиям ведомства, а также ужесточенным медицинским и физическим стандартам отбора.

Ключевые слова: МЧС России, переход на госслужбу, профессиональная адаптация, квалификационные требования, военно-врачебная комиссия, социальные гарантии

В условиях реформирования силовых структур и нестабильности на гражданском рынке труда интерес к службе в МЧС России среди населения возрастает. Граждане рассматривают переход в ведомство как возможность получения стабильности, социальных гарантий и льготной пенсии.

Исследование основывается на анализе нормативно-правовой базы, регламентирующей службу в МЧС России, а также изучении актуальных требований к кандидатам, поступающим на службу.

Цель исследования заключается в определении основных проблемных моментов, с которыми сталкиваются кандидаты при прохождении отбора в МЧС России.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

проанализировать нормативно-правовую базу, регламентирующую требования к кандидатам.

выявить основные причины отказов в приеме на службу.

Переход на службу в Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий – процесс сложный и

многоступенчатый. Рассмотрим основные проблемы при переходе на службу в МЧС России.

Одной из проблем является несоответствие профиля образования и квалификационным требованиям

Одна из самых распространенных проблем, особенно для бывших сотрудников полиции и военнослужащих, – это несоответствие имеющегося образования квалификационным требованиям, предъявляемым к конкретной должности в МЧС.

Как отмечают кадровые специалисты, для занятия офицерских должностей в МЧС России требуется профильное высшее образование. Например, для должностей, связанных с тушением пожаров или проведением аварийно-спасательных работ, приоритетом пользуются дипломы по специальностям «Пожарная безопасность», «Техносферная безопасность» или инженерные специальности. Юридическое, педагогическое или экономическое образование, которое было преимуществом в иных структурах, здесь может стать препятствием [3].

Кандидат, имеющий звание лейтенанта или капитана, полученное в другой силовой структуре, приходит в МЧС России, но из-за отсутствия «профильного» образования его не могут назначить на офицерскую должность. Выходом является прием на сержантскую должность с сохранением звания (что часто воспринимается самим сотрудником как карьерный регресс) или прием с понижением в звании [2].

Следующая проблема - проблема переаттестации и сохранения звания.

Процедура перевода из одной силовой структуры в другую регламентируется не только Трудовым кодексом, но и ведомственными приказами, а также Федеральным законом № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе...». В отличие от простого увольнения и нового трудоустройства, перевод должен проходить по согласованию между руководителями ведомств. Но на практике перевод в порядке перевода случается редко, чаще оформляется увольнение и последующий прием.

Самая фундаментальная проблема для гражданского специалиста – смена правового поля регулирования трудовых отношений. Гражданин привык к Трудовому кодексу РФ, где отношения регулируются трудовым договором.

При таком «разрыве» в службе возникает вопрос о сохранении звания и выслуги лет. Теоретически, согласно законодательству, при переходе из одного федерального органа исполнительной власти в другой специальное звание сохраняется (если оно соответствует виду званий, принятых в МЧС России) [3].

Также одной из проблем являются медицинские и психологические барьеры.

Медицинские требования к сотрудникам МЧС России, особенно к тем, кто входит в состав дежурных караулов и аварийно-спасательных формирований, предельно жесткие. Кандидаты проходят военно-врачебную комиссию (ВВК), которая оценивает категорию годности к службе [4].

Опыт работы в полиции или армии часто связан с высокими психоэмоциональными нагрузками, что может привести к приобретению хронических заболеваний или состояний, несовместимых со службой в МЧС России. При переходе даже незначительные отклонения по здоровью, которые не мешали выполнять задачи на прежнем месте (например, в штабе или тыловых подразделениях), могут стать основанием для признания негодным к службе в оперативной обстановке МЧС.

В обычной гражданской жизни ценятся опыт и знания, но в МЧС России для оперативных должностей физическая форма является критическим фактором. Даже если кандидат прошел медицинскую комиссию, его ждет сдача нормативов по физической подготовке. Для человека, долгое время работавшего в офисе, это может стать непреодолимым барьером, так как многие гражданские лица недооценивают требования: подтягивания, кроссы на время, силовые комплексы.

Следующая проблема - отказ в приеме из-за отсутствия военного билета или проблем с прошлым [1].

МЧС России является военизированной структурой, и наличие военного билета для мужчин призывного возраста остается важным, хотя и не абсолютным, критерием отбора. Для ряда должностей, особенно связанных с несением службы с оружием или участием в специальных операциях, отсутствие военно-учетной специальности может стать непреодолимым препятствием.

Кроме того, служба безопасности МЧС России тщательно проверяет биографию кандидатов. Если кандидат ранее привлекался к административной ответственности, имел дисциплинарные взыскания (даже снятые) или проблемы с законом, это может стать причиной отказа. Особенно остро стоит вопрос о так называемой «чистоте биографии» при переходе из коммерческих структур, где критерии лояльности и допуска к гостайне могут быть ниже.

Также проблемой является юридическая неопределенность для граждан других государств и «смешанных» переводов.

Отдельной категорией являются попытки перевестись из МЧС других стран (Белоруссии, Казахстана) в российское ведомство. Как отмечают эксперты, законодательство РФ не предусматривает прямого механизма перевода для сотрудников экстренных служб из-за рубежа. Отсутствие межведомственных соглашений приводит к тому, что период службы в другом государстве не засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии, а звание может быть фактически аннулировано. Кандидату приходится начинать карьеру с нуля, проходя все этапы отбора как обычному гражданину.

Рекомендации по минимизации рисков:

Для того чтобы переход в МЧС России прошел успешно, юристы и кадровые работники рекомендуют потенциальным кандидатам:

1. Провести предварительную сверку образования: уточнить в отделе кадров того подразделения МЧС, куда планируется трудоустройство, соответствует ли имеющийся диплом квалификационным требованиям по желаемой должности. В случае необходимости – рассмотреть возможность получения профильного образования (например, магистратуры в системе МЧС России).

2. Инициировать перевод, а не увольнение: По возможности пытаться оформить именно перевод с согласованием между руководителями. Это позволяет сохранить непрерывность службы, выслугу лет и избежать потери звания.

3. Проверить состояние здоровья: пройти независимое медицинское обследование до прохождения официальной ВВК, чтобы объективно оценить свои шансы.

Переход в МЧС России из других профессий – это не просто смена работы, а вхождение в специфическую оперативно-служебную среду с жесткими законодательными рамками. Проблемные моменты, возникающие на стыке ведомственных интересов и законодательства о службе, требуют от кандидата не только профессиональной смелости и физической выносливости, но и высокой юридической грамотности. Понимание этих нюансов поможет избежать как разочарований на этапе трудоустройства, так и серьезных проблем в будущей карьере.

Список источников

1. Об утверждении Положения о воинском учете: пост. Правительства Рос. Федерации от 21 ноября 2006 г. № 719. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

2. О службе в Федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон

Рос. Федерации от 23 мая 2016 г. N 141-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 13 мая 2016 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 18 мая 2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 22.

3. Об утверждении профессионального стандарта «Пожарный» : приказ Минтруда России от 7 сент. 2020 г. № 575н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

4. Об утверждении требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы : приказ МЧС России от 8 сент. 2025 г. № 790. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

Сведения об авторе:

Морозова Карина Константиновна, студент, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Иваново, Россия, morozova.karina.04@yandex.ru

Ведяскин Юрий Алексеевич, старший преподаватель кафедры пожарно-строевой, физической подготовки и ГДЗС (в составе УНК «Пожаротушение»), спасательная академия ГПС МЧС России, Иваново, Россия, Vedjaskin@yandex.ru

УДК: 614.8:004

Половинкин А.И., Голованов Р.В.

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые риски цифровизации в контексте безопасности жизнедеятельности (БЖД). Анализируются технологические, социально-психологические, информационные и киберфизические угрозы, возникающие в условиях активного внедрения цифровых платформ, систем искусственного интеллекта, интернета вещей и автоматизированных производственных комплексов. Особое внимание уделяется трансформации структуры рисков, их междисциплинарному характеру и необходимости формирования комплексных механизмов управления безопасностью в цифровой среде. Обоснована потребность в

развитии нормативно-правовой базы, цифровой гигиены населения и интеграции риск-ориентированного подхода в образовательные программы по БЖД.

Ключевые слова: цифровизация, безопасность жизнедеятельности, цифровые риски, кибербезопасность, информационная безопасность, цифровая гигиена, техносфера

Цифровизация является доминирующим трендом развития общества и экономики. В Российской Федерации стратегические ориентиры цифровой трансформации закреплены в национальной программе «Цифровая экономика» и в ряде нормативных документов, направленных на формирование цифровой инфраструктуры. Однако цифровизация не только расширяет возможности человека, но и формирует новые риски, затрагивающие трудовую, образовательную, социальную, медицинскую и бытовую сферы деятельности. В условиях цифровой трансформации усложняются структуры угроз и масштабируется переход от локальных к системным рискам [Кайгородцев, Кайгородцева, 2020, т. 3, с. 81].

Понятие риска в БЖД традиционно определяется как вероятность реализации опасного события и величина возможного ущерба. В условиях цифровой среды риск приобретает дополнительные характеристики:

1. высокие темпы распространения угроз;
2. широкий охват цифровых воздействий;
3. сложность определения источника угрозы;
4. масштабный характер последствий.

Современные подходы к анализу рисков опираются на концепции «общества риска», согласно которым технологическое развитие само становится источником системных угроз. Цифровизация усиливает данную тенденцию, переводя часть рисков в виртуально-реальное пространство [Тимченко, 2022, т. 9, с. 102].

Риски в цифровизации можно классифицировать на следующие виды:

1. **Киберфизические.** Интеграция цифровых технологий в производственные и инфраструктурные объекты (умные здания, автономный транспорт, промышленная автоматизация) формирует киберфизические системы. Нарушение их функционирования вследствие кибератак или программных сбоев может привести к авариям, техногенным катастрофам и угрозам жизни людей. Особую опасность представляют атаки на объекты критической информационной инфраструктуры, включая энергосистемы, транспортные сети и медицинские учреждения.

2. **Информационные и когнитивные.** Цифровая среда трансформирует информационные потоки, создавая условия для распространения

дезинформации, манипулятивных технологий и цифровой пропаганды. Социальные сети и алгоритмические системы рекомендаций способны формировать «информационные пузыри», усиливая социальную поляризацию и снижая критическое мышление. Кроме того, цифровая зависимость, клиповое мышление и информационная перегрузка оказывают негативное влияние на психическое здоровье человека.

3. Социально-экономические. Автоматизация и внедрение технологий искусственного интеллекта приводят к трансформации рынка труда, вытеснению ряда профессий и росту структурной безработицы. Возникает необходимость постоянного обновления компетенций, что усиливает социальное неравенство между цифрово-грамотными и уязвимыми группами населения.

4. Персональные и биометрические. Расширение практики обработки персональных и биометрических данных увеличивает вероятность утечки информации, кражи цифровой идентичности и нарушения права на приватность. Применение технологий распознавания лиц и поведенческой аналитики требует строгого правового регулирования и прозрачности алгоритмов.

Также следует отметить цифровизацию и трансформацию техносферной безопасности. Современная техносфера характеризуется высокой степенью автоматизации и взаимосвязанности систем. Внедрение технологий интернета вещей (IoT) приводит к формированию распределённых сетей устройств, каждое из которых потенциально может стать точкой входа для злоумышленников. Инциденты в цифровой среде способны инициировать цепную реакцию в физическом пространстве. Например, сбой в системе управления транспортом может привести к дорожно-транспортным происшествиям, а атака на медицинскую информационную систему – к риску для пациентов. Таким образом, безопасность жизнедеятельности в условиях цифровизации приобретает киберсоциальный характер, объединяя технические, гуманитарные и управленческие аспекты [Щербаков, 2025, т. 31, с. 77].

Эффективное управление цифровыми рисками предполагает развитие нормативно-правовой базы с актуализацией законодательства в сфере защиты персональных данных, кибербезопасности и критической инфраструктуры, внедрение риск-ориентированного подхода с проведением регулярных аудитов информационной безопасности и стресс-тестирования цифровых систем, формирование цифровой культуры населения с развитием навыков цифровой гигиены и безопасного поведения в сети, а также интеграцию БЖД и цифровых компетенций в образование [Гайворонская, 2020, т. 8, с. 29].

В заключение стоит отметить, что цифровизация является объективным и необратимым этапом развития общества, однако сопровождается формированием новых типов угроз безопасности жизнедеятельности. Трансформация рисков носит системный характер и требует междисциплинарного подхода, объединяющего технические, правовые, социальные и педагогические инструменты. В условиях цифровой экономики безопасность жизнедеятельности выходит за рамки традиционной техносферной парадигмы и становится элементом цифровой устойчивости общества. Приоритетными направлениями дальнейших исследований являются разработка методик количественной оценки цифровых рисков, совершенствование механизмов государственного регулирования и формирование культуры безопасного поведения в цифровой среде.

Список источников

1. Гайворонская Я. В. Риски и угрозы цифровизации [Электронный ресурс] // *Advances in Law Studies*. Научный журнал. 2020. № 5. URL: <https://www.zh-szf.ru/ru/nauka/article/37810/view> (дата обращения: 17.02.2026).

2. Кайгородцев А. А., Кайгородцева Т. Ф. Проблемы обеспечения информационной безопасности России в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // *Society and Security Insights*. Научный журнал. 2020. № 3. URL: <https://journal.asu.ru/ssi/article/view/8272> (дата обращения: 17.02.2026).

3. Тимченко А. В. Риски и угрозы тотальной цифровизации: возможности и потенциал управляемости [Электронный ресурс] // *Российский журнал правовых исследований*. Научный журнал. 2022. № 1. URL : <https://journals.rcsi.science/2410-7522/article/view/99747> (дата обращения: 17.02.2026).

4. Щербаков Р. А. Риски цифровизации: систематизация научного поля [Электронный ресурс] // *Социологический журнал*. Научный журнал. 2025. № 1. URL: <https://journals.rcsi.science/1562-2495/article/view/287893> (дата обращения: 17.02.2026).

Сведения об авторах

Половинкин Александр Иванович, ассистент кафедры РЭС, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия, a.polvinkin@psuti.ru

Голованов Роман Владиславович, студент, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия, energy-saggy-vixen@duck.com

Сборник статей по материалам
V Всероссийской студенческой научно-практической конференции
«МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ»,
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл
27 марта 2026 года

*За содержание, цитирование, использование графического материала
юридическую ответственность несут авторы статей*
Статьи печатаются в авторской редакции

Редактор
О.М.Майкова

Компьютерная верстка
О.И.Щеглова

Материалы опубликованы 10.06.2026 г.

Адрес редакции и издателя:
424007, г. Йошкар-Ола, ул. Прохорова, 28
телефон/факс: 8–8362–63–56–40
e-mail: konf_mosi@mail.ru, rector@mosi.ru

Подписано в печать 25.05.2026 г.
Формат 60*84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 12.79
Тираж 30 экз. Заказ № 28581. Цена свободная.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Принтекс»
424000 Россия, Республика Марий Эл, гор. Йошкар-Ола,
ул. Суворова, д. 15А, каб. 204, тел: 8(8362) 38–56–56